

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2013). Ст. 54.
2. Берестова Л.И. Основы технологии социального прогнозирования и проектирования: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011.
3. Маданес К. Стратегическая семейная терапия. – М.: Класс, 2012.
4. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. – СПб.: Перспектива, 2014.

Секция 2. Семья как ресурс развития взрослых и детей

Исследование стереотипности форм реагирования в семейной системе

Авакян М.А., Колесникова В.И.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Факультет психологии,

Симферополь, Россия

mariam.avaky@gmail.com, vikolesn@ya.ru

Актуальность. В связи с тем, что существует проблема стереотипного поведения в семейных поколениях, необходимо проследить за функциональной значимостью поведения участника, вовлеченного в триангуляцию, чтобы иметь возможность использовать полученные данные в практических целях, а именно: уметь предупредить статичность дальнейших взаимоотношений члена семьи, вовлеченного в триангуляцию, в рамках системной семейной традиции.

Постановка проблемы. Так как семейная система включает в себя динамичность процессов взаимодействия, отражающихся на мировоззрении ее участников, наблюдается

разрыв между природой субъективных взглядов и значениями, которые «встраиваются в образ собственного Я». Следование тем или иным стимулам извне вызывает стремление обозначить, за счет функции речи, логику своих поступков, согласно имеющегося в памяти опыта. Проявление стереотипного поведения, подкрепляется связью с предыдущими поколениями. Статичность стереотипов препятствует индивидуальному развитию.

Существенным является взгляд на семью через призму эволюционного развития на примере много поколенных связей. М. Боуэн – представитель биологизаторского взгляда на сущность человеческих проявлений, где фокус его внимания, направлен на процесс гомеостаза, как функционально-значимой категории, участвующей для поддержания баланса, противоположно направленных тенденций внутри семейных взаимоотношений. Феномен триангуляции, введен М. Боуэном в 1957 г. выступает в качестве наименьшей единицы системного взаимодействия [4, с. 103]. С точки зрения Мюррея Боуэна, в ситуациях повышенной тревоги индивид подчинен эмоциональной системе реагирования, которая обеспечивает полное безоценочное принятие и воплощение в самосознании, предъявляемых форм и способов поведения родителей. Напряжение внутри диады, стимулирует вовлечение третьего лица, зачастую ребенка, и приписывание ему проекций тех семейных функций, с которыми двое справиться, не способны. Таким образом, ребенок идентифицируется с ролью, которая приводит систему к балансу. В таком случае возникают искажения в представлениях о других и о себе самом, а также наблюдается следование этим искажениям. Безоговорочное принятие и «встраивание в образ собственного Я», поступков, слов, позиций, действий значимой для индивида личности, происходит за счет эмоционального запечатления, которым, в большей мере, руководствуется ребенок, в силу полностью не сформированной функции интеллекта, из-за возрастных особенностей. Этот процесс находит свое отражение в процессе передачи статичных функций из поколения в поколение, которые всячески рационально объясняются.

Природный нарциссизм индивидов, способствует предпочтению содержаниям желаемого, вместо действительного. Для человека, с позиции сохранения энергии, гораздо приемлемее поддерживать и находиться, в раннее созданных условиях, участвующих в формировании стереотипов, передаваемых поколениями. Стереотипы

вырабатываются из побуждений участником семейной системы, в которой факты действительности образуются с целью поддержания мифа о представлении каждого из субъектов.

Допустим, что в отношениях триангуляции мать находит во всяком действии сына героичность его побуждений. Сын субъективно объясняет свои позиции в социуме, которые не противоречат материнским проекциям. Тем самым, сын дает возможность помещать в себя материнские интенции, что способствует снижению требований матери к отцу. Сын, таким образом, выполняет функцию, которая не свойственна отцу, однако требуется матерью. Такая компенсация снижает напряжение между взрослыми. Однако следует задаться вопросом: «Свойственна ли данная функция природе этого ребенка?»

Такой стереотип всячески рационально объясняется. Положительное и отрицательное поведение ребенка, вовлеченного в отношения триангуляции, образуется под действием влияния процессов проекции. Однако ребенок всячески рационализирует стратегии своего поведения не только для других, но и для себя. Он находит значимость своих взглядов и поступков. Задав вопрос, в процессе терапии непослушному ребенку, который сорвал урок о том, что было бы, если бы он так не поступил, ответ содержал бы смысл, который отображает стремление осуществить разрядку негативной направленности учителя, на учеников, «жертвывая», таким образом, собой в защиту большинства. Ведь, они так нуждались в безопасности, которую предоставил этот ученик, а значит, они нуждались в нем.

По мнению В. Франкла, каждый субъект стремится отыскать собственный смысл, в любой сфере своей жизни, взяв на себя ответственность за его поиски. В процессе поиска смысла чувствует совесть, которая является иррациональной и определяется, как способность духа обрести единственный, уникальный смысл. Более того, по мнению Франкла, в случае, если субъект находит смысл в действиях, которые даже деструктивно воздействуют на него, он не перестанет действовать таким образом во имя смысла [3].

Определение себя, по Ж. Лакану, осуществляется в процессе нарциссической идентификации в «отражении» себя в глазах Другого. Этому способствует регистр Воображаемого. Изначально, в качестве Других выступают родители. Репрезентация субъекта осуществляется на основе означающих в регистре Символического [2].

Ж. Лакан комментирует процесс повторения, в котором символ совладевает с отсутствием. Означающее регистра Символического помогает справиться с пустотой Реального.

Стереотипы в семейной системе, на наш взгляд также, можно описать, как замещение отсутствия субъекта на момент влияния системы семьи на его функционирование. Данная позиция не является критической по отношению к взглядам Боуэна и его идеям об эмоциональном слиянии, как причине возникновения стереотипа, а напротив, лишь подтверждает данную точку зрения, иллюстрируя влияние Другого на репрезентативность субъекта с позиции постструктурализма.

Нами была выдвинута *гипотеза* о том, что стереотипные реакции индивида коррелируют с имевшимися у него представлениями о родительской семье, а также со смысловой оценкой собственной функциональной значимости данного субъекта в отношениях триангуляции.

В ходе проведенного исследования нами решались следующие *задачи*:

1. Выявить стереотипные формы поведения, имеющиеся в семейных поколениях с помощью составления генограмм.
2. Исследовать дискурс участника внутри семейных взаимоотношений, выполняющего функцию проекции семьи при помощи контент-анализа.

В пилотажном исследовании приняло участие 15 испытуемых, в возрасте 20 лет: 7 – девушек, 8 – юношей. Условием участия в исследовании было наличие у респондентов внутри поколений отношений триангуляции, что было выявлено при помощи составления генограмм. Триангуляция указывает на наличие дисфункции во взаимоотношениях.

Целью нашего исследования было – изучить смысловую значимость имеющихся стереотипов поведения внутри поколений, детерминированных процессом триангуляции.

В процессе беседы, респонденты описывали активные и пассивные позиции участников семьи, их взаимоотношения. Письменно испытуемыми было обозначено субъективное представление о себе, что было проанализировано нами при помощи контент-анализа.

В результате исследования выявлено наличие смысловой значимости выполняемой позиции в семье у 86 % испытуемых. При этом 54,2 % исполняют положительные роли; 31,8 % – отрицательные, которые рационально обосновываются индивидами. У 94 % выявлено стереотипное следование функциям, полученным в результате взаимодействия в родительской семье. Наблюдалось включение смыслового поля участников семейной системы в субъективное оценивание себя. В дискурсе испытуемых было отображено восприятие семейных требований и их поведенческое подкрепление. Учитывая полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

1. Функция участника триангуляции, опосредована проективным воздействием семьи. Подчинение требованиям системы носит эволюционный характер. Индивиду свойственно адаптироваться к условиям среды с целью поддержания баланса.

2. Процесс триангуляции участвует в образовании в поколениях стереотипов. Этот феномен приводит к дисфункциям ее участников. Так, как наблюдается статичность в следовании «удобной для семьи» функции – отсутствует развитие системы в целом.

3. Поведенческие реакции, содержательно коррелируют с имевшимися у индивида представлениями о родительской семье, а также, со смысловой оценкой собственной функциональной значимости данного субъекта в отношениях триангуляции так, как наблюдалось рациональное объяснение испытуемыми, проявления стереотипных форм поведения.

В заключение отметим важность обозначивания и осмысления имеющих круговых связей между субъектами с той или иной функцией в нуклеарной семье, что послужит интеграции опыта поколений, определив природную функциональную потребность субъекта.

Список литературы

1. Бейкер К., Варга А.Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. – М.: Когито-Центр, 2005.
2. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995.

3. Франкл В. Человек в поисках смысла М.: Прогресс, 1990.
4. Фримен Д. Техники семейной психотерапии. – СПб.: Питер, 2001.

Факторы, влияющие на взаимоотношения братьев и сестер

Алмазова О.В., Долгих А.Г.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, г.Москва, Россия

almaz.arg@gmail.com, ag.dolgikh@mail.ru

В статье анализируется онтогенез взаимоотношений братьев и сестер. Дан краткий обзор исследований на тему взаимоотношений взрослых сиблингов. На отечественной выборке (N=289) выделены и описаны основные типы взаимоотношений взрослых сиблингов. Установлено, что одни условия (возраст, разница в возрасте, семейный статус, личностные черты сиблинга и степень генетического родства) сохраняют свое влияние на характер взаимоотношений братьев и сестер во взрослом возрасте, тогда как другие (пол, расстояние, на котором проживают сиблинги друг от друга и сиблинговая позиция) существенны в детстве, но постепенно утрачивают свою значимость.

Ключевые слова: братья и сестры, взрослые сиблинги, типология сиблинговых взаимоотношений, факторы взаимоотношений сиблингов.

Братья и сестры – близкие родственники. С самого раннего возраста родители акцентируют внимание детей на *неизбираемость* и *неотменимость* этих связей (Руфо М., 2006). Общность семейной среды (материальные условия, социо-образовательный уровень, личность родителей и т.д.), повседневность и длительность общения и взаимодействий между братьями и сестрами только укрепляют ощущение крепости сиблинговых отношений (Brody G.H., Neubaum-Carlan E., 2002). Кроме того

вплоть до подросткового возраста сиблинги остаются самыми частыми партнерами по общению, так как вне школы большую часть времени братья и сестры проводят вместе (Cicirelli V., 1995). По мере взросления к внешним условиям добавляется еще и общий опыт эмоциональных переживаний (позитивных и негативных). Еще одной особенностью сиблинговых отношений является то, что, с одной стороны это - отношения внутри семьи, а с другой - отношения со сверстниками, то есть *не* взрослыми, какова бы не была разница в возрасте между сиблингами.

В современной западной психологии изучение разных аспектов сиблинговых отношений ведется достаточно интенсивно. У истоков этих исследований стояли такие психологи, как К. Кениг, Ф. Гамильтон, Дж. Кеттел, Дж. Данн и др. Первоначально основное внимание психологов было направлено на вопросы скорее практико-ориентированные, например: какова оптимальная разница в возрасте между сиблингами или как уменьшить количество ссор и конфликтов, снизить ревность и соперничество между сиблингами.

Взрослые сиблинговые отношения анализируются и исследуются на протяжении последних 30 лет (Х. Канг, В. Бедфорд, Р. Стивард, Х. Риггио, И. Коннидис, Л. Кэмпбел и др.). Накоплен огромный массив данных, но большинство исследований направлено на обнаружение роли объективных факторов и условий развития сиблингов, таких, как пол, разница в возрасте, порядок рождения, структура семьи и др. При этом эмоционально-личностные аспекты отношений между сиблингами и внутренние, собственно психологические механизмы их формирования долгое время оставались на периферии внимания исследователей. Тем не менее в связи с анализом предполагаемого влияния сиблинговой позиции (под которой понимается место ребенка среди братьев и сестер: единственный ребенок, старший или первенец, средний, младший и др.) стали изучаться особенности Я-концепции, социальных достижений, интеллектуального уровня, коммуникативной компетентности сиблингов (А. Адлер, Ф. Гальтон, А. Анастаси и др.).

В отечественной психологии исследований взрослых сиблинговых отношений проведено сравнительно немного (И.Е. Козлова, О.А. Карабанова, А.В. Черников, Н.М. Зырянова, Ю.Д. Черткова, Н.В. Каленова, Н.В. Лукьянченко и др.), но интерес к ним растет. Главным образом они затрагивают аспекты воспитания сиблингов в семье, а

также комплементарности браков и личностных особенностей сиблингов с разными сиблинговыми позициями.

Особенности взаимоотношений сиблингов во взрослом возрасте

Как уже отмечалось, Отношения *взрослых* сиблингов изучены значительно меньше, чем отношения между братьями и сестрами в детском и подростковом возрасте. Тем не менее, интерес к этой теме явно усилился в 1990-е гг. Западные исследования того периода в основном были посвящены трем вопросам (Kang H., 2002): 1) какова роль сиблинговых взаимоотношений во взрослом возрасте; 2) каковы структура и типология этих отношений; 3) какие факторы оказывают влияние на взаимоотношения взрослых сиблингов. Коротко осветим основные результаты этих исследований, продвигаясь в логике ответов на поставленные вопросы.

Роль сиблинговых взаимоотношений

Взрослые сиблинги в большей или меньшей степени оказывают друг другу эмоциональную и практическую помощь (Kang H., 2002; Desautels M., 2008). О важном позитивном вкладе взаимоотношений сиблингов пишет В. Бедфорд, который занимался исследованием противостояний и споров, которые так часты в отношениях братьев и сестер (Bedford V.N., 1996, 1998). Автор отмечает благоприятное влияние этой традиционно считающейся негативной стороны взаимоотношений между братьями и сестрами. Так, выяснилось, что противостояние и споры сиблингов в детском и во взрослом возрасте повышают эффективность воспитания сиблингами своих детей, помогают приобретению ими социальных навыков, дают опыт открытого и честного взаимодействия, способствуют формированию адекватной самооценки и реалистичной картины мира. В. Бедфорд показал, что для личностного благополучия во взрослом возрасте крайне важен процесс переосмысления («когнитивного пересмотра») конфликтов, берущих свое начало в детстве, в том числе конфликтов с сиблингами.

Типологии взаимоотношений взрослых братьев и сестер

Взаимоотношения между сиблингами складываются очень по-разному, а потому встает вопрос об их типологии и структуре. Изначально наиболее естественным представляется анализ взаимоотношений сиблингов на основе их формального деления по половому признаку, т.е. выделение трех видов пар: брат-брат, брат-сестра,

сестра-сестра. Установлено, к примеру, что пары сестра-сестра являются наиболее эмоционально близкими, а пары брат-брат – конкурирующими (Leder J., 1993). Несколько иначе интерпретирует влияние пола на взаимоотношения между взрослыми сиблингами Х. Риггио: женщины больше делятся личной информацией и чаще общаются со своими сиблингами, чем мужчины; при этом не было выявлено никаких связанных с полом различий в привязанности сиблингов и удовлетворенности их взаимоотношениями (Riggio H.R., 2000).

Другим примером типологического изучения взаимоотношений между взрослыми братьями и сестрами может служить проект Р. Стиварда с коллегами (Steward R.V. et al., 2001). Авторы провели масштабное исследование, в котором приняли участие более 500 человек. Критериями для классификации выступили такие качества, как привязанность сиблингов друг к другу, конкуренция, безразличие, притягательность (аттракция) и критицизм. Используя разработанный ими опросник (The Sibling Type Questionnaire), исследователи выделили 5 типов значительно различающихся взаимоотношений между братьями и сестрами: 1) *поддерживающие* отношения (supportive group – 26% от общей выборки); 2) *испытывающие потребность друг в друге* (longing group – 24%); 3) *безразличные* (apathetic group – 19%); 4) *враждебные* (hostile group – 16%); 5) *конкурирующие* (competitive group – 15%).

В целом можно сказать, что для половины выборки сиблинговые отношения носят позитивный характер и имеют высокую значимость, т.е. продолжают играть важную роль в жизни взрослых людей. Авторы отмечают, что со временем конкуренция между сиблингами несколько ослабевает; безразличные же отношения между взрослыми братьями и сестрами встречаются значительно чаще, чем в детстве или подростковом возрасте.

Близкое по направленности исследование провели в Индии Ш. Нандвана и М. Катош в 2009 г. Их целью было построение типологии сиблингов в достаточно зрелом возрасте – от 40 до 60 лет (Nandwana S., Katoch M., 2009). Этот возраст (40-60 лет) имеет следующие особенности: 1) дети покидают «родительское гнездо» (колледжи, университеты и т.д.); 2) родители теряют силы и становятся беспомощными (или умирают). Поэтому отношения с сиблингами приобретают особую значимость.

Исследователи использовали разработанный ими опросник (Adult Sibling Relationship Scale), состоящий из 50 утверждений, характеризующих отношения сиблингов. Были выделены следующие факторы, описывающие характер взаимоотношений сиблингов: 1) забота, эмоциональная близость; 2) доверие к сиблингу; 3) конфликтность и конкурентность; 4) частота позитивных контактов. В результате кластерного анализа данных были выделены 5 типов взаимоотношений между сиблингами в возрасте от 40 до 60 лет: 1) *очень близкие, дружеские* (intimate - 8% выборки (0% мужчин и 14% женщин)); 2) *родственные, близкие по духу* (congenial - 24% выборки (27% мужчин и 22% женщин)); 3) *лояльные* (loyal - 33% выборки (35% мужчин и 32% женщин)); 4) *безразличные* (apathetic - 29% выборки (38% мужчин и 20% женщин)); 5) *враждебные* (hostile - 6% выборки (0% мужчин и 12% женщин)).

Отличия результатов этого исследования от результатов Р. Стиварда и его коллег Ш. Нандвана и М. Катош объясняют это возрастными особенностями исследованной выборки. В указанном возрасте (40-60 лет) конкурентные мотивы в отношениях между сиблингами утрачивают свою актуальность, поскольку уже более или менее определено, кто чего добился и в семейной, и в профессиональной сфере. Взаимоотношения в целом становятся спокойнее.

Другие известные типологии взаимоотношений сиблингов (не детей) касаются либо братьев и сестер старшего подросткового (Kristine M.V., Morgan C.B., 1998), либо пожилого возраста (Gold D., 1989).

Факторы, оказывающие влияние на взаимоотношения взрослых сиблингов

Западными исследователями, работающими в русле факторного подхода, проведено немало исследований, направленных на установление причин тех или иных особенностей отношений между взрослыми братьями и сестрами (Brody G.H., Neubaum-Carlson E., 2002 и др.). Приведем основные результаты, полученные в этих работах.

В работе И. Коннидис и Л. Кэмпбел (Connidis I.A., Campbell L.D., 1995) утверждается, что характер отношений между взрослыми братьями и сестрами определяется тремя главными факторами: 1) *полом* — в отличие от мужчин женщины склонны к более тесным связям со своими братьями и сестрами; 2) *семейным положением* — не состоящие в браке и вдовы/вдовцы тяготеют к более тесным связям со

своими сиблингами; 3) *родительским статусом* — бездетные сиблинги стремятся к более близким отношениям.

В свою очередь И. Коннидис (Connidis I.A., 1992) показал, что такие *серьезные жизненные события*, как развод, болезнь, потеря члена семьи, рождение ребенка (за исключением женитьбы) обычно приводят к эмоциональному сплочению сиблингов.

В исследовании Т. Ли и Дж. Манчини (Lee T., Mancini J., 1990) было продемонстрировано, что к контактам взрослых сиблингов часто побуждает не только эмоциональная, но и *близость проживания братьев и сестер*.

Л. Уайт и А. Риедман (White L.K., Riedmann A., 1992) установили, что на эмоциональную близость между сиблингами влияет *мера генетического родства*. В процессе этого исследования сравнивалась степень привязанности между следующими группами респондентов: 1) монозиготные близнецы; 2) дизиготные близнецы; 3) сиблинги с общими родителями; 4) братья и сестры, имеющие только одного общего родителя; 5) люди, не имеющие общих генов, но выросшие в одной семье. Наименьшая степень привязанности отмечена у людей, не имеющих генетического родства, наибольшая — у монозиготных близнецов. Однако значимых различий в качестве отношений между дизиготными близнецами и просто детьми одних родителей (одинаковое количество общих генов) выявлено не было.

Согласно результатам исследования А. Фолвела с коллегами (Folwell A.L. et al., 1997), есть три основные причины для поддержания сиблинговых отношений за пределами детства: 1) *переживание важных событий и трудностей*; 2) *фактор сходства* (признание схожести между сиблингами в силу кровного родства); 3) *проблемы, связанные со старением*.

В психологической литературе имеется большое количество упоминаний об исследованиях, посвященных связи взаимоотношений между сиблингами и *личностными чертами братьев и сестер*. Однако почти все они касаются детей доподросткового возраста или младших подростков. При этом источником информации об индивидуально-личностных чертах сиблингов служат описания родителей (чаще матерей). Относительно взрослых братьев и сестер таких исследований проводится заметно меньше.

В исследовании Ш. Нил из Университета Джорджии (Neale C.W., 2003) изучалось влияние схожести сиблингов старшего подросткового возраста на близость и теплоту отношений с братом или сестрой. Гипотезой исследования служило предположение, что чем более схожи сиблинги по своим личностным качествам, тем более близкими и теплыми, с их точки зрения, являются отношения между ними. Также целью исследования было определить, какие индивидуально-личностные черты могут служить предикторами теплых и близких отношений между сиблингами. В целом основная гипотеза исследования подтвердилась. Те сиблинги, которые видели друг в друге много похожих личностных черт, имели более теплые, близкие и доверительные отношения, чем те братья и сестры, которые оценивали друг друга, как абсолютно не похожих. Если сиблинг воспринимается, как внимательный к другим, надежный, воспитанный, не агрессивный и не очень упрямый, то в этом случае можно с большой долей уверенности ожидать теплые и близкие отношения между сиблингами.

В исследовании М. Бруссони рассматривался в частности вопрос о влиянии личностных черт на привязанность между сиблингами, респондентами выступали студенты колледжа (Brussoni M.J., 2000). Одним из выводов М. Бруссони стало то, что на характер отношений сиблингов оказывают влияние экстраверсия, нейротизм, доброжелательность и добросовестность как респондента, так и его брата или сестры. Таким образом, позитивнее всего отношения с сиблингами у общительных, активных, вызывающих положительные эмоции (экстраверсия), эмоционально стабильных (низкий нейротизм), внимательных к другим, не конфликтных (доброжелательность), а также добросовестных лиц.

Таким образом, проведенный анализ литературы показал как серьезную психологическую значимость отношений между сестрами/братьями, выходящую далеко за рамки детства, так и недостаточную изученность многообразия и вариативности сиблинговых взаимоотношений, с одной стороны, и условий, определяющих характер этих взаимоотношений - с другой. С учетом этих обстоятельств предметом данного эмпирического исследования стали типологический и онтогенетический аспекты отношений между взрослыми сиблингами, а также анализ факторов, влияющих на взаимоотношения взрослых сиблингов (ВВС).

Эмпирическое исследование ВВС и факторов, оказывающих влияние на характер этих отношений

Проведенное исследование было направлено на изучение особенностей взаимоотношений взрослых сиблингов на отечественной выборке. Мы ставили перед собой следующие задачи: 1) осветить онтогенетический и типологический аспекты ВВС; 2) установить, какие из факторов из традиционно рассматриваемых в контексте сиблинговых отношений влияют, а какие нет на характер отношений между братьями и сестрами во взрослом возрасте.

Характеристики выборки

В исследовании приняли участие 289 человек (195 женщин и 94 мужчины) в возрасте от 18 до 58 лет ($M = 29,9$; $SD = 11,0$), имеющие одного и более сиблингов. 57% респондентов описывали свои отношения с *младшими* братьями или сестрами, 43% – со *старшими*; половина респондентов состояли в браке, половина – нет.

Методики

Особенности отношений к сиблингу оценивались при помощи двух адаптированных опросников (Adult Sibling Relationship Questionnaire (Stocker C. et al., 1997) и Lifespan Sibling Relationship Scale Items (Riggio H.R., 2000)). При помощи первого опросника были получены значения по трем факторам: 1) сердечность; 2) конфликтность и конкурентность; 3) ревность по поводу отношения родителей. Во втором опроснике оценивались три параметра: 1) частота и позитивный либо негативный характер общения; 2) эмоциональный аспект отношений; 3) доверие. Существенно, что все три параметра оценивалось не только в момент проведения исследования, т.е. применительно к взаимоотношениям во взрослом возрасте, но и в детстве. Образ сиблинга строился при помощи адаптированного пятифакторного опросника (Inventory of Individual Differences (Davey M. et al., 2002)).

Результаты исследования

Убедившись, что взаимоотношения взрослых братьев и сестер существенно различаются, мы попытались их сгруппировать на основе кластерного анализа и с учетом динамики изменений оцениваемых параметров во времени, т.е. в детстве и взрослости. В итоге было выделено *четыре основных типа* ВВС:

- 1-й тип: *эмоционально-позитивные* отношения (сердечные, гармоничные, улучшившиеся по сравнению с детством) – у 39% респондентов;
- 2-й тип: *амбивалентные* отношения (сердечные, конфликтно-конкурирующие, практически не изменившиеся по сравнению с детством) – у 32%;
- 3-й тип: *отстраненные* отношения (не близкие и не конфликтные, немного улучшившиеся по сравнению с детством) – у 18%;
- 4-й тип: *конфликтные* отношения (не близкие, конкурирующие вплоть до враждебных, ухудшившиеся по сравнению с детством) – у 11%.

Можно видеть, что около двух третей взрослых братьев и сестер (71%) считают свои отношения с сиблингом в той или иной степени сердечными, другими словами во взрослом возрасте, когда отношения с сиблингом по сравнению с детством теряют вынужденный характер, становясь совершенно *добровольными*, большинство взрослых людей *воспринимают их явно позитивно* (Алмазова О.В., 2013). Далее рассмотрим традиционно разбираемые в контексте сиблинговых отношений факторы.

Пол

Гендерная специфика во взрослых сиблинговых отношениях не выступает в степени привязанности, принятия и близости по отношению к брату или сестре. Тем не менее женщины несколько чаще описывают свои отношения с сиблингами как эмоционально-позитивные, а мужчины – как амбивалентные. В случае проблемных отношений мужчины чаще оценивают свои ВВС как отстраненные, а женщины – как конфликтные. Это хорошо согласуется с традиционным представлением о большей эмоциональности женщин.

Кроме того, женщины ощущают свои отношения с сестрами как близкие; они много знают о сестрах и оказывают им большую эмоциональную поддержку. Практическая поддержка наиболее распространена в однополых парах сиблингов, т.е. парах брат-брат и сестра-сестра. Мужчины признают большее сходство с братьями, чем сиблинги в других видах пар. Доминирование и конкуренция наиболее типичны для однополых пар сиблингов, особенно между двумя братьями. Противостояние и ссоры более всего выражены в парах сестра-сестра. Женщины значимо чаще, чем мужчины, считают, что отцы больше выделяют и поддерживают их, а не сиблинга. Вспоминая о детстве, большее доверие и позитив в отношениях отмечают мужчины, которые описывали свои

отношения с братьями. Мужчины, у которых есть сестры, вспоминали о теплоте в отношениях с сестрой в детском возрасте. Что касается настоящего времени, то женщины, которые отвечали на вопросы о сестрах, оценивают доверие и позитивность взаимодействия выше, чем остальные респонденты.

Возраст

С целью проверки связи характера ВВС с возрастом респондентов, мы разбили участников исследования на три группы: 1) респонденты, возраст которых не больше 23 лет; 2) участники исследования от 24 до 39 лет; 3) те, кому уже исполнилось 40. Такое разбиение связано с тем, что к 23-24 годам, молодые люди заканчивают получение высшего образования, начинают строить свою профессиональную и семейную жизнь, что заставляет сильно перестраивать отношения с родительской семьей и с сиблингами. После 40 лет, т.е. после кризиса середины жизни, все значимые отношения снова подвергаются пересмотру. В табл. 1 дано распределение респондентов разных возрастных групп по типам ВВС, а на рис. 1 – графическое изображение этого распределения.

Таблица 1

Распределение респондентов разного возраста по типам ВВС

		Возраст			Итого
		до 23 лет	от 24 до 39 лет	от 40 лет	
Тип ВВС	1	49 (48%)	42 (35%)	17 (29%)	108
	2	32 (31%)	34 (29%)	25 (43%)	91
	3	13 (13%)	26 (22%)	11 (19%)	50
	4	9 (8%)	17 (14%)	5 (9%)	31
Итого		103 (100%)	119 (100%)	58 (100%)	280

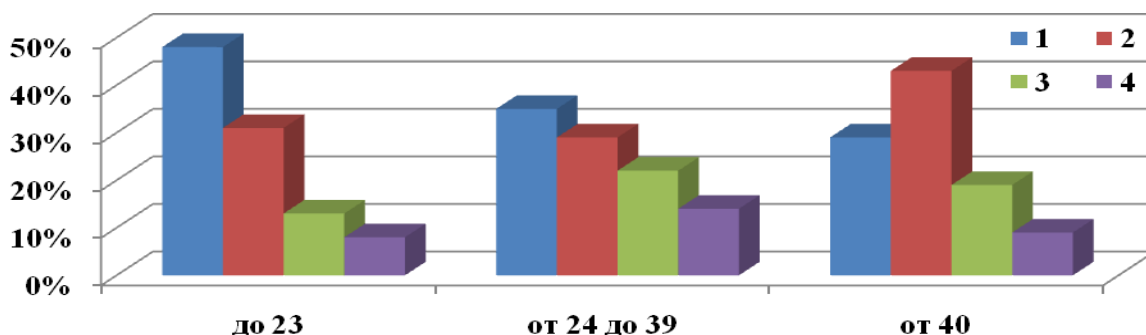

Рис. 1. Распределение респондентов разных возрастных групп по типам ВВС (в % по каждой группе)

На уровне тенденции возраст сиблингов и тип ВВС связаны ($\chi^2=0,070$, $p=0,070$). У братьев и сестер младше 23 лет преобладают эмоционально-позитивные и амбивалентные отношения (1-й и 2-й тип ВВС) и значимо реже встречаются отстраненные и конфликтные отношения (3-й и 4-й тип ВВС). Видимо то, что еще не так давно сиблинги были (а может и остаются в данный момент) частью повседневной жизни, не позволяет относиться к ним нейтрально или враждебно. У сиблингов старше 40 лет значимо чаще, чем в других возрастных группах встречаются амбивалентные, то есть сердечные, но конфликтно-конкурирующие отношения (2-й тип ВВС). Мы это связываем с тем, что братья и сестры, пережившие кризис середины жизни, произвели переоценку ценностей, подвели некоторые итоги жизни, и, естественным образом, сравнили свои достижения с тем, чего достигли их братья и сестры, что вернуло конфликтно-конкурирующую составляющую в сиблинговые отношения.

Семейное положение

Наибольшие различия в отношениях у братьев и сестер, состоящих и *не* состоящих в браке, выступают в конфликтно-конкурирующей составляющей взаимоотношений, а не в степени их сердечности (принятии, привязанности, близости, поддержке). «Одинокие» значимо больше конкурируют ($U=7858,000$; $p=0,007$) и чаще ссорятся с сиблингами ($U=7371,500$; $p=0,001$), в их отношениях с братьями и сестрами значимо чаще встречается доминирование ($U=6629,500$; $p=0,000$) и противоборство ($U=6275,000$; $p=0,000$).

Разница в возрасте

Психологи, рассматривающие взаимоотношения между сиблингами в детстве и подростковом возрасте, уделяют много внимания разнице в возрасте между братьями и сестрами. Мы показали, что и во взрослом возрасте этот фактор остается немаловажным. Сиблинги с меньшей разницей в возрасте (меньше 4 лет) значимо чаще, чем сиблинги с большей разницей, описывают свои отношения с братом или сестрой как эмоционально-позитивные. В свою очередь, сиблинги с большей разницей чаще видят отношения как отстраненные и недружественные, чем сиблинги с меньшей разницей в возрасте ($\chi^2=9,399$; $p=0,024$).

Сиблинги с меньшей разницей в возрасте чувствуют большую близость сиблингу ($U=7844,500$; $p=0,003$), оказывают и получают большую эмоциональную ($U=7845,000$; $p=0,003$) и практическую ($U=8384,500$; $p=0,034$) поддержку, больше осведомлены о жизни сиблингов ($U=7526,000$; $p=0,001$) и выше оценивают достоинства своих братьев и сестер ($U=8304,000$; $p=0,025$). Также в этом же случае частота и характер взаимодействий в детстве были выше ($U=7895,000$; $p=0,006$) и больше доверие сиблингу и в настоящее время ($U=8000,500$; $p=0,009$), и в детстве ($U=6859,500$; $p=0,000$).

Что касается личностных черт, то сиблинги с меньшей разницей в возрасте описывают своих братьев и сестер как более коммуникабельных ($U=8284,000$; $p=0,037$), упрямых ($U=8158,000$; $p=0,023$), целеустремленных ($U=7861,500$; $p=0,007$) и на уровне тенденции как вызывающих больше положительных эмоций ($U=8421,000$; $p=0,059$), чем сиблинги с большей разницей в возрасте.

Таким образом, подтверждается влияние возрастных различий на особенности отношений между сиблингами и во взрослом возрасте. Можно полагать, что большая разница в возрасте (соответственно, и в жизненном опыте) продолжает мешать равенству позиций в общении и ВВС.

Сиблинговая позиция

Известно, что во взрослом возрасте влияние фактора старшинства ослабевает (по сравнению с детством), тем не менее некоторые особенности ВВС у старших и младших сиблингов в обследованной выборке проявились. Старшие, к примеру, больше признают свое сходство с младшими ($U=8622,000$ при $p=0,095$, различия на уровне тенденции), чем

наоборот. Мы связываем это с описанным в литературе феноменом: старшим детям в семье (в отличие от младших) обычно не надо искать «собственную нишу», подчеркивать непохожесть на младших, что и позволяет им с легкостью признавать свою похожесть на сиблинга. Младшие видят старших более целеустремленными ($U=7214,000$; $p=0,000$) и организованными ($U=7377,500$; $p=0,001$), что сочетается с также известными особенностями воспитания первого и последующих детей.

Географическая удаленность места жительства сиблингов

Исследование подтвердило некоторые известные ранее представления: проживающие вместе братья и сестры чаще ссорятся, больше конкурируют и противостоят друг другу, чем живущие отдельно. В то же время в случае совместного проживания выше степень практической поддержки, больше осведомленность о жизни сиблинга, взаимодействие в целом интенсивнее. Расстояние как таковое, т.е. фактор удаленности (10км или 500км), оказался не существенным.

Степень генетического родства

Сиблинги с общими родителями («родные» братья и сестры) чувствуют себя ближе друг к другу ($U=2603,000$; $p=0,034$), больше доверяют ($U=2663,500$; $p=0,053$), готовы оказывать и получать большую эмоциональную ($U=2481,500$; $p=0,015$) и практическую поддержку ($U=2674,500$; $p=0,052$), чем братья и сестры с одним общим родителем. Образ сиблинга также более позитивен именно в случае обоих общих родителей. Было бы ошибочным, однако, объяснять эти результаты влиянием фактора генетического родства. Братья и сестры, имеющие только одного общего родителя, нередко и растут в разных условиях, что может оказывать не меньшее влияние на отношения между сиблингами.

Личностные черты взрослых братьев и сестер

При помощи адаптированного пятифакторного опросника ICID (Davey M. et al., 2002), нами были получены оценки, которые дали респонденты индивидуально-личностным чертам их сиблингов, что позволило провести сравнение между образами сиблингов из разных типов ВВС.

Полученные в результате сравнения данные позволили сделать два вывода: во-первых, представления об индивидуально-психологических особенностях сиблинга при разных типах ВВС действительно *существенно различны*; во-вторых, образ сиблинга и

характер взаимоотношений с ним тесно *взаимосвязаны*. При эмоционально-позитивных отношениях (первый тип) сиблинг описывается как умный, общительный, активный, привлекательный, целеустремленный, организованный, внимательный к другим и т.д. При конфликтных отношениях (четвертый тип), сиблинг представляется не слишком умным, непривлекательным, неорганизованным и т.д. В то же время нами не обнаружено значимых различий в образе сиблинга при амбивалентных и отстраненных отношениях (второй и третий тип ВВС).

Обсуждение результатов

Одним из важнейших результатов исследования мы считаем построенную типологию взаимоотношений взрослых сиблингов. Напомним, что эмоционально-позитивные (первый тип отношений) был определен у 39% выборки; амбивалентные (второй тип) - у 32%; отстраненные (третий тип) - у 18%; конфликтные (четвертый тип) - у 11%. Сравнение полученной нами типологии сиблинговых отношений с характерными типами в американской [Steward et al., 2001] и индийской выборках [Nandwana, Katoch, 2009] обнаружило в них признаки определенной *социокультурной специфики* (рис. 2). К примеру, в отечественной выборке отмечалась заметно большая сердечность и меньшая степень конкурентности отношений по сравнению с американскими респондентами. Эти данные представляют, на наш взгляд, интерес, но вопрос требует дальнейшего, более обстоятельного изучения.

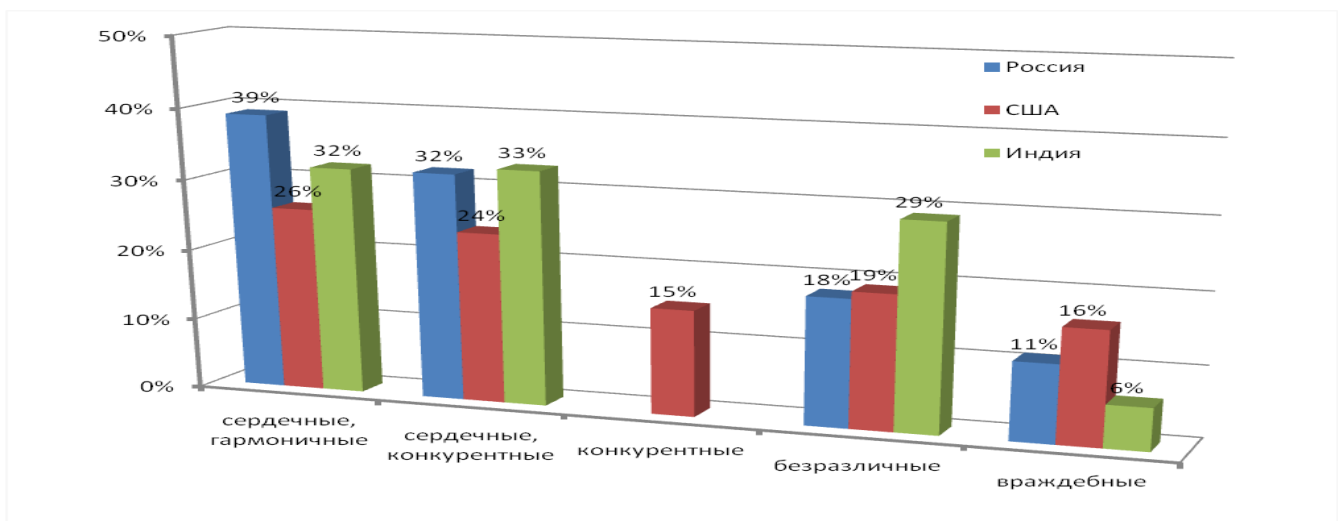

Рис. 3. Соотношение типов ВВС в разных социокультурных выборках

Было показано, что некоторые традиционно рассматриваемые в контексте сиблинговых отношений факторов (такие как возраст, разница в возрасте, семейный статус, личностные черты сиблинга и степень генетического родства) продолжают оставаться в некоторой степени определяющими для отношений уже взрослых братьев и сестер. В то время, как другие факторы (пол, расстояние, на котором проживают сиблинги друг от друга и сиблинговая позиция) утрачивают свою значимость во взрослом возрасте.

И хотя мы считаем полученные результаты важными и интересными, однако не считаем влияние этих факторов определяющими для формирования и развития отношений между сиблингами. Как известно, изначально «ребенок входит в этот мир и воспринимает его в буквальном смысле сквозь призму привязанности к матери». И хотя позже (в детстве и подростковом возрасте) круг лиц, к которым формируется привязанность, расширяется, мать чаще всего сохраняется в качестве основного объекта привязанности (Бурменская Г.В., 2009). В другой части исследования, мы убедительно продемонстрировали, что связь формирующейся в раннем детстве *привязанности* к матери с характером *взаимоотношений* между братьями/сестрами прослеживается и по достижении ими возраста личностной зрелости и автономии. Большинство взрослых сиблингов с эмоционально-позитивными и амбивалентными взаимоотношениями (первый и второй типы ВВС предлагаемой типологии) имеют *надежную* привязанность к матери, тогда как для сиблингов с отстраненными (третий тип) и, особенно, конфликтными (четвертый тип) взаимоотношениями характерна *ненадежная* привязанность (Алмазова О.В., Бурменская Г.В., 2015).

Список литературы

- Алмазова О.В., Бурменская Г.В. Взаимоотношения взрослых братьев и сестер и их связь с привязанностью к матери // Вопросы психологии. - 2015. - №4. - в печати.
- Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестн. Моск. ун-та. - Сер. 14, Психология. - 2009. - №4. - С. 17—31.
- Руфо М. Братья и сестры, болезнь любви - Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 288 с.

Bedford V.H. Relationships between adult siblings. // In A. Auhagan, M. Von Salisch (Eds.). The diversity of human relationships. - NY: Cambridge University Press. - 1996. - Pp. 120-140.

Bedford V.H. Sibling relationship troubles and well-being in middle and old age // Family Relations: Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies. - 1998. - Vol. 47. - Pp. 369-378.

Brody G.H., Neubaum-Carlan E. Siblings and sibling relationships // In N.J. Salkind (Ed.). Macmillan psychology reference series: Vol. 1. - Child Development. - New York: Macmillan Reference USA. - 2002. - Pp. 363-365.

Brussoni M.J. We are family: sibling attachment relationships among young adult. PhD dissertation. The University of British Columbia. - 2000. - 96 p.

Cicirelli V. Sibling relationship across the lifespan. New York: Plenum, 1995.

Connidis I.A. Life transitions and the sibling tie // Journal of Marriage & the Family. -1992. - Vol. 54. - Pp. 972-982.

Connidis I.A., Campbell L.D. Closeness, confiding, and contact among siblings in middle and late adulthood // Journal of Family Issues. - 1995. - Vol. 16(6). - Pp. 722-745.

Davey M., Eaker D.G., Walters L. Resilience processes in adolescents: Personality profiles, self-worth, and coping // Journal of Adolescent Research. - 2002. - Vol. 18(4). - Pp. 347-362.

Desautels M. Sibling relationship and emotional regulation. PhD dissertation. University of Birmingham. - 2008. - 74 p.

Folwell A.L., Chung L.C., Nussbaum J.F., Bethea L.S., Grant J.A. Differential accounts of closeness in older adult sibling relationships // Journal of Social & Personal Relationships. - 1997. - Vol. 14(6). - Pp. 843-849.

Gold D. Sibling relationship in old age: A typology // International Journal of Aging and Human Development. - 1989. - Vol. 28 (1). - Pp. 37-51.

Kang H. The nature of adult sibling relationship literature review. Children and Family Research Center, School of social work, University of Illinois, Urbana, Illinois, 2002. - 77 p.

Kristine M.V., Morgan C.B. Sibling relationship in early adulthood: A typology // Journal of Personal Relationship. - 1998. - Vol. 5.- Pp. 59-74.

Leder J. Adult sibling rivalry // Psychology Today. - 1993. - Vol. 26(1). - Pp. 56-63.

- Lee T., Mancini J. (1990). Sibling relationships in adulthood: Contact patterns and motivations // Journal of Marriage & the Family. - 1990. - Vol. 52(2). - Pp. 429-431.
- Nandwana S., Katoch M. Perception of sibling relationship during middle adulthood years: A Typology // Journal of the Social Sciences. - 2009. - Vol. 21(1). - Pp. 67-72.
- Neale C.W. Perceived sibling compatibility and the effects of personality: PhD dissertation. - Athens, Georgia, 2003.
- Riggio H.R. Measuring attitudes toward adult sibling relationships: The lifespan sibling relationship scale // Journal of Social and Personal Relationships. - 2000. - Vol. 17(6). - Pp. 707-728.
- Steward R.B., Kozak A.L., Tingley L.M., Goddard J.M., Blake E.M., Casse W. (2001). Adult sibling relationships: Validation of a typology // Personal Relationships. - 2001. - Vol. 8(30). - Pp. 299-324.
- Stocker C., Lanthier R., Furman W. Sibling relationships in early adulthood // Journal of Family Psychology. - 1997. - Vol 11(2). - Pp. 210-221.
- White L.K., Riedmann A. When the Brady Bunch grows up: Step/half- and full sibling relationships in adulthood // Journal of Marriage & the Family. - 1992. - Vol. 54(1). - Pp. 197-208.

**Профессиональный выбор старшеклассников в зависимости от степени их
включенности в родительскую семью**

Баурина А.Б.

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

arb1@mail.ru

Аннотация: Выбор профессии осуществляется в зависимости от сложившихся в семье характера совместной деятельности и отношений. Включенность в родительскую семью, как показатель типа семьи, который взаимосвязан с особенностями профессионального выбора. При большей сплочённости в семье

старшеклассники выбирают профессии типа «художественный образ», а при меньшей сплочённости типа «знаковая система».

Родительская семья во многом определяет специфику развития личности старшеклассника (А. Адлер, И.С. Кон, А.В. Петровский, В.В. Столин, Ф. Райе, Л.Б. Шнейдер, Э.Г. Эйдемиллер и др.). Она влияет и на выбор будущей профессии (Г.М. Мкртчян, Ф. Райе, А.Е. Чирикова, В.Н. Шубкин и др.). Как показали исследования В.К. Шабельникова, (Шабельников В.К., 2015) С.И. Григорьевой (Григорьева С.И., 2014) существует различная степень включенности старшеклассника в семью, которая определяет тип учебной мотивации студентов. Целью данной работы было изучить особенности выбора профессии старшеклассниками во взаимосвязи со степенью включенности в родительскую семью. Мы предположили, что при большей включенности в совместную деятельность семьи, характеризующую расширенную родовую семью старшеклассник будет выбирать профессии, требующие совместной деятельности в связи с тем, что у него лучше сформированы социальные навыки. При меньшей включенности в семью, что характерно для нуклеарной городской семьи, старшеклассник будет выбирать профессии, требующие более индивидуальной деятельности.

Исследование проводилось на базе частной общеобразовательной школы «Эллада» г. Москвы. Объем выборки составил 50 человек. Возраст - от 15 до 17 лет. С целью определения типа включенности старшеклассников в семью использовались методики: «Опросник Шкала семейной адаптации и сплоченности (Опросник FACES-3 / Тест Д. Х. Олсона), «Шкала семейного окружения (ШСО), а для определения типа профессионального выбора использовались: «Тест Д.Ф. Голланда, Методика профессионального самоопределения», «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьев, Дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е.А.Климова».

По результатам проведения методики «Шкала семейной адаптации и сплочённости», выявлено, что большая часть - 70% старшеклассников показывают невысокий уровень сплоченности в их семьях, а также относятся к типу семей, где эмоциональная близость и привязанность между членами семьи находится на низком уровне. Меньшая часть опрошенных - 20% старшеклассников считает, что в их семьях

наблюдаются немного большие показатели семейной сплочённости и близости между членами семьи, но не достигающие средних значений. 10% старшеклассников, находятся на грани ранга «связанный», у них можно отметить уровень сплочённости выше среднего. Данные результаты можно объяснить с одной стороны сепарацией от родителей, характерной для подросткового возраста (Д.Б. Эльконин, О.А. Карабанова и др.) Родителям трудно сохранять хорошие отношения с повзрослевшими и выходящими из под контроля старшеклассниками, которые в большей степени ориентируются на сверстников и профессиональные сообщества, чем на семью. В результате мы разбили выборку по показателю сплоченности на две группы: группа подростков, относящихся к семьям с «разобщённым» уровнем семейной сплочённости и группа подростков, относящихся к семьям с «разделённым» уровнем семейной сплочённости. Результаты методики «Шкала семейного окружения» подтвердили полученное выше разделение группы. По шкале «сплочённости» более выражены средний и низкий показатели – по 30%, средних значений достиг пониженный – 20% менее всего выражены очень низкий и повышенный показатели – по 10% каждый. Можно отметить то, что все старшеклассники относятся к достаточно обеспеченным семьям, т.к. школа частная, у родителей нет материальных проблем, но есть проблемы в семейном общении и взаимодействии между членами семьи. Родители больше заняты зарабатыванием денег и часто отдалены от своих детей и их проблем. Поэтому среди результатов можно отметить более низкие показатели сплочённости, но высокие показатели конфликтности.

По результатам теста Голланда наглядно видно, что среди группы с разобщённым уровнем семейной сплочённости преобладают артистический(31%) и предпринимательский тип личности(24%), заметно меньше у респондентов проявились реалистический и конвенциональный типы (12%), и совсем отсутствует интеллектуальный тип личности. Среди группы с «разделённым» уровнем семейной сплочённости результаты совершенно другие. У старшеклассников данной группы наибольшие значения выявлены по социальному типу личности(59%), значительно меньше артистическому – (29%), значительно меньше проявился предпринимательский тип личности (13%) и вовсе не проявились конвенциональный и интеллектуальный типы. По результатам данной методики проявляется тенденция молодого поколения в

стремлении к творчеству, в большей степени у группы «разобщённых» старшеклассников.

Результаты по методике СЖО Д.А. Леонтьева показали, что у старшеклассников наиболее высокие значения по шкале «процесс», т.е. жизнь для них является интересной и насыщенной, наполненной смыслом. Наименьшие значения имеет шкала «Локус контроля Я». Ученики 9 классов ещё не умеют в достаточной мере контролировать и управлять процессами в своей жизни.

Анализируя результаты методики ДДО Е.А. Климова можно сказать о том, что наибольшие значения получили профессии, направленные на общение с людьми и коммуникационного типа и гораздо меньшие значения у профессий индивидуальной направленности. Это может быть объяснено тем, что молодое поколение сегодня сильно увлечено модой, шоу-бизнесом. Наблюдается явление инфантилизации молодых людей. Профессии выбираются соответствующие, все считают себя творческими личностями. Профессии же, требующие больше физического труда всё также не привлекательны для молодых людей сегодня в нашем обществе. Данная тенденция проявилась и в методике Голланда.

В результате проведения корреляционного анализа была выявлена зависимость между показателями сплочённости и двумя типами профессий. При больших показателях семейной сплочённости подростки выбирают профессии типа «художественный образ» и в меньшей степени типа «знаковая система». Можно отметить, что при большей семейной сплочённости наблюдается высокая эмоциональная близость, принятие границ, которые устанавливаются в семье, проводится больше времени в кругу семьи, высокие показатели интеллектуально – культурной организации, наблюдается целенаправленность, желание управлять своей жизнью и такие старшеклассники отличаются предприимчивостью. При меньшей семейной сплочённости наблюдается неприятие семейных границ, пониженный морально-нравственный аспект, склонность к работе с числами, рациональность, исполнительность.

Список литературы

Григорьева С.И. Семья как детерминирующая система развития личности. М: ИИУ МГОУ. 2014. с. 263.

Шабельников В.К. Семья в геополитическом конфликте XXI века//Психология семейных отношений // под ред. А.В. Литвиновой, Флинта. - 2015. С. 7-16.

Влияние личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях

Благенкова Н.П.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

E-mail: blagenkovan@gmail.com

Ключевые слова: совладающее поведение, механизмы психологической защиты, центральные личностные функции, замещающая семья.

Одной из наиболее важных медико-социальных и психологических проблем современности является изучение функционирования индивида и психической адаптации личности к условиям окружающей среды [2, с. 9]. Жизнь современного человека изобилует сложными ситуациями, связанными с выбором адекватного способа разрешения различных жизненных затруднений, психологических проблем и конфликтов с окружающими, а также с урегулированием всевозможных кризисов – от личностных до экономических. Миллионы людей оказались под воздействием хронических, непрерывно возрастающих, интенсивных стрессовых ситуаций. Как указывал З. Фрейд, основная проблема человеческого существования заключается в том, чтобы справиться со страхом и тревогой, которые возникают в самых разных ситуациях.

Изучение совладающего поведения является особо актуальным в связи с тем, что, с одной стороны, механизмы психологической защиты являются адаптивными и

предохраняют сознание человека от болезненных чувств и воспоминаний. Но, с другой стороны, нередко требуется слишком много сил, чтобы держать свои страхи и желания «на привязи». В этом случае защита создает для личности множество ограничений, неизбежно приводит человека к замкнутости и изоляции. Значительные затраты энергии на удержание себя «в футляре» могут ощущаться как хроническая усталость или повышение общего уровня тревожности. В связи с этим специалистам следует стремиться к замене примитивных незрелых защитных реакций на более сознательные и избирательные адаптивные способы совладания [3, с. 4]. Существенное влияние на выбор субъектом способов совладания оказывают социокультурные переменные (социальная среда развития и так называемое социальное «наследование» совладания, в основе которого лежит межпоколенное взаимодействие). Важнейшим аспектом, который помогает понять формирование основных стратегий совладающего поведения подростков, является изучение влияния семьи.

Отсутствие возможности полноценной социализации в семье у лиц из числа детей-сирот и лиц, оставшихся без попечения родителей, влечет за собой последствия, констатируемые сегодня как проблемные и для самих молодых людей, входящих в обозначенную категорию лиц, так и для всего общества в целом. По мнению специалистов, основными проблемами детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются их тяжелое психосоциальное положение, вызванное как врожденными свойствами нервной системы, так и особенностями личности, осложненными неврологическим статусом, негативным жизненным опытом, педагогической и социальной запущенностью. Их развитие и здоровье имеют ряд качественных особенностей, которые отличаются на всех ступенях детства – от младенчества до подросткового возраста и дальше, и проявляются на протяжении всей жизни. Особенности по-разному и в неодинаковой степени обнаруживают себя на каждом возрастном этапе. Но все они чреватые серьезными последствиями для формирования личности подрастающего человека.

Подростковый возраст часто рассматривают как фазу уникального стресса развития. Стрессы, связанные с физическими и психологическими изменениями в пубертате, имеют высокую выраженность. Подростки обладают повышенной

чувствительностью к стрессу по сравнению с лицами более старшего возраста, более чувствительны к различным жизненным событиям и изменениям. Само осознание подростком происходящих с ним изменений в пубертате является стрессогенным и создает внутреннюю неуверенность, мобилизует защитные механизмы. Подростки защищаются от стрессогенного, негативного влияния социальной среды. Учитывая то, что подростки из замещающих семей в данном исследовании являются «выходцами» из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, можно говорить о том, что данная категория лиц является потенциально незащищенной с точки зрения формирования конструктивных социальных навыков.

По данным Национального статистического комитета, на 1 января 2013 года в Беларуси было 1 млн 741,8 тыс. детей в возрасте до 18 лет, или 18,4% общей численности населения. На конец 2012 года в стране насчитывалось около 24 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Из них 5,9 тыс. (25%) воспитывались в детских интернатных учреждениях, более 18 тысяч (75%) получали альтернативный семейный уход (опека, приемная семья, детские дома семейного типа) [1].

В качестве *объекта* исследования в данной работе выделяются механизмы психологической защиты и совладающее со стрессом поведение подростков.

Предметом исследования выступает влияние личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях.

Целью данной дипломной работы является изучение влияния личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях.

Для ее реализации предполагается решение следующих *задач*:

- 1) выявить особенности механизмов психологической защиты подростков, воспитывающихся в замещающих семьях;
- 2) изучить особенности совладающего поведения подростков, воспитывающихся в замещающих семьях;
- 3) провести комплексное сравнительное исследование центральных личностных функций матерей в замещающих и биологических семьях;

4) оценить влияние личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что различия в специфике функций Я у матерей находят отражение в предпочитаемых стратегиях совладания со стрессом и механизмах психологической защиты у подростков в замещающих семьях.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили взгляды, высказанные А. Фрейд и развитые Никольской И.М. и Грановской Р.М. о том, что в процессе онтогенеза у каждого ребенка формируется индивидуальный уникальный стиль адаптивного или защитного поведения, управляющий состоянием и преодолевающий стрессы повседневной жизни. Индивидуальный набор защитных и совладающих механизмов зависит от конкретных обстоятельств жизни, с которыми сталкивается ребенок, от многих факторов внутрисемейной ситуации, от отношений ребенка с родителями.

При рассмотрении личностных детерминант, мы обратились к одной из продуктивных современных концепций – гуманструктурологической концепции личности немецкого психиатра и психотерапевта Гюнтера Аммона. Согласно данной концепции, центральная, преимущественно неосознаваемая сфера личности, содержит основные личностные функции, такие как агрессия, тревога, Я-отграничение, нарциссизм, сексуальность и др. Центральная бессознательная часть личности является базисом для психического здоровья потому, что эта сфера представляет собой структурное выражение наиболее раннего опыта групповой динамики. Качество интерперсональных опытов, полученных на ранних этапах развития, так же как и в более позднее время, выражается в специфическом спектре личностных характеристик: конструктивных, то есть способных поддерживать контакт и развитие; деструктивных, разрушающих контакт и поэтому тормозящих (останавливающих) развитие, и дефицитарных, без контакта и без развития. Качество личностного развития определяется спектром конструктивных, деструктивных и дефицитарных характеристик.

Процедура исследования включала в себя изучение стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями с помощью «Методики для психологической диагностики копинг-механизмов» Е. Heim (автор Э.Хайм, адаптация сотрудников института им. Бехтерева, Санкт-Петербург) [29]. Для выявления механизмов психологической защиты использовалась методика «Индекс жизненного стиля» (LSI), предложенная Р. Плутчиком, Х. Келлерманом [4]. Личностные детерминанты совладающего поведения изучались с применением теста структуры Я по Г. Аммону (ISTA – Ich-Structure Test von Gunter Ammon) [5]. Методика адаптирована и рестандартизирована специалистами Санкт-Петербургского НИИ им. В.М. Бехтерева, как русскоязычная версия ISTA – Я-структурный тест Гюнтера Амона.

При обработке эмпирических данных применялись методы описательной статистики, t-критерий Стьюдента, U-критерий Мана-Уитни, линейная корреляция r Пирсона, множественный регрессионный анализ. Расчеты осуществлялись в программе SPSS v 15.0.

Подводя итоги описанию эмпирического исследования по изучению влияния личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях, следует подчеркнуть следующие выводы.

В структуре защитных механизмов в группе подростков, воспитывающихся в замещающих семьях, преобладает более высокий уровень напряженности защит. Для этих подростков характерны незрелые механизмы психологической защиты, появляющиеся на более ранних этапах онтогенеза, причем преобладают так называемые проективные механизмы. Статистически подтверждены различия по механизмам отрицания, вытеснения, замещения. Они считаются более примитивными, не допускают поступления конфликтной и травмирующей личностной информации в сознание. Личностные и психологические ресурсы данная группа лиц направляет на снижение стресса, проявляя неконструктивные варианты защитного поведения, которые не только не способствуют эффективному разрешению стрессовых ситуаций и сохранению психологического гомеостаза внутри личности, но и создают условия для углубления переживаний и возникновению отложенного негативного результата.

В трудной ситуации подростки, воспитывающиеся в замещающих семьях, демонстрируют поведение, обуславливающее пассивность, уединение, изоляцию, стремление уйти от активных интерперсональных контактов, отказ от решения проблемы из-за неверия в собственные силы и интеллектуальные ресурсы, в отличие от подростков из контрольной группы, проявляющих на поведенческом уровне активное сотрудничество для преодоления проблем; подростки из замещающих семей стремятся совладать с ситуацией, сознательно убеждая себя в отсутствии реальной опасности, однако, проявив внимание к имеющемуся у данной группы ресурсу – придание особого смысла собственным действиям и качествам – можно повлиять на формирование более конструктивной позиции подростков из замещающих семей, (создавая ситуацию успешного действия, специалист сможет сформировать у подростков адекватную самооценку и установку на анализ происходящего, на собственную ответственность в выстраивании желаемых жизненных событий); что касается эмоциональных копинг-стратегий, то подростки из замещающих семей склонны ожидать помощи от референтной группы, заслуживающей их доверия, и не стремятся к отреагированию возникающих эмоций, сохраняя внешнюю невозмутимость, что напрямую не способствует преобразованию болезненной действительности, но помогает сохранить эмоциональное равновесие личности.

Проведенное комплексное сравнительное исследование центральных личностных функций матерей в замещающих и биологических семьях позволило выявить, что матери, взявшие детей на воспитание, демонстрируют нежелание глубоких интимных взаимоотношений. Человеческая близость ими может восприниматься как обременительная обязанность или угроза потери автономии, а потому подменяется или обрывается с помощью замещения. Для матерей данной группы характерна неспособность дифференцированно относиться к различным опасностям и собственному опыту переживания угрожающих ситуаций. Для них свойственно ослабление или даже нарушение гибкой эмоциональной регуляции поведения. Причем это нарушение проявляется в отсутствии реакции тревоги, как в необычных, так и в потенциально опасных ситуациях, склонности к рискованным поступкам, игнорируя оценку их вероятных последствий, тенденции к эмоциональному обесцениванию важных событий,

предметов и отношений. Обычно они не испытывают трудностей в интерперсональных контактах, однако, устанавливающиеся отношения не имеют достаточной эмоциональной глубины. Им несвойственно истинное соучастие и сопереживание. Недостаток умения матери обходиться с близостью и дистанцией в соответствии с потребностями другого, бессознательное неприятие ребенка, холодность, безэмоциональность в отношении с ним, могут создавать предпосылки для дисгармоничного развития защитно-совладающего поведения их детей.

Большое количество значимых взаимосвязей механизмов защиты подростков и особенностей функций Я их матерей является косвенным подтверждением выдвигаемой нами гипотезы о детерминации защитно-совладающего поведения подростков личностными особенностями матерей. Однако, это справедливо только для подростков, воспитывающихся в биологических семьях, потому смеем предположить, что репертуар защитных механизмов подростков, составляющих экспериментальную группу нашего исследования, был сформирован в процессе их индивидуального развития до момента их поступления в замещающую семью.

В случае если матери в замещающих семьях демонстрируют неспособность дифференцированно относиться к различным опасностям и собственному опыту переживания угрожающих ситуаций, если уровень их активности не совпадает с наличной трудностью реального жизненного положения вещей, если нарушена гибкая эмоциональная регуляция поведения, то и подростки, воспитывающиеся такими матерями, перенимают схожий тип отношения к трудным ситуациям – демонстрируют эмоциональные неадаптивные стратегии совладания.

Проведенный множественный регрессионный анализ позволил сравнить центральные личностные функции матерей по их влиянию на степень адаптивности копинг-поведения подростков в замещающих семьях. Для прогноза вероятности неадаптивного поведения подростков нами предложена следующая формула: *показатель неадаптивности копинг-поведения прогноз* = $60,519 - 3,190 \times (\text{конструктивная сексуальность матери}) - 3,257 \times (\text{конструктивная тревога матери})$. Полученный коэффициент детерминации свидетельствует, что 33,5 % неадаптивного копинг-поведения подростков, обусловлено влиянием центральных личностных функций их

матерей. Таким образом, в замещающей семье у матерей, демонстрирующих низкие показатели по шкале конструктивная сексуальность, низкие показатели по шкале конструктивная тревога, дети в подростковом возрасте, согласно прогнозу, имеют высокую вероятность неадаптивного копинг-поведения.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы для разработки психопрофилактических и психокоррекционных программ, направленных на обучение подростков адаптивным формам поведения с учетом специфики условий их жизнедеятельности. Нами предложено уравнение регрессии, применяя которое специалисты могут с высокой степенью точности прогнозировать вероятность адаптивного либо неадаптивного реагирования индивида в стрессовой ситуации.

Список литературы

1. Дети и молодежь Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya>. – Дата доступа 27.12.2014.
2. Либина, А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации / А. В. Либина. – Москва : Эксмо, 2008. – 138 с.
3. Набиуллина, Р. Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция) : учеб. пособие / Р. Р. Набиуллина, И. В. Тухтарова. – Казань : Изд-во ИП Тухтаров В. Н, 2003. – 285 с.
4. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля : пособие для врачей и психологов ; под ред. Л. И. Вассермана. – Спб.: ПНИ, 1998. – 57 с.
5. Я-структурный тест Аммона. (Опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне) / Пособие для психологов и врачей. – СПб, 1998 г. – 70 с.

Сепарация и индивидуация в отношениях с отцом в юношеском возрасте

Дзукаева В.П.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

vdzukaeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи особенностей психологической сепарации от отца и индивидуации юношей и девушек. В исследовании приняли участие 291 студент вузов и ссузов России. Возраст испытуемых от 17 до 21 года. Выделено пять различных типов психологической сепарации от отца в юношеском возрасте. Выдвинута гипотеза о влиянии типов психологической сепарации на индивидуацию юношей и девушек в отношениях с отцом. Выявлены гендерные и кросс-культурные различия.

Ключевые слова: психологическая сепарация, индивидуация, юношеский возраст, детско-родительские отношения, отец

В современном стремительно меняющемся и постоянно развивающемся мире общество задает все больше требований к взрослеющим юношам и девушкам: быть независимыми, автономными, самодостаточными, успешными, гибкими, способными адаптироваться к социальным изменениям (Асмолов А.Г., 2015; Собкин В.С., 2014; Стефаненко Т.Г., 2009). Зарубежные и отечественные исследователи отмечают появление нового возраста – «emerging adulthood» («появляющаяся взрослость») – период между подростково-юношеским возрастом (adolescence) и ранней взрослостью (young adulthood) (Arnett J., 2000; Поливанова К.Н., 2013). Юноши и девушки в возрасте примерно от 20 до 30 лет не торопятся принимать ответственные решения: создание семьи и рождение детей, поиск постоянной работы, профессиональный рост, карьера – откладываются на неопределенный период. Актуальность изучения процесса взросления, формирования уникальности, индивидуальности молодых людей в современных условиях неопределенности в экономической, политической, социальной сферах российского общества не вызывает сомнений.

Юношеский возраст признается переходным периодом от детства к взрослости (Фельдштейн Д.И., 1999; Баттерворт Дж., Харрис М., 2000; Реан А.А., 2001; Штерн Э., 1997). В культурно-историческом подходе развитие личности ребенка определяется разрешением диалектического противоречия между психологическими новообразованиями возраста и старой социальной ситуации развития (ССР), что приводит к изменению ССР, отражающей социальные отношения ребенка с другими людьми. Сегодня особенно актуальным является изучение субъективного и индивидуального аспектов ССР, которые выделял Л.С. Выготский, и подчеркивают О.А. Карабанова, В.Т. Кудрявцев, К.Н. Поливанова, В.И. Слободчиков и др. О.А. Карабановой предложена модель динамической структуры социальной ситуации развития ребенка, в которой выделяются объективный и субъективный аспекты ССР (Карабанова О.А., 2012). К объективному аспекту ССР относится объективная позиция ребенка в системе социальных отношений и «иерархия социальных контекстов», а к субъективному – система ориентирующих образов. Понятие «сепарация» рассматривается исследователями, с одной стороны, как процесс перестройки отношений, с другой стороны, как процесс развития самосознания личности (Малер, М., 2011; Блос, П. 2010; Josselson R., 1980).

Психологическая сепарация от родительской семьи является одной из важных задач развития (J. Havigherst) юношеского возраста (Малер М., 2011; Блос П., 2010; Lapsley D., 2002). Понятие «сепарация» было предложено в теории сепарации-индивидуации М. Малер. Сепарация и индивидуация описываются исследователями как два диалектически связанных, но самостоятельных процесса (Малер М., 2011; Josselson R., 1980; Mattanah J., 2004; Нартова-Бочавер С.К., 2008). Психологическую сепарацию от родителей, в широком смысле, принято понимать как процесс дифференциации, разъединения с родителем, выход из «симбиотических отношений». В более узком смысле, психологическая сепарация от родителей в юношеском возрасте представляет собой сложный процесс перестройки детско-родительских отношений в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах, что приводит к изменению самосознания личности молодых людей, к изменению функционирования всей семейной системы.

Условием психологической сепарации от родителей является готовность к сепарации, в том числе, к перестройке детско-родительских отношений, не только юноши/девушки, но и готовность родителей к взрослению ребенка (Варга А.Я., 2009). Критерием завершения процесса психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте, по мнению многих исследователей, является достижение молодыми людьми личностной, в частности, эмоциональной автономии (Josselson R., 1980; Lapsley D., 2002). Под индивидуацией, современные зарубежные исследователи, понимают формирование индивидуальности (individuality), самооценности, уникальности личности молодого человека, подчеркивая при этом связанность индивидуации с сепарацией от родителей в юношеском возрасте (Kruse J., Walper S., 2008; Koeperke S., Denissen J., 2012; Musante D., 2014).

В представленном исследовании нами выделена линия анализа двух процессов развития личности, сепарации и индивидуации, юношей и девушек в отношениях с отцом. Актуальность выбранной темы связана с неоднозначной оценкой в психологии семейных отношений роли отца в современной российской семье (Кон И.С., 2009; Борисенко Ю.В., 2007; Карабанова О.А., 2005; Варга А.Я., 2009). С одной стороны, роль отца в личностном развитии ребенка признается не менее важной, чем роль матери. Например, результаты отечественных исследований показывают значимость роли отца в дифференциации гендерной идентичности подростков и юношей (Харламенкова Н.Е., 2007), доказано влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность подростков (Калина О.Г., 2007), показана обусловленность стремления к самоактуализации у взрослых людей гармоничностью образа отца (Липло С.В., 2006). С другой стороны, известен распространенный как в российском обществе, так и за рубежом, стереотип, характеризующий «современных отцов» как некомпетентных воспитателей, часто занимающих отстраненную позицию, «слабых» фигур в иерархии семьи (Беляева Т.Б., Сокол О.В., 2005; Аррюс-Ревиди Ж., 2015; Blazina C., 2008; Eliezer K., 2012). Стоит отметить, что отечественные работы, направленные на исследование сепарации и индивидуации юношей в отношениях с отцом нам не известны.

Цель представленного исследования – изучить индивидуацию юношей и девушек в связи с особенностями психологической сепарации студентов от отца.

Мы предположили, что индивидуация юношей и девушек с различными типами психологической сепарации от отца имеет выраженные особенности.

Для изучения особенностей психологической сепарации студентов от отца был использован опросник Psychological Separation Inventory (PSI; Hoffman J., 1984), в адаптации В.П. Дзукаевой, Т.Ю. Садовниковой (2014). Опросник состоит из 62 утверждений, образующих четыре шкалы: Конфликтная сепарация, Эмоциональная сепарация, Аттitudная сепарация, Функциональная сепарация.

Особенности индивидуации юношей и девушек изучались с помощью опросника Munich Individuation Test for Adolescence (MITA; Walper S., 1986). Опросник состоит из 26 высказываний, образующих шесть шкал: Сочетание автономии и общности, Поиск поддержки, Отрицание потребности в привязанности, Страх отвержения, Страх потери любви, Страх зависимости.

В исследовании приняли участие 291 студент вузов (57,5%) и ссузов (42,5%) из разных городов России: Москва (21%), Курск (22%), Владикавказ (49%), Алагир (8%) (РСО-Алания). Среди них 163 юношей (56%) и 129 девушек (44%), 125 русских (43%) и 167 осетин (57%). Возраст студентов от 17 до 21 года (сред. знач. 18,95; станд. откл. 1,12). Все респонденты из полных семей.

Основные результаты исследования особенностей психологической сепарации и индивидуации студентов в отношениях с отцом представлены ниже. Анализ показателей шкал PSI позволяет отметить несколько моментов. Конфликтная (3,46; 0,59) и функциональная (3,07; 0,86) сепарация от отца опережают в своем развитии эмоциональную (2,59; 0,77) и аттitudную (2,65; 0,78) сепарацию. Опрошенные юноши и девушки, в целом, довольно сильно нуждаются в эмоциональной поддержке и одобрении со стороны отца. Например, 62% студентов согласились с тем, что если они слишком долго находятся вдали от отца, то они по нему очень скучают; 58% респондентов согласились с тем, что, получая плохие результаты в учебе, они чувствуют, что подводят своего отца. Отмечается общность когнитивной сферы сыновей/дочерей и отцов (например, мнение о роли женщины (56%) в современном обществе, взгляды на воспитание детей (55%) у более, чем половины респондентов примерно такие же, как у отца). При этом студенты в трудных ситуациях часто опираются на свои ресурсы, не

обращаются за советом к отцу в ситуациях осуществления значимых выборов (важной покупки (64%), места обучения (58%), планирования досуга (61%)). Процесс психологической сепарации испытуемых от отца характеризуется, в большей мере, отсутствием переживания чувств вины, гнева или тревоги (например, юноши и девушки не вступают в конфликт, получая критику от отца (59%); не тревожатся, скрывая что-либо от него (61%); не согласны с тем, что они находятся в «состоянии войны» с отцом (84%)). Таким образом, психологическую сепарацию студентов от отца в конфликтной и функциональной сферах, в целом, можно считать завершенной. В эмоциональной и аттитюдной сферах, по модели Дж. Хоффмана, реализованной в опроснике PSI, опрошенные юноши и девушки, по нашим данным, в основном еще не достигли психологической сепарации от отца.

Для более дифференцированной картины перестройки детско-отцовских отношений в юношеском возрасте, представим результаты гендерного и кросс-культурного анализа показателей сепарации. Юноши в трудных ситуациях значимо чаще (U-критерий; $p=0,041$) опираются на свои ресурсы (2,76; 0,79), в отличие от девушек (2,49; 0,75), которые значимо чаще нуждаются в эмоциональной поддержке и одобрении со стороны отца. Для мужского поведения, как показано во многих исследованиях, в среднем, характерны сдержанность, стремление к независимости, личностной автономии во взаимоотношениях с другими людьми. Поведение женщин традиционно отличает большая эмоциональность, потребность в сплоченных отношениях (Кон И.С., 2009; Клецина И.С., 2009; Фетискин Н.П., 2014). Таким образом, полученные нами результаты согласуются с представлениями о гендерных различиях при нормативном развитии личности.

Кросс-культурный анализ особенностей сепарации показал, что русские студенты достигли значимо (U-критерий; $p<0,05$) большей психологической сепарации от отца во всех сферах, по сравнению с осетинскими участниками исследования. Выявленные кросс-культурные различия можно объяснить различием традиций двух этнических групп. У осетинских студентов, как и у русских, принято почитать, уважать родителей, но данные отношения в осетинской культуре регламентированы намного строже: существует ряд традиций, правил поведения, которые не следует нарушать, иначе это

вызовет большое напряжение во взаимоотношениях членов семьи, осуждение родственников и знакомых (Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л., 2010). Воспитанию почтительного и уважительного отношения к мнению родителей у осетин отводится особое внимание (Кучиев Р., 2005; Гостиев К.И., 2010). Проявление неуважения к старшим, пререкания с ними, споры осуждаются очень строго в осетинских семьях и в обществе (Лолаева З.Б., 2007). Русские студенты больше ориентированы на ценности современного типа культуры, а осетинские студенты – на ценности традиционного типа культуры (Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю., 2014).

Далее проанализируем индивидуацию юношей и девушек в отношениях с отцом. В целом по выборке, студентов характеризует гармоничное формирование уникальности, индивидуальности в отношениях с отцом. Например, 88% испытуемых юношеского возраста согласились с тем, что отец по-прежнему играет важную роль в их жизни, хотя они все больше следуют своим интересам; 80% респондентов согласились с тем, что, несмотря на частые различия взглядов, они с отцом, тем не менее, отлично понимают друг друга. Респонденты, в среднем по выборке, не тревожатся в ситуациях проявления отцовского контроля и опеки, не боятся быть отвергнутыми или потерять любовь родителя при допущении ими ошибки в чем-либо. Итак, индивидуация студентов в отношениях с отцом проходит без особых сложностей, что подтверждает данные о значимости роли отца для благополучного личностного развития юношей/девушек (Харламенкова Н.Е., 2007; Калина О.Г., 2007). Анализ гендерных различий индивидуации студентов показал, что юноши, в среднем, значимо (U -критерий, $p=0,002$) больше тревожатся из-за проявления отцовского контроля, опеки (2,30; 0,65), по сравнению с девушками (2,05; 0,66). Данный результат согласуется с традиционными представлениями о различном поведении мужчин и женщин в межличностных отношениях. Мужчины, в целом, больше ценят свободу, независимость, по сравнению с женщинами (Ильин Е.П., 2010). Другим объяснением полученных результатов, может являться более требовательное, более строгое отношение отцов к сыновьям, по сравнению с отношением отцов к дочерям (Бендас Т.В., 2006).

В группе осетинских респондентов выявлена значимо большая (U -критерий, $p<0,001$) потребность в поддержке со стороны отца (3,15; 0,83) и больше трудностей в

формировании своего Я, по сравнению с группой русских испытуемых (2,95; 0,72). Среди трудностей выражены: с одной стороны, значимо больший страх потерять любовь, расположение отца (2,29; 0,68), с другой стороны, значимо больший страх зависимости (2,30; 0,73), «поглощенности» в отношениях с отцом в группе осетинских респондентов, по сравнению с русскими участниками исследования (2,03; 0,60 и 2,04; 0,53 соответственно) (U-критерий, $p < 0,001$). Полученные результаты отражают, на наш взгляд, более значимую для осетинских респондентов ценность семьи, послушания, почитания детьми родителей, в частности отца, по сравнению с русскими студентами (Дзуцев Х.В., 2001; Калоев Б.А., 2004; Вальцев С.В., 2004). Осетинские семьи более традиционны в распределении семейных ролей, чем русские семьи (Олисаева А.М., 1999). Главой и опорой семьи в традиционном осетинском обществе чаще, по сравнению с русским обществом, является отец, мнение отца признается в осетинской семье значимым и неоспоримым для всех членов семьи (Битарова А.Т., 2002; Гостиев К.И., 2010). Следующим шагом анализа сепарации от отца юношей и девушек было выделение различных типов психологической сепарации студентов от отца. С помощью кластерного анализа было проведено деление выборки на пять групп (Таблица 1).

Достоверность различий выделенных групп представлена в таблице 2.

Таблица 1

Показатели психологической сепарации от отца у студентов с разными типами сепарации (PSI)

Сепарация (шкалы PSI)	Типы сепарации студентов от отца				
	I	II	III	IV	V
N	7	9	5	3	3
%	7 чел. (27%)	4 чел. (2%)	3 чел. (18%)	7 чел. (13%)	0 чел. (10%)

Конфликтная (К)	3,67	3,12	3,78	3,66	3,20
Эмоциональная (Э)	1,89	2,38	2,73	3,27	3,97
Аттitudная (А)	2,00	2,78	2,40	3,77	2,97
Функциональная (Ф)	2,10	2,91	3,47	3,89	4,38

Таблица 2

Значимые различия показателей психологической сепарации от отца между выделенными группами студентов (PSI)

Сепарация (PSI)	Попарное сравнение групп									
	/II	/III	/IV	/V	I/III	I/IV	I/V	II/IV	II/V	V/V
К	000			000	000	000			000	000
Э	000	000	000	000	000	000	000	000	000	000
А	000	000	000	000	000	000		000	000	000
Ф	000	000	000	000	000	000	000	000	000	000

*Сепарация: К – конфликтная, Э – эмоциональная, А – аттitudная, Ф – функциональная

Первая группа студентов (27%) отличается низким уровнем психологической сепарации от отца в эмоциональной, аттitudной и функциональной сферах. При этом у респондентов не вызывает негативных чувств проявления контроля, опеки со стороны

отца. Юноши и девушки, как правило, не спорят с отцом, послушно следуют тому, что говорит им отец. Назовем первую группу «сцепленные». Во вторую группу (32%) вошли студенты, психологическое отделение от отца которых наиболее выражено происходит в эмоциональной, аттитюдной и функциональной сферах. Однако процесс психологической сепарации сопровождается у взрослеющих детей переживаниями чувств гнева («Я часто сержусь на отца»; «Иногда мой отец в тягость мне»), тревоги («Отец порой ставит меня в неловкое положение»; «Мне хочется, чтобы отец воспринимал меня как взрослого»). Вторую группу назовем «бунтующие». Третья группа (18%) включает в себя респондентов с оптимальным, на наш взгляд, типом сепарации, характеризующимся еще большей независимостью в эмоциональной и поведенческой сферах, по сравнению со второй группой. При этом респонденты сохранили доверительные, неконфликтные отношения с отцом. Участники исследования отмечают общность с отцом в когнитивной сфере (схожие взгляды, мнения, убеждения). Третью группу назовем «самодостаточные». Четвертая группа (13%), отличается значимо большей эмоциональной, аттитюдной и функциональной независимостью респондентов от отца, по сравнению с третьей группой. Увеличение психологической дистанции в отношениях с отцом является в данном случае показателем неспособности студентов в процессе становления своего Я поддерживать близкие отношения (возможно, одной из причин является неготовность отца к сепарации сына/дочери). Четвертую группу назовем «избегающие». Пятая группа (10%) состоит из юношей и девушек, для которых характерен эмоциональный «отрыв» от отца, т.е. потеря эмоциональной близости, доверия. Студенты самостоятельно справляются с решением трудностей, принятием важных решений. Они не нуждаются в советах отца. Участники исследования отрицают значимость отца в их жизни. У молодых людей есть свое мнение и представления о происходящем в мире и обществе, значимо отличное от мнения и представлений родителя. При этом отношение студентов к отцу в данной группе отличается большим напряжением, отвержением, конфликтами («состояние войны»). Пятую группу назовем «дистанцированные».

Таким образом, выделенные типы психологической сепарации студентов от отца значимо отличаются по показателям степени конфликтности в отношениях детей и

отцов, напряженности процесса психологического отделения, эмоциональной независимости. Различаются отношения в разных группах и степенью общности мнений, взглядов между студентами и их отцами, уровнем самостоятельности, самодостаточности, способности опираться на свои ресурсы в принятии и реализации важных жизненных решений студентами. Далее проанализируем индивидуацию студентов с разными типами сепарации от отца (Таблица 3). Значимые различия показателей индивидуации студентов с разными типами сепарации представлены в Таблице 4.

Таблица 3

Показатели индивидуации студентов с разными типами сепарации от отца

Шкалы МІТА	Типы сепарации				
		I	II	V	
Сочетание автономии и общности (СОА)	,45	,41	,58	,12	,98
Поиск поддержки (ПП)	,21	,19	,09	,77	,58
Отрицание потребности в привязанности (ОПП)	,82	,99	,94	,27	,41
Страх отвержения (СО)	,75	,88	,60	,75	,68
Страх потери любви (СПЛ)	,23	,37	,03	,07	,89
Страх зависимости (СЗ)	,19	,32	,96	,28	,12

*I – «сцепленные», II – «бунтующие», III – «самодостаточные», IV – «избегающие», V – «дистанцированные»

Таблица 4

Значимые различия показателей индивидуации студентов с разными типами сепарации от отца

Шкалы МТА	Попарное сравнение групп									
	/II	/III	/IV	/V	I/III	I/IV	I/V	II/IV	II/V	V/V
С										
ОА			008	001		014	001	000	000	
П			004	002		003	000	046	005	
О			000	000		025	001	013	000	
С					006					
ПЛ				007	005	019	001			
СЗ		038			000			008		

* СОА – Сочетание автономии и общности, ПП – Поиск поддержки, ОПП - Отрицание потребности в привязанности, СО – Страх отвержения, СПЛ – Страх потери любви, СЗ – Страх зависимости

Студенты со «сцепленным» типом психологического отделения от отца характеризуются трудностями в формировании индивидуальности, уникальности. Формирование своего Я у юношей и девушек происходит в «симбиотических» отношениях с отцом, т.е. по принципу интроекции с родителем. Респонденты довольно сильно нуждаются в получении поддержки, проявления заботы, опеки со стороны отца. Уверенны, что без отца они не справятся с жизненными трудностями. При этом участники исследования переживают страх потери любви родителя при допущении ими определенных ошибок, в ситуации разочарования отца, несоответствия его ожиданиям.

Для студентов с «бунтующим» типом сепарации от отца еще больше затруднено оказалось стремление проявить свое отличие, индивидуальность, по сравнению с первой группой. А именно, юноши и девушки этой группы переживают выраженный страх быть отвергнутыми отцом, страх потери любви родителя. В то же время респондентов отличает страх «поглощения» в ситуациях проявления слишком большого контроля и опеки со стороны отца. Участников исследования, отнесенных нами в группу типа сепарации с отцом – «бунтующие», характеризует неумение выстраивать гармоничные отношения с отцом в период поиска своей индивидуальности.

Юноши и девушки с «самодостаточным» типом сепарации от отца, отличаются гармоничным процессом формирования своей уникальности. Несмотря на то, что респонденты все чаще следуют своим интересам, убеждениям, отец по-прежнему играет важную роль в их жизни. Даже если сын/дочь и отец спорят, ссорятся, они все равно любят друг друга. Студенты не боятся потерять любовь отца или быть «поглощенными» в отношениях с родителем. Эмоциональная привязанность к отцу является надежной и устойчивой в период формирования своего отличия от родителя.

Четвертая группа, для представителей которой характерен «избегающий» тип сепарации от отца, состоит из молодых людей с неблагоприятными показателями индивидуации по шкале «Сочетание автономии и общности». Юношам/девушкам для того, чтобы обрести чувство собственной ценности, уникальности, приходится дистанцироваться от отца. Респонденты не боятся потерять любовь, расположение родителя, не оправдать его ожиданий. Они уверены в том, что самостоятельно справятся с возникающими в жизни трудностями. Но при этом юноши/девушки отличаются высокой тревожностью в ситуациях проявления контроля со стороны отца, желания родителя повлиять на мнение сына/дочери.

В пятую группу, с «дистанцированным» типом сепарации юношей и девушек от отца, вошли студенты, формирование Я которых привело к «разрыву» отношений с отцом. Сформированность собственных ценностей, следование своим убеждениям привело к потере взаимного доверия, уважения. Юноши и девушки справляются с возникающими проблемами самостоятельно. Респонденты пишут, что не нуждаются в поддержке, заботе со стороны отца. Отмечают, что роль отца в их жизни не является

значимой, важной. Участники исследования, с таким типом сепарации от отца, не боятся потерять расположение отца, огорчить его своими неудачами или не оправдать его ожиданий.

Таким образом, при различных типах психологической сепарации студентов от отца выявлены выраженные особенности индивидуации, т.е. различные варианты формирования своего Я в юношеском возрасте. Для проверки гипотезы о влиянии различных типов психологической сепарации (PSI) молодых людей от отца на показатели индивидуации (MITA) в юношеском возрасте был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Результаты показали значимое влияние для большинства шкал опросника MITA (Таблица 5).

Таблица 5

Влияние типов сепарации от отца на индивидуацию в юношеском возрасте

F	Типы сепарации от отца	Шкалы MITA					
		ОА	П	ПП	О	ПЛ	З
(p)		,802	,902	,667	,220	,535	,954
		000	000	000	067	001	020

Заключение. Изучение особенностей сепарации и индивидуации в отношениях с отцом студентов 17-21 года позволило выявить гендерные и кросс-культурные различия сепарации и индивидуации в юношеском возрасте. Выделено пять типов психологической сепарации студентов от отца, значимо отличающихся по степени конфликтности, напряженности процесса психологического отделения, эмоциональной независимости, общности взглядов, мнений, самостоятельности в осуществлении значимых выборов. Показано, что тип сепарации от отца в юношеском возрасте находит отражение в особенностях индивидуации юношей и девушек.

Список литературы:

1. Аррюс-Ревиди Ж. Незрелые родители и взрослые дети. – Спб.: Питер, 2015, 320 с. (Серия «Мастера психологии»).
2. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.08.2015).
3. Баттерворд Дж., Харрис М. Принципы психологии развития: Пер с англ. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2000. – 350 с.
4. Беляева Т.Б., Сокол О.В. Стереотипы современного отцовства. Материалы второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной Российской семьи». В 3-х частях. Часть I / Под общей редакцией доктора психологических наук В.К. Шабельникова и кандидата психол. наук А.Г. Лидерса. М., 2005. Сс. 123-133.
5. Битарова А.Т. Этикет горских народов Северного Кавказа и его влияние на воспитание подрастающего поколения. Дис...канд. педаг. наук. 13.00.01. Владикавказ, 2002. 156 с.
6. Блос П. Психоанализ подросткового возраста. / Пер. с англ. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. – 272 с.
7. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. Москва-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. - 220 с.
8. Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Пространственное поведение у детей и
9. подростков (на примере Русских и Осетин). Этнографическое обозрение № 3, 2010.
10. Вальцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета (на примере русских и осетин). Дис... канд. психол. наук.: 19.00.05, Москва, 2004. 179 с.
11. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когито- Центр, 2009. 74 с.

12. Выготский Л.С. Проблема возраста // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1984.
13. Гостиев К.И. «Народные традиции и обычаи осетин. Пути их совершенствования». 2-е издание, дополненное и переработанное. Монография. Владикавказ: Издательство ФГОУ ВПО Горский госагроуниверситет», 2010. 160 с.
14. Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Адаптация опросника PSI (Psychological Separation Inventory) на российской выборке. Семейная психология и семейная психотерапия, №1, 2014. сс. 3-15.
15. Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Роль матери и отца в развитии индивидуации юношей и девушек: кросс-культурный аспект // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – с. 52-63.
16. Дзугцев Х.В. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: этносоциологический анализ. Изд-во: Российская политическая энциклопедия, 2001. 256 с.
17. Калоев Б.А. Осетины, Москва. 2004.
18. Калина О.Г. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность подростков. Дис...канд. психол. наук. 19.00.13: Москва, 2007. 152 с.
19. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие – М.: Гардарики, 2005.
20. Карабанова О.А. Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л.С. Выготского к П.Я. Гальперину// Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2012, № 4. С. 73-82.
21. Кон И.С. Мальчик-отец мужчины. Изд-во: Время, 2009.
22. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 940с.
23. Липло С.В. Образ отца как фактор самоактуализации личности. Дис...канд психол. наук: 19.00.01. Санкт-Петербург, 2006. 190 с.

24. Малер М., Пайн Ф., Бергманн А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2011. – 413 с.
25. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
26. Олисаева А. М. Этнопсихологические особенности социальных ролей в семье. Дис... канд. психол. наук: 19.00.05, Санкт-Петербург, 1999. 193 с.
27. Поливанова К.Н. Новое детство: вызов культурно-исторической теории? У истоков развития. Сборник научных статей / Ред.: Л.Ф. Обухова, И.Я. Котляр (Корепанова).-М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. - 265 с.
28. Реан А.А. Психология человека. От рождения до смерти. // Под общей редакцией А.А. Реана, СПб., «Прайм – Еврознак», М.: «Олма – Пресс», 2001. – 652 с.
29. Собкин, В.С. Просвещённый подросток? / В.С. Собкин // Дитя человеческое. - 2014. - № 1. – С. 14-20.
30. Стефаненко Т.Г. Русское общение и западная коммуникация. Психология в вузе, 2014. № 1, с. 107-110.
31. Тайсон Ф., Тайсон Р.Л. Психоаналитические теории развития. – Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 528 с.
32. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. Изд-во: Флинта, МПСИ, 1999.
33. Харламенкова Н.Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности. Психологический журнал / Ред. А.Л. Журавлев. – 2007. – том 28 №3 май-июнь 2007. – с. 56-64.
34. Штерн Э. Штерн Э. «Серьезная игра» в юношеском возрасте // Психология подростка: Хрестоматия / Сост. Ю.И. Фролов. М., 1997.
35. Arnett J. A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. American psychologist, 2000. Pp. 469-480.

36. Blazina, C., Settle, A., Eddins, R. (2008). Gender Role Conflict and Separation-Individuation Difficulties: Their Impact on College Men's Loneliness. *The Journal of Men's Studies*, Vol. 16, No. 1.

37. Eliezer, K., Yahav, R., Hen, K. (2012). The Internalization of the “Father” Object Among Young Men and Its Relation to Separation–Individuation Patterns, Anxiety and Depression. *Child Adolescent Social Work Journal*, Volume 29, Issue 4, pp 323-344.

38. Hoffman, J.A. (1984). Psychological separation of late adolescents from their parents. *Journal of Counseling Psychology*, 31, pp.170–178.

39. Josselson, R. (1980). Ego development in adolescence. In J. Adelson (Ed.), *Handbook of adolescent psychology* (pp. 188-210). New York: Wiley.

40. Kagitcibasi, C. (2005). Autonomy and relatedness in cultural context: Implications for self and family. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 36, 403.

41. Koepke, S., Denissen, J. (2012). Dynamics of identity development and separation–individuation in parent–child relationships during adolescence and emerging adulthood – A conceptual integration. *Developmental Review*, vol. 32, pp. 67-88.

42. Kruse J., Walper, S. (2008) Types of individuation in relation to parents: Predictors and outcomes. *International Journal of Behavioral Development*. 32 (5), pp. 390–400.

43. Lapsley, D., Edgerton, J. (2002). Separation-Individuation, Adult Attachment Style, and College Adjustment *Journal of Counseling and Development: JCD*, Vol. 80, No. 4. <https://www.questia.com/library/journal/1G1-95204666/separation-individuation-adult-attachment-style>

44. Mattanah, J.F. Hancock, G., Brand, B.L. (2004). Parental attachment, separation-individuation, and college student adjustment. *Journal of Counseling Psychology*, 51, 213-225.

Musante, D. (2014) Individuation as an Adolescent Developmental Task: Associations with Adoptee Adjustment. *Doctoral Dissertations 2014-current*. Paper 192.

Характер изменения материнской сферы деятельности и материнской позиции в связи с взрослением ребенка

Захарова Е.И.

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-I-Z@yandex.ru

Рассматривается характер трансформации родительства в связи с взрослением ребенка. В фокусе внимания автора оказывается функциональное содержание родительской деятельности матерей, воспитывающих подростков и юношей. Сравнительный анализ трех групп участниц, сформированных с учетом возраста ребенка, позволил выделить явно выраженную тенденцию к снижению степени реализации ими некоторых родительских функций. Обнаруженная тенденция сопровождается изменением отношения матерей к необходимости реализовывать родительские функции. В то же время, полученные данные свидетельствуют о том, что родительская идентичность остается на неизменно высоком уровне, что позволяет сделать вывод, что изменения самосознания, вызванные реализацией родительской деятельности, становятся устойчивым новообразованием личности.

Ключевые слова: родительская деятельность, родительская позиция, материнская идентичность

Исследование родительской позиции, связанных с наступлением родительства изменений личности взрослого человека, становятся предметом целого ряда исследований (Гурко Т.А., 2003, Кон И.С., 1999, Филиппова Г.Г.1999, Захарова Е.И. 2014). Не оставляет сомнения то, что в связи с наступлением родительства происходят существенные изменения социальной ситуации, социальной позиции взрослого человека, осваивающего новую сферу деятельности. Фокус внимания исследователей сосредотачивается на начальном периоде вхождения в родительство в связи с кризисными явлениями, которые его сопровождают. В гораздо меньшей степени исследован вопрос о дальнейших трансформациях родительской позиции. Очевидно, что

в связи с взрослением ребенка содержание и мера участия родителя меняется. Возрастающая автономия ребенка, его компетентность снижают необходимость организовывать и контролировать его жизнь. В связи с этим встает вопрос о границах родительства. Так же четко они определены, как границы периоды детства? Что происходит с родителем после того, как его ребенок становится взрослым и самостоятельным? Эти вопросы еще ждут своего ответа (Vassallo, S., Smart., D., Price-Robertson, R.,2009).

Целью настоящего исследования стало изучение функционального содержания сферы родительской деятельности в связи с возрастом ребенка и родительской позиции матерей, ее реализующих⁵.

Гипотезой стало предположение о том, что в связи с взрослением ребенка снижается степень реализации таких родительских функций, как организация жизни, уход, контроль. В качестве дополнительной гипотезы было высказано предположение о том, что изменение содержания сферы родительской деятельности происходит на фоне снижения готовности матерей к их реализации, проявляющейся в эмоциональном отношении к составляющим родительской позиции. Проверка выдвинутых гипотез осуществлялась в ходе реализации следующих *задач*: анализ специфики осуществления родительских функций в зависимости от возраста ребенка; анализ степени принятия позиции родителя; анализ степени выраженности родительской идентичности в связи возрастом ребенка

Выборка: в исследовании приняли участие 97 родителей в возрасте от 29 до 59 лет.

В соответствии с целями и задачами исследования, она была разбита на три группы: матери младших школьников 9-11 лет (42 человека), матери подростков 12-17 лет (35 человек), матери юношей 18-28 лет (20 человек). Решение задач исследования осуществлялось с помощью следующих *методик*: Опросник «Функциональное содержание родительства», состоящий из 24 утверждений, отражающих степень

⁵ Исследование "Специфика родительских функций в семьях с детьми разного возраста» выполнено Касьян Е.А. 2015 г. под нашим руководством.

реализации таких родительских функций как: организация деятельности ребенка, уход/забота, сопровождение социализации (общение), эмоциональная поддержка, финансовая поддержка; Опросник «Степень принятия родительской позиции», включающих утверждения, содержание позитивное или негативное отношение к реализации родительских функций; Проективная методика исследования самосознания М. Куна «Кто я?» (модифицированный вариант).

Результаты исследования. Характер реализации сферы родительской деятельности. Полученные данные описательной статистики свидетельствуют о существенных различиях содержания материнской деятельности в трех группах. Использование непараметрического критерия Манна-Уитни для 2-х независимых выборок показало статистическую значимость обнаруженных различий.

Таблица 1.

Значимые различия функционального содержания родительской деятельности матерей подростков и юношей

Шкалы методики	Младшие школьники и подростки	Младшие школьники и юноши	Подростки и юноши
1.Поддержание эмоциональной связи	-	2,668 p=0,008	3,506 p=0
2. Эмоциональная поддержка.	-	2,134 p=0,033	3,268 p=0,001
3. Финансовая поддержка.	3,900 p=0	-	3,767 p=0
4. Сопровождение социализации	5,079 p=0	-	3,710 p=0
5. Уход (забота)	3,031 p=0,002	-	-
6. Организация деятельности.	-	3,908 p=0	3,661 p=0

Полученные данные свидетельствуют о том, что в связи с взрослением ребенка значительно меняется направленность материнского участия в жизни детей. Большое место в структуре деятельности матерей младших школьников и подростков занимает организация их деятельности. Отличительной чертой деятельности матерей юношей является передача данной функции подросткам. Завершение подросткового возраста знаменуется обретением автономии и самостоятельности, что лишает матерей необходимости быть организатором жизни своего ребенка. Также обращает на себя внимание снижение доли такой материнской функции, как «Сопровождение социализации». Это также отражает особенности возрастного развития ребенка. Если в младшем школьном возрасте ребенку требуется помощь в освоении новой для него социальной ситуации развития, то подростки решают эту задачу развития уже самостоятельно. Они осваивают сферу личных и общественных отношений, стараясь оторваться от руководящей помощи родителя, который до сих пор был посредником, восполняющим недостаток их компетентности. Интересным является факт возвращения к помощи родителя в юношеском возрасте. Юноша, уже решивший задачу сепарации обращается к помощи родителя уже как к надежному и авторитетному партнеру, от которого не исходит угроза подчинения.

Важно на наш взгляд отметить то, что поддержание эмоциональной связи и эмоциональная поддержка неизменно остаются существенными составляющими в отношениях ребенка и родителя. Эти функции родитель не только продолжает реализовывать и после достижения ребенком самостоятельности, но даже увеличивает их долю в структуре своей родительской деятельности.

Анализ связи выявленных особенностей с социо-биографическими характеристиками семей свидетельствует, что они не связаны ни с полом ребенка, ни с количеством детей в семье.

Анализ степени принятия родительской позиции.

Кроме раскрытия содержания сферы родительской деятельности нас интересовал вопрос об особенностях отношения матерей к осуществлению отдельных ее составляющих. На вопросы опросника, так же как и в предыдущем случае, отвечали матери детей трех возрастных групп. Полученные данные свидетельствуют о

существенном снижении позитивного отношения к реализации родительских функций у матерей юношей.

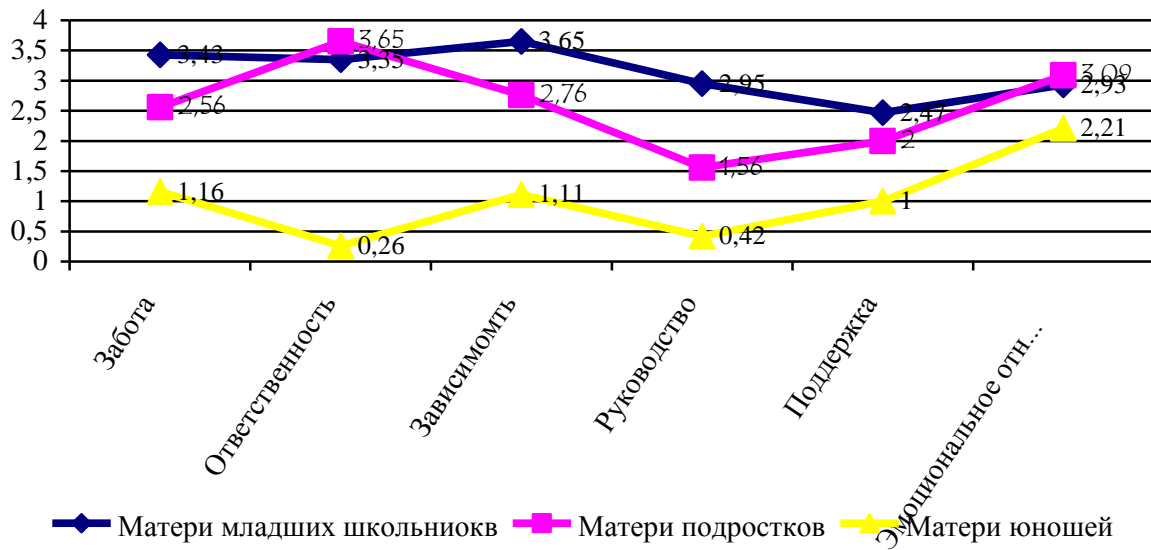

Диаграмма 1. Степень принятия родительской позиции у матерей младших школьников, подростков и юношей.

Мы видим, что чем старше ребенок, тем ниже степень позитивного отношения матери к реализации предписанных родительской позицией функций. Матери повзрослевших детей не испытывают положительных эмоций в случае, если им приходится продолжать организовывать их жизнь, заботиться о молодом человеке и нести ответственность за его поступки. Исключение составляет только близкая эмоциональная связь с ребенком, отношение к которой остается неизменно позитивной. Полученные данные свидетельствуют о том, что прекращение реализации материнских функций в полном объеме происходит на фоне снижения степени позитивного отношения к ним. Для того, чтобы проверить, являются ли зафиксированные различия значимыми был проведен статистический анализ с используем непараметрического критерия Манна -Уитни для 2-х независимых выборок.

Таблица 2.

Значимые различия в степени принятия родительской позиции матерями детей разного возраста

Вектор материнского отношения	Матери младших школьников и подростков	Матери младших школьников и юношей	Матери подростков и юношей
Отношение к заботе о ребенке, удовлетворению его потребностей		1,922 p=,055	
Отношение к ответственности родителя		2,456 p=,014	2,527 p=,012
Отношение к зависимости положения родителя		2,880 p=,004	2,082 p=,037
Отношение к руководству ребенком	2,202 p=,028	2,875 p=,004	

Уже при переходе к подростковому возрасту снижается готовность матери руководить действиями ребенка, что отражает процесс его автономизации. Переход к юношескому возрасту добавляет значительное падение готовности нести за него ответственность. Мы видим, что матери ощущают обретение независимости наряду со своими выросшими детьми. Если забота, уход, руководство ребенком в дошкольный и младший школьный период его развития встречает высокую степень принятия со стороны родителя, то подростковый возраст становится той гранью, после которой такая высокая степень включенности в жизнь ребенка уже не может его удовлетворять. Родительская забота с готовностью предоставляется ребенку лишь в период его становления в качестве самостоятельного субъекта. С обретением самостоятельности молодого человека матери занимают соизмеримую с ним позицию, возвращая себе право на приоритет реализации собственных жизненных интересов, не связанных с родительством. Однако нельзя говорить о прекращении детско-родительских отношений в силу сохраняющейся эмоциональной связи матери с выросшим ребенком. Результаты исследования свидетельствуют, что независимо от возраста ребенка неизменной

остается готовность матерей оказывать эмоциональную поддержку своим детям (не зафиксировано значимых различий между группами).

Анализ степени выраженности родительской идентичности

Оценивая родительскую идентичность матерей детей разного возраста, мы зафиксировали высокую степень ее выраженности у большинства матерей. О выраженности идентичности свидетельствовало положение категорий характеризующих ролевую позицию человека в отношении родительства (мать, отец, родитель и т.д.) в перечне характеристик, с помощью которых женщины себя описывали («Кто-Я»). На фоне имеющегося разброса в положении тех от 1-ого места до 12-ого, можно констатировать, что матери, чья родительская идентичность не выражена, составляют совсем небольшой процент от всей выборки. Это свидетельствует о том, что большинство идентифицируют и принимают себя в качестве родителя, данная идентичность для них приоритетна. Исходя из проведенного корреляционного анализа связей между переменными методик «Степень принятия родительской позиции» и выраженностью родительской идентичности, можно сделать заключение об их отсутствии.

Высокая степень выраженности родительской идентичности сохраняется на фоне существенного снижения степени принятия родительской позиции. Матери молодых людей (18-29 лет) значительно сокращают долю участия в жизни своего ребенка, утрачивая готовность к реализации таких функций, как забота о ребенке, руководство ребенком, ответственность за ребёнка и т.д. Однако они продолжают ощущать себя родителями в той же мере, что и в его детские годы. Мы получили свидетельство того, что возникающее в ходе реализации родительской деятельности новообразование становится устойчивым элементом самосознания взрослого человека.

Выводы:

1. Содержание родительской деятельности меняется в зависимости от возраста ребенка. Тенденции изменений: с возрастом ребенка снижается уровень организации его деятельности, увеличивается эмоциональная поддержка ребенка.

2. Отношение к реализуемым родителем функциям является динамической системой, степень позитивного отношения к ним снижается в связи с взрослением ребенка.

3. Обретенная в ходе реализации родительской деятельности идентичность Я-родитель остается устойчивой составляющей самосознания.

Список литературы

1. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 2003
2. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: научная монография – М.:МГУ, 2014
3. Кон И.С. Социологическая психология. - Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 1999.
4. Филиппова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. - М.: Жизнь и мысль, 1999.
5. Vassallo, S., Smart., D., & Price-Robertson, R., The roles that parents play in the lives of their young adult children// Family Matters. - 2009. - 8-14 p.

Исследование влияния толерантной/интолерантной коммуникации родителей на тип воспитательных установок

Вислова А.Д.

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

avislova@mail.ru

Система семейных отношений и детско-родительские отношения [3] как её подсистема включают в себя родительское отношение, а также отношение ребенка к

родителям. В этих взаимоотношениях наиболее четко обнаруживается характер взаимовлияния родителя и ребенка, проявляется уровень коммуникативной толерантности.

Стиль отношений родителей и роль, которую они отводят ребенку в семейной системе [4], а также родительская позиция, связанная с теми функциями, которые социально за ними закреплены [2], определяют особенности развития ребенка. И перспективы выстраивания толерантных отношений ребенок усваивает из опыта взаимоотношений родителей, наполненных уважением и любовью. Преимущество толерантности заключается в том, что она предусматривает достижение межличностной аттракции, взаимопонимания и согласия.

Целью настоящего исследования было изучение взаимосвязи между типом родительских установок и характером коммуникации родителей. Нами проверялась гипотеза о том, что разные типы родительских установок связаны с особенностями толерантности/интолерантности родителей в коммуникации. Основные задачи исследования заключались в том, чтобы выявить параметры конфликтности, агрессивности, коммуникативно-характерологические тенденции и особенности межличностного взаимодействия в зависимости от типа родительских установок; установить наличие связи между типами установок родителей и коммуникативной толерантностью. Выборку составили 983 чел.

Для выявления степени выраженности конфликтности в отношениях в зависимости от типа родительства мы использовали тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях», разработанный Ю.Е. Алешиной и Л.Я. Гозманом [5]. Выделенные авторами методики восемь сфер семейной жизни выступают в нашей работе индикаторами толерантности/интолерантности: проблемы отношений с родственниками и друзьями; вопросы, связанные с воспитанием детей; проявление стремления к автономии; нарушение ролевых ожиданий; рассогласование норм поведения; проявление доминирования одним из супругов; проявление ревности; расхождения в отношении к деньгам.

Как показывает анализ типов родительских установок, достаточно отчетливо просматриваются различия по параметру конфликтности. Наиболее конфликтными в

этом аспекте являются испытуемые, относящиеся к доминантному типу. В данном случае практически все показатели по тесту значительно превосходят параметры партнёрского и зависимого типов. Для партнёрского типа характерна повышенная конфликтность в зонах ревности, отношения к деньгам и в вопросах, связанных с воспитанием детей. У испытуемых зависимого типа конфликтность в семейных отношениях не столь явно выражена (различия по T-критерию Стьюдента статистически значимы на уровне 0,01).

Для измерения субъективного отражения особенностей коммуникации, обуславливающей толерантные/интолерантные установки, мы использовали методику диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Собчик [5]. Такие переменные, как доминантность, уверенность в себе, требовательность, скептицизм, уступчивость, доверчивость, добросердечие и отзывчивость были нами включены в систему индикаторов толерантных/интолерантных установок личности.

Обнаружены различия для выделенных типов практически по всем показателям. При этом по уровню требовательности и уверенности в себе выше показатели у доминантного типа. Зависимый тип отличается высоким уровнем добросердечия, уступчивости и отзывчивости. Партнерский тип занимает промежуточную позицию при приоритете показателей более мягких тенденций в межличностном взаимодействии.

Анализ уровня проявления агрессии мы осуществляли с использованием методики «Диагностика состояния агрессии» А. Басса и А. Дарки [5]. Полученные результаты показывают, что значительных различий в показателях не существует по всей выборке. Данные говорят о наличии некоторых тенденций в проявлении агрессивности в зависимости от типа родительских установок. Наиболее явно проявляется агрессивность у зависимого типа, особенно по характеристикам подозрительности, выраженности чувства вины и раздражительности.

Рассматривая результаты исследования с использованием методики коммуникативной толерантности В.В. Бойко [5], можно констатировать, что испытуемые, относящиеся к различным типам родительских установок, значительно отличаются по степени толерантности в коммуникации. Максимально интолерантным является зависимый тип, для которого характерны высокие показатели в области

процесса «адаптации к другим», недостаточной толерантности к «ошибкам и схожести поведения партнёра со своим собственным». Кроме того, у представителей этого типа наблюдаются высокие показатели интолерантности к «проявлению индивидуальности других». Для доминантного типа наиболее раздражающей является область коммуникативных качеств – интолерантность проявляется в случае «некоммуникабельности партнёра по взаимодействию». Для партнёрского типа в целом характерен более высокий уровень толерантности в коммуникации по сравнению с другими типами по всем параметрам.

В результате исследования мы пришли к определенным выводам. Так, конфликтность в более выражена у доминантного типа, в меньшей степени – зависимого. Средний уровень конфликтности характерен при партнерском типе родительства. В межличностных отношениях родителей с доминантным родительством преобладают требовательность и уверенность в себе; при зависимом типе – добросердечие, уступчивость и отзывчивость; у партнерского типа выражены более мягкие тенденции во взаимоотношениях. По степени агрессивности доминантный и партнерский типы родительства уступают родителям с зависимой типом воспитания. У них выше уровень подозрительности, чувства вины и раздражительности. Высокая интолерантность в сфере коммуникации характерна при зависимом типе родительских установок по факторам адаптации к другим, к несхожести поведения и проявлению индивидуальности. При доминантном типе родительства интолерантность проявляется к некоммуникабельности человека. Партнерскому типу родительских установок свойственна наибольшая толерантность в коммуникации.

Таким образом, гипотеза о том, что разные типы родительских установок связаны с особенностями толерантности/интолерантности родителей в коммуникации, подтвердилась.

Список литературы

1. Вислова А.Д. Толерантность в семейных отношениях. М., 2003.
2. Захарова Е. И. Развитие личности в ходе освоения родительской позиции. Культурно-историческая психология, 2008. № 2. С. 24–29.

3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.

4. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. высших учеб. заведений; 3-е изд., стер. М.: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.

5. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара.: БАХРАХ-М, 2001. 672 с.

**Отношение женщины среднего возраста к родителям
в контексте её психологического благополучия**

Воронина М.Е.

ФГБОУ ВПО «КГУ им. Н.А. Некрасова», Кострома, Россия

mariaantonvoron@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты исследования взаимосвязей между отношением женщины среднего возраста к родителям и основными компонентами её психологического благополучия с учётом факторов отношений с детьми и супругом; описаны компоненты отношения взрослой дочери к родителям, которые имеют наибольшее значение для её психологического благополучия и компоненты психологического благополучия, подвергающиеся наибольшему влиянию со стороны фактора отношения к родителям.

Ключевые слова: психологическое благополучие, женщина среднего возраста, отношение к стареющим родителям.

В последнее время в науке наблюдается рост интереса к проблемам благополучия личности в современном обществе, в том числе психологического благополучия на разных этапах жизненного пути личности (А.М. Абдраязкова, Н.К. Бахарева, Е.Е. Бочарова, А.В. Воронина, Л.В. Куликов, Д.А. Леонтьев, С.Ю. Мохова, М.В. Соколова,

Р.М. Шамионов, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко, N.Bradburn, E.Diener, C.Ryff, R.Ryan, R.Richard).

Активное внимание к понятию психологического благополучия личности связано с развитием такого направления как позитивная психология, которое на первый план выдвигает исследования положительных аспектов развития и функционирования личности – счастья, оптимизма, солидарности, личностного роста и др. (E.L. Deci, R.M. Ryan, C.D. Ryff, M.E.R. Seligman, C.R. Snyder, A.C. Waterman).

Мартин Селигман выделил три основных объекта интереса для позитивной психологии: *позитивные эмоциональные состояния* (счастье, удовлетворенность жизнью, переживание потока, надежда, оптимизм и др.), *позитивные черты личности* и *позитивные социальные институты* (Seligman M.E.P., 2002). Нас интересуют в первую очередь *позитивные черты личности*, понимаемые как личностные черты, которые способствуют успешному приспособлению человека к окружающему миру и практическому овладению им, а также выполняют важную буферную функцию, то есть препятствуют развитию психической патологии, отклоняющегося поведения, личностных нарушений (Peterson C., Seligman M.E.P., 2004).

Одной из первых теорий, в которой были выделены личностные характеристики, необходимые для полноценного, благополучного функционирования, была теория психологического благополучия К. Рифф. К. Рифф опиралась на введенное Аристотелем разведение гедонии и эвдемонии, понимая под первой эмоциональное благополучие, выражающееся в субъективном переживании счастья и положительных эмоций, а под второй – позитивное функционирование, опирающееся на определенное объективное основание, а именно, на личностные характеристики, предсказывающие благополучие их обладателям. По теории К. Рифф в структуре психологического благополучия можно выделить шесть основных характеристик:

- *позитивные отношения с другими* – способность культивировать и порождать тепло, доверие, близкие отношения с другими людьми; забота о благополучии других, способность к интенсивной эмпатии, привязанности и интимности, готовность сопереживать ближним, сотрудничать с ними и находить с ними компромиссы;

- *автономия* – самодетерминация, независимость и личностный контроль над тем, что с тобой происходит, способность действовать, противостоять социальному давлению, оценивать поведение свое и других людей на основе не внешних, а собственных, интернализированных стандартов и ценностей;

- *управление средой* – способность справляться с повседневными делами, успешно реализовывать сложный комплекс внешних форм активности, участвовать в трудовой и семейной жизни, эффективно использовать предоставляющиеся возможности окружающего мира;

- *целенаправленность жизни* – наличие направленности, осмысленности собственной жизни, жизненных целей;

- *личностный рост* - развитие, использование имеющихся навыков, талантов, возможностей для собственного развития и для реализации своего потенциала, открытость опыту, ощущение постоянных прогрессивных изменений в своей личности;

- *самопринятие* – позитивное отношение к себе, признание и принятие внутренней неоднородности, множественных аспектов своего Я, принятие своих слабостей наряду с достоинствами, уверенность в себе и позитивная оценка собственного прошлого (Рифф К., 1995).

На данный момент теория К. Рифф получила эмпирическое подтверждение, в том числе на русскоязычной выборке (Фесенко, 2005; Пергаменщик, Лепешинский, 2007). На эту теорию мы опирались в своём исследовании.

В настоящее время достаточно полно исследованы объективные факторы (пол, возраст, степень удовлетворения основных потребностей, характер межличностных отношений, уровень социально-психологической адаптации), обуславливающие психологическое благополучие личности (Ю.Б. Дубовик, О.А. Овсяник, N. Bradburn, E. Diener, R. Ryan, C. Ryff, R. Richard), исследуются субъективные факторы психологического благополучия (Л.В. Бызова, Ю.Б. Дубовик, Е.Н. Панина, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко,), в частности, значимые отношения (М.В. Бучацкая, Т.Д. Шевеленкова, С. Ryff).

Авторы уделяют внимание исследованию психологического благополучия женщины, особенностей её социально-психологической адаптации (М.В. Бучацкая,

О.А. Овсяник, Л.В. Попова, Т.Д. Шевеленкова, Л.Б. Шнейдер). Но при этом проблема женского пути взросления, специфики обретения женщиной личностной зрелости остаётся недостаточно исследованной, на что указывает ряд авторов (Е.В. Кумыкова, Е.Е. Сапогова, О.Р. Тенн, Н.Г. Шевченко, Л. Иригарей, Э. Мольтманн-Вендель): «Женщина должна обрести себя – среди других, преодолевая те её образы, что уже существуют в истории» (Иригарей Л., 2005).

Анализ эмпирических исследований и теоретических изысканий отечественных и зарубежных авторов позволяет сделать вывод, что особый этап в истории формирования личностной зрелости человека – период средней взрослости (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, И.С. Кон, Г. Крайг, В.С. Мухина, А.А. Реан, В.И. Слободчиков, Е.Е. Сапогова и др.). Можно предположить, что важное значение для достижения личностной зрелости женщиной имеют кризисы значимых отношений со своими повзрослевшими детьми и стареющими родителями, которые происходят на данном возрастном этапе. В научно-популярной литературе женщина среднего возраста, проявляющая активную заботу по отношению к своим детям и родителям, получила метафоричное название «женщина поколения «сэндвич» (термин появился в зарубежных социологических и социально-экономических исследованиях).

Забота о стареющих родителях – это один из главных компонентов образа жизни женщины среднего возраста (Г. Крайг, А. Реан, R. Pierret). В настоящее время изучению данной сферы отношений взрослой женщины уделяется мало внимания. В психологических исследованиях достаточно активно изучаются межпоколенные аспекты отношений взрослых детей и их пожилых родителей, феномены трансгенерации и префигурации (М. Боуэн, Т.И. Дымнова, А.Л. Журавлёв, С.А. Жукова, А.В. Камышева, О.В. Краснова, А.А. Нестерова, Е.Л. Михайлова, М.В. Сапоровская, А.В. Черников, А.А. Шутценбергер, Э.Г. Эйдемиллер). В то время как специфика актуальных отношений с родителями на поздних этапах жизненного пути, отношение к родителям в контексте личностного развития и психологической зрелости взрослого человека рассматривается в основном в психотерапевтической литературе как описание единичных клинических случаев (А.Я. Варга, С. Минухин, П. Пэпп, М. Уорден, Дж. Хейли, Ч. Фишман, И. Ялом).

Особую актуальность исследование данной темы имеет в связи тенденцией «старения» общества. На современном этапе развития общества человечество сохраняет самое большое количество старых и пожилых людей по сравнению с предыдущими эпохами. Их численность превышает численность всего населения планеты в XVII веке. По данным ООН, в 1950 г. в мире было 214 млн людей старше 60 лет; а в 2025г. их уже будет 1100 млн, то есть численность пожилых людей возрастёт за эти годы в 5 раз, тогда как население планеты за это время увеличится лишь в 3 раза (Шнейдер Л.Б., 2013). Соответственно период, в течение которого взрослая женщина участвует в жизни своих пожилых родителей, заботится о них, постепенно увеличивается, становится продолжительным.

В период средней взрослости женщина начинает испытывать новые формы близости с пожилыми родителями (ввиду снижения уровня их физического и психического здоровья). С одной стороны, участие в жизни родителей имеет для взрослой дочери большой личностный смысл, способствует её духовному здоровью, психологической зрелости, приносит чувство глубокого удовлетворения. Посвящая свою жизнь помощи взрослым детям и заботе о подрастающих внуках и стареющих родителях женщина средних лет избегает переживаний дискомфортных состояний, связанных с отсутствием смысла жизни (Реан А.А., 2002). С другой стороны, нередко дочери испытывают физическое и психологическое напряжение в результате своих опекунских усилий. Забота о родителях может вернуть к жизни застарелые конфликты зависимости. Женщина может ощущать предельно высокий уровень близости в отношениях с родителями и интрузивности, которая реализуется через проявление чувств собственности и ревности (Уорден М., 2007) родителей по отношению к дочери, попытки установить новые формы контроля. Поэтому на данном этапе возникает необходимость построения оптимальных интерперсональных границ между женщиной и её стареющими родителями. Кроме того, необходимость заботиться о родителях также предвещает будущее самой дочери, которая станет зависимой от своих детей, когда постареет, актуализирует страх смерти. Эти внутренние конфликты — в сочетании с реальными требованиями времени и свободы, противоречащими друг другу обязанностями, — могут создавать насыщенную стрессом среду (Крайг Г., 2000). Таким

образом, стареющие родители – одна из важных и противоречивых зон семейной ответственности женщины.

В то же время особенности личностного и когнитивного развития женщины в период средней взрослости создают большой ресурсный потенциал для позитивной интерпретации и реинтерпретации своих отношений с родителями (как актуальных аспектов отношений, так и ретроспективных). На данном возрастном этапе происходит переход от исполнения субъектом заложенного родительской социализацией сценария к авторскому жизненному проектированию. Одна из основных характеристик данного возраста – это осознанная целенаправленность в отношении собственной жизни и жизни тех, за кого человек несёт ответственность (дети, престарелые родители) (Сапогова Е.Е., 2013).

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязей между отношением женщины среднего возраста к родителям и её психологическим благополучием. Учитывались такие факторы, как интенсивность участия женщин в жизни родителей и интенсивность участия женщин в жизни своих детей, семейное положение.

В исследовании участвовали 40 женщин среднего возраста (от 38 до 54 лет), которые заботятся о стареющих родителях. 24 женщины замужем, 16 – одиноки; все женщины имеют детей, работают. Для оценки эмоционального компонента отношения была использована методика «Типовое семейное состояние» Э.Г. Эйдемиллера, В. В. Юстицкого с модифицированной инструкцией, опросник по изучению межличностной вины IGQ (L.E. O'Connor, J.W. Berry, J. Weiss, M. Bush & H. Sampson). Для оценки когнитивного компонента – методика «Образ родителей» (вариант метода «Семантический дифференциал»), «Опросник стиля привязанности» (J.A. Feeney, P. Noller, 1994). Дополнительная информация была получена с помощью авторского интервью «Мои родители» (модификация полуструктурированного «Интервью о привязанностях для взрослых» М.Мэйн). Особенности психологического благополучия изучались с помощью методики «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф. Для статистического анализа материалов мы использовали корреляционный анализ (R – критерий Спирмена), метод множественного регрессионного анализа, U-критерий Манна – Уитни, однофакторный дисперсионный анализ Краскала – Уолесса.

В ходе исследования были получены следующие результаты. *Позитивные отношения с окружающими* связаны с ощущением свободы ($R=0,39$, $p<0,03$) в отношении женщины к родителям и находится под прямым влиянием компонента отношения женщины к родителям *уверенность в отношениях* ($B=0,39$, $p<0,002$), и обратным влиянием *тревожности* ($B=-0,45$, $p<0,01$), *нервно-психического напряжения* ($B=-0,52$, $p<0,003$), *общей неудовлетворённости ситуацией* ($B=-0,53$, $p<0,002$). С одной стороны, это связано с детским опытом отношений с родителями, в ходе которого был сформирован тип привязанности, основные паттерны взаимодействия с социальным окружением. У женщины была сформирована фундаментальная установка в отношении Другого, имеющая конструктивный или деструктивный характер. С другой стороны, актуальные отношения с родителями, требующие больших временных и эмоциональных затрат ввиду их физического (и/или психического состояния) оставляют взрослой дочери мало ресурсов для поддержания дружеских связей, качественных отношений в собственной семье с супругом и детьми.

Автономия отрицательно связана с *потребностью в одобрении* ($R=-0,40$, $p<0,02$) в отношении взрослой дочери к родителям, имеет тенденцию к отрицательной связи с *погружённостью в отношения* ($R=-0,33$, $p<0,06$), прямой связи с *уверенностью в отношениях* ($R=0,33$, $p<0,07$), находится под обратным влиянием переживания женщиной чувства вины *ненависти к себе* ($B=-0,56$, $p<0,001$).

Управление средой имеет тенденции к отрицательной связи с переживанием женщиной вины *выжившего* ($R=-0,31$, $p<0,08$) и *погружённостью в отношения* с родителями ($R=-0,30$, $p<0,09$) и под прямым влиянием ощущения свободы ($B=0,42$, $p<0,01$) в отношении дочери к родителям.

Компонент *цели в жизни* имеет тенденции к отрицательной связи с *общей неудовлетворённостью ситуацией* ($R=-0,35$, $p<0,056$) в отношении женщины к родителям и *погружённостью в отношения* ($R=-0,30$, $p<0,09$), а также находится под прямым влиянием ощущения свободы ($B=0,44$, $p<0,01$) и обратным влиянием *потребности в одобрении* ($B=-0,37$, $p<0,04$) в отношении взрослой дочери к родителям.

Личностный рост женщины положительно связан с *уверенностью в отношениях* ($R=0,43$, $p<0,01$) с родителями и находится под обратным влиянием переживания

женщиной *вины ненависти к себе* ($B=-0,37$, $p<0,04$).

Самопринятие женщины имеет тенденцию к отрицательной связи с переживанием ею *чувства вины отделения* ($R=-0,30$, $p<0,09$) и находится под обратным влиянием переживания взрослой дочерью *чувства вины выжившего* ($B=-0,50$, $p<0,005$), *вины ненависти* ($B=-0,59$, $p<0,0006$), *вины ответственности* ($B=-0,40$, $p<0,02$), а также *погружённости в отношения* ($B=-0,47$, $p<0,009$) и *потребности в одобрении* ($B=-0,52$, $p<0,003$) в отношении к родителям.

В целом можно сказать, что приоритетное значение для психологического благополучия женщины среднего возраста среди других компонентов отношения к родителям имеет ощущение своей *свободы, независимости* от родителей – оно связано с тремя компонентами психологического благополучия. Кроме того, компоненты отношения, описывающие полюс отношения противоположный свободе – *погружённость в отношения, потребность в одобрении*, различные формы *чувства вины*, тесно связаны с пятью компонентами психологического благополучия. Чувство свободы даёт женщине возможность принимать себя со всеми своими достоинствами и недостатками, строить конструктивные отношения с другими, выбирать и реализовывать собственные жизненные цели, чувствовать себя «менеджером» собственной жизни. Между тем далеко не каждой женщине удаётся к середине жизни достичь ощущения своей автономии от родителей. Анализ материалов интервью «Мои родители» показал, что в отношении к родителям у 53% женщин наблюдаются явные признаки эмоциональной зависимости от родителей: «она для меня как воздух, самый близкий человек...мне кажется, что она вечная, не представляю как без неё», «это счастье – ухаживать за родителями», «я их частица», «родители – это всё в жизни», «она имеет право на меня», «общение с родителями создаёт постоянную стрессовую ситуацию, постоянный конфликт между чувством долга и желанием избежать нервного потрясения», «когда она переживает, нервничает, она умудряется передать этот психоз мне». Таким образом, конфликт свободы-близости-зависимости остаётся по-прежнему актуальным на данном возрастном этапе, либо обостряется ввиду новых форм отношений между женщиной и её стареющими родителями.

Наибольшему влиянию со стороны фактора отношение к родителям подвергаются

такие компоненты психологического благополучия женщины среднего возраста как *позитивные отношения с другими* и *самопринятие*. Относительно первого компонента комментарии были даны выше. Объяснить влияние отношения женщины к родителям на уровень её самопринятия, на наш взгляд, можно очень точно с помощью высказывания Е.Е. Сапоговой: «Родители до известного времени задают латентные смыслы и векторы жизни, одобряют или порицают её; это они имплицитно и есть те самые франкловские «для кого» и «для чего», ради которых выносятся любое «как» (Сапогова Е.Е., 2013, с 705).

Важное значение для психологического благополучия женщины имеет *уверенность в отношениях* с родителями (она связана с тремя компонентами психологического благополучия). Этот аспект отношения даёт женщине чувство надёжного, безопасного тыла, ощущение, что позади неё есть кто-то, кому она доверяет и кто непременно придет на помощь, если возникнут какие-то трудности. Сами женщины описывают это ощущение следующим образом (из материалов интервью «Мои родители»): «она даёт ощущение защиты, безопасности», «я счастлива, что отец живёт: ощущение, что ты кому-то нужен – светлое чувство», «мне есть куда приехать, я знаю, что меня там ждут», «благодаря маминому характеру возникает чувство уверенности, спокойствия».

Неожиданным для нас результатом стало отсутствие связей между психологическим благополучием и *чувством близости* в отношении женщины к родителям, которое занимает одно из центральных мест в структуре отношения. Близость мы понимаем как слияние, ощущение «смягчения» жизненных обстоятельств и полноты, целостности жизни в присутствии другого человека (Калитеевская Е.Р., 2002), при сохранении его восприятия как обособленного, автономного, самостоятельного субъекта. Вероятно, более значимую роль в жизни большинства женщин в период средней зрелости играют интимные, доверительные, дружеские отношения с другими близкими людьми: в первую очередь с детьми и супругом. Родителей на этом жизненном этапе взрослые дочери уже оберегают от своих личных проблем.

Важным и трудно решаемым остаётся вопрос о направлении связей между

психологическим благополучием и отношением женщины к родителям. Приобретённые в ходе жизненного пути компоненты психологического благополучия позволяют сформировать позитивное, удовлетворяющее отношение к родителям, несмотря на трудности, которые таит в себе поздняя взрослость или отношение к родителям является важным регулятором психологического благополучия женщины в период средней взрослости? Вероятно, чаще всего речь идёт о взаимовлиянии.

Представление о взаимосвязях между отношением женщины к родителям и её психологическим благополучием расширяет сравнение особенностей психологического благополучия женщин с разным *типом отношения к родителям*. С помощью контент-анализа материалов интервью «Мои родители» мы выделили четыре типа отношения женщины среднего возраста к родителям: глубокая тёплая привязанность, здоровая близость, амбивалентное отношение, дистанцированное отношение.

Статистический анализ данных типов отношения женщин к родителям показал, что эти типы имеют значимое различие по компоненту психологического благополучия *самопринятие* ($H=7,8$, при $p<0,05$) и тенденцию к различию по компоненту *позитивные отношения с окружающими* ($H=7,2$, при $p<0,06$).

Женщины с *амбивалентным типом отношения* (для данного типа отношения характерна ярко выраженную эмоциональную зависимость взрослых дочерей от родителей, отношения носят конфликтный характер, вызывают у женщин много негативных чувств; у респондентов наблюдается высокий уровень вовлечённости в отношения с родителями, радости эти отношения не приносят) склонны к снижению самопринятия ($U=26,5$, при $p<0,04$), и, на уровне тенденции, к менее *позитивным отношениям с окружающими* ($U=29,5$, при $p<0,06$) по сравнению с женщинами с другими типами отношения.

Женщины с *дистанцированным типом* отношения (данный тип характеризуется отсутствием теплоты, нежности, доверия в отношениях, их формализацией, отношения с родителями практически не вызывают у женщин эмоционального отклика; мотивация участия в жизни родителей, заботы о них формируется в основном на когнитивном уровне в отличие от предыдущих типов отношения) также склонны к снижению *самопринятия* ($U=12$, при $p<0,05$).

Вероятно, негативное отношение к себе при указанных выше типах отношения к родителям связаны с глубоким чувством вины по отношению к ним. При *амбивалентном* типе отношения чувство вины имеет осознанный характер, взрослые дочери испытывают чувство вины за негативные эмоции, переживаемые в отношении родителей (обида, раздражение, гнев, злость), за свою неспособность их сдержать: «в общении с матерью часто появляется чувство обиды и раздражения, которые не всегда удаётся сдержать, в итоге чувство вины», «нервов конечно не хватает, иногда выговариваю – она злится, а потом думаешь надо было так сказать и так сказать, и всё было бы нормально». При дистанцированном типе отношения чувство вины, вероятно, находится в глубоких слоях бессознательного и связано с ранним этапом отношений, когда ребёнок принимает на себя ответственность за холодное, отстранённое отношение родителей, начинает считать это отношение правильным, а себя «плохим»: «она всегда видела во мне батьку, которого ненавидела», «она меня родила, чтобы было кому о ней заботиться в старости».

В целом, с нашей точки зрения, тип отношения взрослой женщины к родителям во многом зависит от типа любви, которую «дарят» ей родители в течение всей её жизни. Если при глубокой привязанности к родителям это безусловная любовь со стороны родителей, при здоровой близости – гармоничное сочетание безусловной и условной любви, то при амбивалентном типе отношения – это условная любовь, при дистанцированном отношении – любви по отношению к ребёнку, по всей видимости, просто нет. Возможно, по этой причине у женщин с амбивалентным типом отношения есть тенденция к снижению способности культивировать близкие отношения с другими людьми: внутреннее психологическое пространство этих взрослых дочерей слишком занято стремлением заслужить заботу, уважение, нежность со стороны своих родителей. При дистанцированном типе отношения женщина, напротив, стремится компенсировать отсутствие любви родителей в других близких отношениях и максимально ценностно относится к собственной семье: детям и супругу, вкладывает в эти отношения все свои ресурсы.

В ходе исследования мы учитывали *интенсивность участия женщины в жизни родителей*. По этому критерию выборку можно разделить на три группы. Первая группа

женщин оценивает интенсивность своего участия как высокую (постоянный уход за практически беспомощными родителями), вторая группа женщин – как среднюю (регулярное посещение родителей с целью оказания помощи по дому), третья группа – как низкую (посещение родителей как форма проведения досуга, участие в жизни родителей через моральную поддержку). Женщины третьей группы в меньшей степени чувствуют свой *личностный рост* ($U=27,5$, при $p<0,04$) и имеют тенденцию к снижению *самопринятия* ($U=31,5$, при $p<0,08$). По мере старения прародителей между ними и их дочерью происходит *смена ролей*. Смена ролей означает, что теперь женщина ответственна за физическое и психологическое благополучие своих родителей, как когда-то те отвечали за неё, в психологическом смысле она становится матерью для своих родителей: «иногда уже чувствую своё главенство», «на них главное не кричать – они как дети», «она – мой ребёнок, если заболит, то бежит ко мне», «сейчас уже возможно мы ей сильнее нужны», «мы чувствуем себя уже над родителями, они как маленькие дети». В первую очередь, эти изменения активизируются ухудшением здоровья пожилых родителей. Вероятно, в этих изменениях, несмотря на физическое и психологическое напряжение, кроются возможности для личностного роста женщины, которая получает возможность занять истинно взрослую, зрелую позицию. Эта новая позиция приносит женщине чувство глубокого удовлетворения, повышает её самоуважение.

Кроме того, мы учитывали такой фактор как *интенсивность участия женщины в жизни детей*. По этому критерию выборку также можно разделить на три группы. Первая группа женщин оценивает интенсивность своего участия как высокую (оказываю постоянную материальную, моральную и физическую помощь), вторая группа женщин – как среднюю (время от времени оказываю материальную помощь и моральную поддержку), третья группа – как низкую (участие в жизни ребёнка носит в основном характер моральной поддержки). Женщины первой группы склонны выше оценивать себя по компонентам *позитивные отношения с окружающими* ($U=33$, $p<0,001$), *управление средой* ($U=40$, $p<0,004$), *личностный рост* ($U=53$, $p<0,02$), *цели в жизни* ($U=57,5$, $p<0,04$), на уровне тенденции по компонентам *автономия* ($U=65,5$, $p<0,09$) и *самопринятие* ($U=64,5$, $p<0,08$). То есть женщины, которые активно заботятся о своих

детях, опережают в психологическом благополучии другие группы женщин по всем параметрам. Данный результат был достаточно предсказуем: в гуманистической психологии (А. Маслоу, К.Роджерс, Р.Мэй), психоанализе (Э.Фромм, Э. Эриксон), гештальт-психологии (Ф. Перлз, Э. Шостром) забота личности о других, особенно в период средней взрослости, понимается как необходимое условие ее самоосуществления, самореализации. Э. Фромм рассматривает в качестве самой важной потребности человека потребность быть творцом, преодолеть пассивную роль сотворенного (человека не спрашивают, где, как он хочет жить и родиться и хочет ли вообще). Среди множества способов удовлетворить эту потребность (создание вещей и мыслей) самый простой и естественный – любовь, а, значит, и забота о своем создании (собственное дело, работа; другой человек, которому отдают «часть себя» в виде знаний, опыта и т.д.). «Быть», по Э. Фромму, это прежде всего «отдавать». Отдающий свою любовь, заботу другим переживает огромную силу и могущество, что дает человеку «ощущение жизни» (Фромм Э., 1998). Для большинства женщин, особенно в русской культуре, «своё главное создание» – собственный ребёнок.

Отношения с супругом мы учитывали, сравнивая особенности психологического благополучия женщин, имеющих супруга и не имеющих его. Было выявлено, что женщины, имеющие супруга, склонны к более высокому *самопринятию* ($U=99, 5, p<0,06$) по сравнению с женщинами, которые его не имеют. Вероятно, это связано с тем, что сохранение супружеских отношений в этот период жизни воспринимается женщиной как важное личное достижение, имеющее большую ценность в глазах социального окружения.

В целом эти результаты (учёт факторов интенсивности участия женщин в жизни родителей и детей и семейного положения) дают некоторое представление о «рейтинге» близких отношений в жизни женщины среднего возраста.

Таким образом, отношение к родителям является значимым фактором психологического благополучия женщины среднего возраста. Наибольшее значение для психологического благополучия взрослой дочери имеют такие компоненты отношения к родителям как ощущение *свободы, независимости от них* и при этом *уверенность в отношениях* с ними. Наибольшему влиянию со стороны фактора отношение к родителям

подвергаются такие компоненты психологического благополучия женщины как *позитивные отношения с другими* и *самопринятие*. Однозначно значимым отношением для психологического благополучия женщины среднего возраста является её отношение к детям, значимость отношения к супругу и к родителям, по всей видимости, варьирует в зависимости от жизненной ситуации женщины и личной истории отношений.

Продолжением данного исследования будет изучение возрастной специфики взаимосвязей между отношением женщины среднего возраста к своим родителям и её психологическим благополучием, изучение влияния смерти родителей (феномена «взрослого сиротства») на психологическое благополучие женщины среднего возраста.

Список литературы

1. Иригарей Л. «Этика полового различия» - М.: Художественный журнал. 2005. 182 с.
2. Калитиевская Е.Р. Феноменология близости. Сайт Российского гештальт-сообщества. 2010. URL: <http://www.gestalt.ru> (дата обращения: 22.04.2014 г)
3. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер. 2000. 928 с.
4. Психология человека от рождения до смерти. Под общей редакцией А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак. 2002. 620 с.
5. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Изд-во Смысл. 2013. 767 с.
6. Уорден М. Семейная психотерапия. СПб.: Прайм-Еврознак. 2007. 309 с.
7. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. - М.: АСТ, ЛТД, 1998. – 664 с.
8. Шнейдер, Л.Б. Семейная психология: оглядываясь вперёд/ Л.Б. Шнейдер. – СПб.: Питер, 2013. – 368 с.
9. Peterson C., Seligman M.E.P. (Eds.) Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification. N.Y.: Oxford University Press, 2004.
10. Ryff C., Keyes C. The Structure of Psychological Well-Being Revisited //Journal of Personality and Social Psychology, 1995, Vol. 69, No. 4,719-727.

11. Seligman M.E.P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. N.Y.: Free Press, 2002.

Формирование психологической культуры родителей

Ермаченко Н.А.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»,

г. Екатеринбург, Россия

nfi89@mail.ru

Анализ психологических и педагогических работ показал, что формирование психологической культуры родителей является малоизученной проблемой. Это подтверждается малочисленностью исследований, направленных на изучение сущности, закономерности, механизмов, критериев и уровней развития психологической культуры.

Исследование психологической культуры родителей, представляет большую значимость для педагогической и психологической науки. От развития психологической культуры зависит не только формирование психологического склада личности, но и успешность формирования личности ребенка и родителей. Таким образом, проблема формирования психологической культуры родителей выступает как одна из наиболее значимых в настоящее время, так как от уровня сформированности психологической культуры родителей во многом зависит результативность семейного воспитания.

Во многих психолого-педагогических источниках предоставляются различные определения психологической культуры. В одних источниках психологическая культура определяется как интегративное качество личности, включающее в себя множество компонентов: психологическая эрудиция, педагогические способности, современное педагогическое мышление. В других источниках психологическая культура

рассматривается исходя из факторов её формирования, профессиональной компетенции как педагогического феномена.

Обзор исследований позволил сделать вывод о том, что психологическая культура - это комплексное образование, позволяющее адекватно понимать себя и других, устанавливать оптимальные взаимоотношения с людьми на основе гуманистических ценностей, находить эффективные способы решения проблемных ситуаций, а также управлять собственным поведением. Обобщая точки зрения разных авторов к определению понятия, приходим к выводу о том, что психологическая культура - это целостная характеристика личности, которая проявляется в жизнедеятельности и способствует саморазвитию и самореализации человека (Л.С. Колмогорова, Н.Ю. Певзнер).

Сегодня все чаще встречаются попытки исследования изучения особенностей, условий, функций психологической культуры на уровне субъектов образовательного процесса, влияние на педагогическое взаимодействие и образовательную среду (В.В. Семикин), так же рассматриваются особенности формирования психологической культуры в системе образования детей (А.В. Егорова, М.В. Попова и др.) и т.п.

Определяя понятие психологической культуры личности, выделяют уровни развития психологической культуры. Сравнительный анализ уровней психологической культуры личности таких авторов, как Семикина В.В., Моткова О.И., Колмогоровой Л.С. показал, что низкий уровень, показывает как некий минимум, которым должен обладать человек. Средний уровень характеризуется, как достаточно хорошая саморегуляция действий и эмоций, обеспечение хорошей регуляции поведения, взаимоотношений. Также авторами выделен высокий уровень - как вершина совершенства личности, наиболее предпочтительный вариант. Псевдовысокий уровень представлен только в работах Моткова О.И., он разработал оригинальную методику и постарался максимально отразить в ней все уровни психологической культуры личности.

Необходимо отметить, недостаточное количество эмпирических исследований в области психологической культуры родителей, в частности, её роли в семейном воспитании. Нужно констатировать одностороннюю направленность изучения данной проблемы, отсутствует содержание, структура психологической культуры родителей.

Малоизученными не определенными на сегодняшний день являются критерии и уровни формирования психологической культуры родителей.

В настоящее время возрастает значение семьи, как важнейшего социального института общества, кардинальные изменения в социальной политике государства и модернизации ведущих концептуальных положений в области образовательной политики, открыли особую значимость семьи. В законе «Об образовании» (ст.18) указано, что родители являются первыми педагогами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка в раннем детском возрасте.

Анализ современной семьи говорит нам о том, что часто родители не реализуют основные задачи семейного воспитания. Воспитание детей родители основывают на собственном опыте, и при этом не задумываются над последствиями, и не отмечают недостаточность знаний в области педагогике и психологии. В семьях отсутствует благоприятный психологический климат для развития личности ребенка, что может привести к обострению различных социальных проблем.

Многие социальные проблемы общества, которые возникают в процессе воспитания и развития детей, чаще всего являются проявлением воспитания детей родителями с низким уровнем психологической культуры. Несмотря на повышенный интерес исследователей к проблемам семьи, с нашей точки зрения, достаточно мало уделяется внимания изучению формирования психологической культуры родителей.

Нужно заметить, что в настоящее время психологическая культура родителей не выступала предметом психологического исследования, но для эффективного психолого-педагогического сопровождения родителей, с целью активизации и развития потенциала родителей, психологическая практика нуждается в теоретическом обосновании формирования психологической культуры родителей, результатом которого является успешное родительство в рамках семейного образования.

Мы определили, что психологическая культура личности преобразуется в психологическую культуру родителя, так как психологическая культура является формой общей культуры, в процессе развития и становления личности при решении профессиональных, личностных, жизненных, родительских и др. задач.

В отечественной и зарубежной психологии ведутся исследования по проблемам психологии семьи, детско-родительских отношениях и т.п. (А. Адлер, А.Я. Варга, Н.Н. Васягина, Р.В. Овчарова, А.С. Спиваковская и др.). В психологии надежно определено, что на развитие личности ребенка оказывает огромное влияние детско-родительские отношения.

Необходимо отметить недостаточное количество эмпирических исследований в области психологической культуры родителей, нужно констатировать одностороннюю направленность изучения данной проблемы, отсутствует содержание, структура психологической культуры родителей. Малоизученными и не определенными на сегодняшний день являются критерии и уровни формирования психологической культуры родителей.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, проблему формирования психологической культуры родителей можно считать актуальной, так как научные исследования фрагментарны, не отражают системного видения этой проблемы в современных условиях.

Список литературы

1. Васягина, Н.Н. Субъективное становление матери в современном социокультурном пространстве России [текст] : монография / Н.Н. Васягина; Урал.гос.пед.ун-т.- Екатеринбург, 2013. – 309с.
2. Колмогорова, Л.С. Диагностика психологической культуры школьников [текст]: практ. пос. для шк. психологов / Л.С. Колмогорова - М.: ВЛАДОС. 2002.-360с.
3. Мотков, О.И. Психология самосознания личности: практическое пособие [текст] / О.И. Мотков. - М., 1993. - 145 с.
4. Певзнер, Н.Ю. Психологическая культура педагога и эффективность профессиональной деятельности [текст] : автореф. дис. канд. психол. наук / Н.Ю. Певзнер. - Казань, 2007. - 24 с.
5. Семикин, В.В. Психологическая культура в образовании человека [текст] /В.В. Семикин. - С.-Петербург, 2002. - 173 с.

Психолого-педагогическая характеристика родителя как субъекта семейного образования

Зайцева О.В.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

г. Екатеринбург, Россия

Zaiceva08@bk.ru

Аннотация: В тезисах представлена психолого-педагогическая характеристика родителя как субъекта семейного образования. Указано что ведущими личностными качествами родителей реализующих семейную форму образования, являются субъектная позиция, развитое самосознание, высокий уровень саморегуляции, приоритет ценности образования.

Ключевые слова: семейное образование, субъект образования, самосознание родителя.

Семейное образование, в настоящее время является одной из наиболее востребованных альтернативных форм получения образования во всем мире. Под семейным образованием, понимается – форма организации целенаправленного процесса получения образования в семье, осуществляемая родителями в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами, с периодической аттестацией по результатам обучения (Федеральный закон «Об образовании» 2013). К наиболее востребованным формам реализации семейного образования следует относить: семейный детский сад (как структурное подразделение муниципального ДОУ), организованный родителем индивидуальный воспитательно-образовательный процесс, индивидуальные домашние занятия (с участием репетиторов, гувернеров). Семейное образование вместе с тем, не исключает сочетание различных вариантов организации образовательного процесса, путем посещения ребенком групп неполного дня, а также групп развития, как в муниципальных организациях, так и в различных детских центрах

развития, и индивидуального обучения дома родителями. Наибольший интерес представляет семейная форма образования, подразумевающая исполнение роли педагога - родителем.

Необходимо отметить, что, на современном этапе развития отечественной системы образования, все большее число родителей отдает предпочтение форме семейного образования детей дошкольного возраста, что, традиционно объясняется следующими причинами: недостаточностью мест в дошкольных образовательных учреждениях; повышением критичности и требовательности родителей к качеству и результатам образовательного процесса, а также квалификации педагогических кадров, ростом числа родителей, обладающих готовностью самостоятельно строить образовательный маршрут своего ребенка, в виду обладания достаточным уровнем психолого-педагогической грамотности (Социология дошкольного детства 2013).

Вместе с тем, указанные причины не раскрывают в полной мере субъектную позицию современных родителей, что на наш взгляд в первую очередь обуславливает выбор семейной формы образования.

Как субъект воспитательно-образовательного процесса, родители, вне зависимости от формы и ступени образования, на которой находится ребенок, выполняют особую роль, ввиду приоритетности семьи как социального института. Вместе с тем при выборе семейной формы образования, родитель становится носителем двух субъектных социально-деятельностных позиций: родителя и педагога. Субъектное становление родителя, как педагога, реализуется за счет личностной и деятельностной самореализации, находящей отражение в виде преобразовательной активности направленной на ребенка, в ходе воспитательной деятельности (Васягина, Н.Н. 2013, Дружинин, В.Н. 2008, Карабанова, О.А. 2003).

Семейное воспитание, понимается как, сложившаяся в условиях семьи система образования и воспитания, подразумевающая целенаправленное воздействие на ребенка.

Таким образом, в каждой семье формируется собственная субъективная воспитательная система, апробация которой реализуется ежедневно, путем применения методов и средств воздействия взрослым на ребенка, с определенной целью.

Воспитательная деятельность родителей, в контексте семейного образования, направлена на решение традиционных задач:

1. Воспитательные задачи, ориентированные на формирование основ нравственных установок, позиций, характера, дисциплины, соблюдения общественных норм;

2. Образовательно-воспитательные задачи, формирующие чувство уважения к членам семьи, представителям противоположного пола, а также умения и навыки организации семейного быта;

3. Личностно-развивающие задачи, определяющие создание условий для физического, нравственного, интеллектуального развития ребенка.

Реализующаяся в целостной воспитательной системе деятельность родителя, как педагога, ориентирована на целенаправленное содействие становлению и развитию личности ребенка.

Необходимо отметить, что родители, осознанно выбирающие форму семейного образования, как правило, обладают набором специфических особенностей, что собственно обуславливает выбор ими данной формы. Далее обратимся к рассмотрению данных особенностей:

1. Субъектная родительская позиция. Субъектная позиция родителя, на практике, в контексте семейного образования, предполагает активную позицию родителя в отношении образования ребенка, готовность принимать на себя ответственность не только за воспитательный, но и образовательный процесс, и результат, а также ориентацию на эффективное планирование форм образовательного и родительского взаимодействия с ребенком (Овчарова, Р.В. 2006).

2. Развитое самосознание родителя. Родительство, выступает для личности, уникальной ситуацией развития самосознания. Под самосознанием родителя понимается, осознание родителем себя субъектом системы психологических отношений, в структуре которого выделяются компоненты субъекта деятельности и уровни отношений: социально-обусловленные отношения и психологические отношения (потребности, эмоциональное отношение, когнитивное отношение и отношение к самому себе – самоотношение). Самореализация человека в родительской роли

способствует формированию когнитивного и эмоционально-ценностного отношения к себе как к родителю (Рыбакова, Е.Н. 2007). В условиях реализации родителем семейной формы образования, основные компоненты самосознания становятся более дифференцированными благодаря выделению вполне независимой от успешности в профессиональной деятельности родительской роли.

В структуре самосознания каждого родителя сохраняется опыт его воспитания, приемы воздействия (вербального и невербального) со стороны своего родителя, которые могут быть воспроизведены в практике воспитания и обучения своих детей. Условия семейного образования позволяют родителю переосмыслить с родительской позиции собственный учебный опыт, что в том числе является одним из условий содержательной наполненности родительского отношения, и как следствие способствует интеграции родителя и ребенка в семейном образовательном процессе.

3. Осознанное родительство, как интегральное психологическое образование личности родителя, представляющее собой систему взаимодействия ценностных ориентаций, родительских установок, чувств, отношений, позиций и родительской ответственности (Ермихина, М.О. 2004, Овчарова, Р.В. 2006, Смирнова Е.Г. 2009). В условиях семейного образования реализуется в виде избирательной позицией родителя в отношении выбора им здоровьесберегающих, коммуникативных, воспитательных, образовательных тактик.

4. Приоритет ценности качественного образования в ценностно-смысловой структуре личности родителя (Абрамова А.А. 2009). Родитель осознает значение образования для личностного развития ребенка, и готов самостоятельно строить индивидуальную образовательную траекторию своего ребенка, с учетом современных технологий, исходя из значимых идеалов и ценностей не только семьи, но и современного общества.

5. Высокий уровень саморегуляции поведения и деятельности у родителя. Наиболее значимым аспектом в семейном образовании, является развитие способности к самостоятельной регуляции ребенком своего поведения и деятельности (Смирнова, Е.О. 1998). Что объясняется не только требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов, но и значением саморегуляции для успешного выполнения

учебной деятельности. Ввиду того, что основу многих трудностей в учебной деятельности составляет неспособность к саморегуляции деятельности. Следовательно, одной из важнейших задач родителей, в контексте образовательных стандартов, становится обучение детей ставить цели своей деятельности, добиваться их достижения, оценивать результат. Необходимо отметить, что эффективная организация образовательного процесса в домашних условиях, возможна только в случае, если родитель обладает достаточным уровнем саморегуляции и самоорганизации

Резюмируя, можно отметить, что ключевыми личностными качествами родителей реализующих семейную форму образования, выступают субъектная позиция, развитое самосознание, высокий уровень саморегуляции, значение ценности образования.

Таким образом, организация семейной формы образования позволяет родителю реализовать себя как субъекта детско-родительских отношений, так и субъекта образовательных отношений, что тем самым обеспечивает двусторонний процесс развития и социализации, как ребенка, так и родителя.

Список литературы

1. Абрамова А.А. Стратегии развития культуры родительства на пороге третьего тысячелетия: поиск оптимального подхода// Культура на рубеже эпох: Сборник научных трудов. Вып.2 – М.: МГГУ им. Шолохова, 2007.
2. Васягина, Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России: монография. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 309 с.
3. Дружинин В.Н. Психология семьи // . – СПб : Питер, 2008. – 176 с.
3. Ермихина М.О. Формирование осознанного родительства: автореф. дисс. канд. психол. наук.- Казань 2004. URL:: <http://osp.kgsu.ru/ermix.htm>
4. Карабанова, О. А. Цели и задачи коррекции детско-родительских отношений // Психологические проблемы современной российской семьи : материалы Всерос. науч. конф., 14-16 окт. 2003 г. – М., 2003. – Ч. 2. – С. 144-151.
5. Овчарова Р.В. Психология родительства – М.: Академия, 2005. – 362 с.

6. Рыбакова Е.Н. Структурный анализ самосознания матери: автореф. дисс. канд. психол. наук.- СПб. 2007. URL:: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-strukturnaya-organizatsiya-samosoznaniya-materi>
7. Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И., Верясова Е.С. Социология дошкольного детства // Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И., Верясова Е.С. / Труды по социологии образования. Т. XXIX.-М.: Институт социологии образования РАО, 2013.-167 с.
8. Смирнова Е.О. Развитие воли и произвольности в раннем и дошкольном возрастах. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 1998. -256 с.
9. Смирнова Е.Г. Психолого-педагогическое сопровождение формирования осознанного родительства в молодой семье: автореф. дисс. канд. психол. наук.-Екатеринбург 2009. URL:: <http://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-formirovaniya-osoznannogo-roditelstva-v-molodoi-s-0>
10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Новосибирск: Норматика, 2013. - 128 с.

Связь семейных мифов и иррациональных установок личности

Клименко Е.А., Молчанов С.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Факультет психологии, Москва, Россия

apsyoma@gmail.com, s-molch2001@mail.ru

Ситуация конструктивного взаимодействия супругов в семье, гармоничного в ней существования, осознание потребностей каждой из личности супругов и их реализация внутри семейной системы в настоящее время отмечается многими авторами (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В., Алешина Ю.Е., Варга А.Я., Карабанова О.А. и др.) как требующая повышенного внимания. Общественный интерес к разрешению семейных проблем, основан на необходимости привлечения внимания к сложным

внутрисемейным феноменам, которые влияют на состояние как семьи в целом, так и на психологическое благополучие отдельных ее членов. Таким образом, жизнь в супружеских союзах стала приобретать характер большей обращенности к личности самих ее членов. Снизилась роль внешних факторов в обеспечении устойчивости брака и, соответственно, возросло значение внутреннего содержания и характера взаимодействия.

Изучение "семейных мифов" началось с практики (прежде всего, психоаналитической). Мифы рассматривались как отражающие нарушения функционирования семьи представления членов семьи друг о друге, о себе и семейной системе в целом. Фактически, это - несогласованные между супругами представления. По степени рассогласованности можно сделать предположение о наличии искажений во всех сферах жизни семьи. И только после изучения патологии, то есть, искаженных представлений, начались массовые исследования "нормы" - "семейного самосознания".

Мифами могут быть семейные представления, называемые разными авторами по-разному: «наивные представления» «ситуационные сценарии», «каузальная атрибуция», семейные мифы. Эти представления можно зафиксировать, как систему утверждений; при этом каждое утверждение в той или иной мере содержит следующие черты: долженствование (предписание), сверхобобщение и избирательность восприятия. Предписание отражается в том, что утверждение содержит указание на некую норму и выражается в слове «должен». Сверхобобщение заключается в том, что отсутствует учет условий той или иной ситуации и естественно не учитываются ни индивидуальные различия, ни какая-либо иная вариативность. Избирательность восприятия или селективность выражается в том, что отдельная деталь, событие или поступок возводится в ранг постоянного, устойчивого, необходимого, а другая информация при этом игнорируется. Также характерной чертой селективности является однозначность суждения. Примером мифа достижения супружеского счастья может быть следующий постулат: "Супруги должны быть едины во всех вопросах и иметь общий взгляд на все жизненные ситуации". В реальности же, именно различие во взглядах обеспечивает более широкий выбор возможных решений и приводит к наиболее конструктивному разрешению проблемных ситуаций [4]. Семейные мифы имеют две основные цели: 1)

закамуфлировать те конфликты и неудовлетворенные потребности, которые имеются у членов семьи, и согласовать их идеализированное представление друг о друге; 2) сохранить целостность и единство семьи.

Таким образом, под "семейными мифами" многие исследователи понимают определенное неосознаваемое взаимное соглашение между членами семьи, функция которого состоит в том, чтобы скрывать от осознания отвергаемые образы (представления) семьи в целом и каждого ее члена в отдельности [1].

В настоящее время «семейные мифы» исследуются с применением клинического и экспериментально-психологического методов в рамках психоаналитического понимания защитных механизмов, теории ролевого взаимодействия, когнитивной психологии и когнитивно-поведенческой психотерапии. Что касается содержания немногочисленных исследований семейных мифов, то можно выделить следующие направления: 1) трансляция семейных мифов от поколения к поколению; 2) роль детско-родительских отношений в формировании семейных мифов; 3) влияние неких внешних факторов, таких как национальность, пол, возраст, проживание в мегаполисе или небольшом поселении и т.д. на особенности семейных мифов.

Наше же исследование было посвящено проверке наличия связи искаженных представлений о семье, содержательно выраженных в форме семейных мифов, с иррациональными установками личности. Мы считаем закономерной гипотезу о наличии такой связи, так как индивидуальные базисные схемы ("своеобразные жестко закрепленные соответствия по типу «стимул-реакция», представляющие собой глубинные мировоззренческие установки человека по отношению к самому себе и окружающему миру и влияющие на его восприятие окружающей действительности и отнесение всего наблюдаемого к различным категориям" [3]) каждого из супругов в семье могут быть адаптивными и неадаптивными, позитивными или негативными, уникальными или универсальными. Поскольку эти схемы связаны с личным опытом каждого из супругов - более длительным, нежели стаж супружества в молодых семьях - для подобных схем существуют тенденции к многократному повторению, превращая в устойчивые стереотипы все модели реагирования, сценарии поведения. И мы считаем, что эти схемы могут накладывать отпечаток на выраженность согласованных

представлений о семье, в том числе и в форме семейных мифов.

В исследовании приняли участие 52 респондента (30 женщин и 22 мужчины, средний возраст - 36 лет). 36 из них на момент исследования состояли в браке (средний стаж супружества - 5 лет). Выраженность семейных мифов у респондентов определялась при помощи методики А.А. Нестеровой "Анализ семейного мифа" [2]. Рассматривались следующие аспекты: 1) миф о вечной любви и неразделимости членов семьи; 2) миф о волшебной силе любви; 3) миф об абсолютизации семейных ситуаций; 4) миф о злых силах, атакующих семью; 5) миф о необходимости жертвовать ради семьи и ее членов; 6) миф о постоянстве семейного благополучия; 7) общая мифологизация (большие оценки по шкалам отражают большую выраженность мифов). При помощи методики "Диагностика наличия и выраженности иррациональных установок" А.Эллиса для каждого участника исследования были получены оценки для следующих шкал (установок): 1) катастрофизация; 2) долженствование в отношении себя; 3) долженствование в отношении других; 4) оценочные суждения и рациональность мышления; 5) фрустрационная толерантность (меньшие баллы говорят о большей выраженности установок). В ходе анализа полученных результатов, мы убедились, что оценки по шкалам методики «Анализ семейного мифа» связаны хоть и не сильными, но статистически значимыми обратными связями с оценками по шкалам теста иррациональных установок (значение коэффициента Спирмена в интервале от -0,250 до -0,537, $p < 0,05$). При этом «абсолютизация семейных ситуаций» связана с четырьмя шкалами иррациональных установок, «необходимость жертвы ради семьи» - с тремя, «волшебная сила любви» - с двумя, «о злых силах, атакующих семью» - с одной шкалой. Нами были получены и некоторые гендерные различия: так у женщин выраженность мифа о необходимости жертвы ради семьи связана с выраженностью "долженствования в отношении других" ($k = -0,0536$, $p < 0,05$), а у мужчин - с "долженствованием в отношении себя" ($k = -0,400$, $p < 0,05$), что свидетельствует о наличии определенных взаимных ожиданий в отношении партнера по браку, приводящих, возможно, к формированию семейного мифа.

Таким образом, гипотеза о связи между выраженностью иррациональных установок личности и выраженностью семейных мифов нашла свое эмпирическое

подтверждение. То, что семейные мифы, содержательно являясь искаженными представлениями о семье в противовес семейному самосознанию, иррациональны по своей природе, подтверждается связью семейных мифов с наличием у супругов иррациональных установок. Когда согласованный образ семьи обусловлен иррациональными представлениями и соответствующими им эмоциональными реакциями, неадекватными ситуации, может иметь место тот или иной семейный миф.

Список литературы

1. Мишина Т.М. Семейная психотерапия и динамика «образа семьи» // Психология и психопрофилактика: Сб. науч. тр. /Под ред. В. К. Мягер, В.П. Козлова, Н.В. Семеновой-Тянь-Шанской. - Л., 1983, 21-26.
2. Нестерова А.А. Проблема изучения семейного мифа. // Аспирантский сборник № 1 (12) - М.: Изд-во МГСУ, 2003.
3. Соколова Е.Т. Психотерапия Теория и практика. – М.: Академия, 2010.
4. Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. - СПб.: Питер, 2009.

Паттерны привязанности в поколении семьи: межпоколенческая передача

Куфтяк Е.В.

ФГБОУ ВПО Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова,

Кострома, Россия

E-mail: kuftyak@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов связи поколений и межпоколенной передачи паттернов привязанности и взаимодействия. Представлены результаты изучения межпоколенной передачи паттернов привязанности. В исследовании приняли участие три поколения женщин в рамках одной семьи. Обнаружено, что заботливый

тип сохраняет тенденцию к доминированию среди женщин, и даже к росту его преобладания во взаимодействии от старшего поколения к младшему. Показана преемственность через три поколения женщин одной семьи для надежной (тип А) и тревожно-противоречивой (тип В) привязанности.

Ключевые слова: привязанность, поколение, межпоколенческая передача, преемственность.

Проблема развития эмоциональной связи ребенка с матерью неотделима от большинства направлений психологической науки. В исследованиях познавательного и эмоционального развития, психического здоровья, психологического благополучия и социальной адаптации встает вопрос о роли качества заботы, которое мать предоставляет ребенку в раннем детстве. Исследуя психическое состояние родителей и бездомных детей Дж. Боулби приходит к разработке теории привязанности, реализующей концептуальное представление о человеческом поведении в близких отношениях с другими. Теория привязанности является общей теорией социального и эмоционального развития, а также одной из наиболее успешных комплексных психологических концепций. Термин «привязанность» определяет сильную потребность в контакте с определенными людьми, стремление к близости со значимыми лицами, кроме того, это продолжительная, сравнительно устойчивая особенность проявления привязанности. Испытываемое взаимодействие с объектом привязанности откладывается в памяти в качестве внутренних рабочих моделей. По мнению Дж. Боулби, формирование внутренних рабочих моделей обусловлено в основном реальным проявлением заботы матери или другого лица, осуществляющего уход за ребенком (Боулби Дж., 2003). Вслед за Дж. Боулби М. Эйнсворт систематизировала и выстроила типы привязанности с учетом индивидуальных различий в качестве привязанности: В – безопасный паттерн, А – паттерн привязанности избегающего вида, С – паттерн привязанности тревожно-сопротивляющегося вида, и тип, добавленный позднее М. Мэйн, D – дезорганизованный. Искаженные внутренние модели и типы

привязанности могут иметь серьезное значение в развитии нарушений психологического здоровья и психической патологии.

Многими исследователями отмечается, что важные социальные взаимодействия с объектом привязанности усваиваются и сохраняются в виде схем в системе ассоциативной памяти (Hařto J., 2006; Shaver PhR., Mikulincer M., 2009). Сохранившиеся представления об опыте привязанности в раннем детстве продолжает оказывать влияние на поведение привязанности и развитие межличностных отношений на протяжении жизни человека. Сформированные внутренние модели, как правило, остаются неизменными и влияют на формирование новых отношений. По данным Фрейли, надежная привязанность является умеренно стабильной в возрасте от 1 до 19 лет (Fraley S., 2002). В работе Е.В. Пупыревой выявлено, что большинство детей младшего школьного возраста демонстрирует в контактах со сверстниками присущий им тип привязанности (Пупырева Е.В., 2007). Аллен считает, что в подростковом возрасте происходит основное изменение, связанное с развитием, когда независимые модели специфических отношений, складываются в общую модель отношений привязанности, формирующей отношения с новыми людьми. На этой основе зарождается новый атрибут личности, очерченный сознательными и бессознательными правилами, которые регулируют индивидуальное влияние и поведение, либо ограничивают, либо обеспечивают доступ к информации. Так, привязанность продолжает быть связью конкретных отношений, но и становится общей моделью себя и других. Поэтому в межличностных отношениях взрослых людей, также можно увидеть характерные черты первичной привязанности. Исследование Т.В. Казанцевой показало, что тип первичной привязанности выявленный у молодых людей воспроизводится в различных близких отношениях (в частности, с матерью, другом и подругой), при этом отношения с матерью являются в этой цепи центральным, определяющим, звеном (Куницына В.Н., Казанцева Т.В., 2009). Исследование П. Шейвера и М. Микулинцера (2002), убедительно показало влияние типов привязанности на фундаментальные характеристики эмоционально-личностной сферы взрослых людей. Важным результатом данного исследования являются данные, свидетельствующие о тенденции к эмоциональной

гиперактивации в случае амбивалентной привязанности и склонность к эмоциональной гипоактивации при избегающем типе привязанности.

К проблеме развития привязанности существует два основных подхода. С точки зрения классического представления о привязанности следует отметить следующие положения: 1) паттерны привязанности, наблюдаемые в раннем детстве, присутствуют на более поздних стадиях развития, но имеют свойственные соответствующему возрасту проявления; 2) паттерн привязанности не изменяется. Подход с точки зрения динамического созревания допускает: 1) замену одного паттерна на другой; 2) изменение в наборе возможных стратегий; 3) переход от простых субстратегий к более сложным и усовершенствованным субстратегиям в рамках доминирующей модели.

Рассмотрение вопроса межпоколенческой передачи типов привязанности в поколениях семьи в зарубежной литературе является редкостью. Большинство исследований межпоколенной передачи привязанности проводились в рамках эволюционного подхода, редко выходя за рамки младенческих связей и ограниченное ближайшим окружением (мать). Троммсдорфф обращает внимание, что на процесс, направление и результат межпоколенной передачи влияют люди, участвующие в процессе, специфика их отношений, передаваемые ими задачи и проблемы, а также культурный контекст, в котором происходит передача. Результат процесса передачи может быть охарактеризован с позиции последовательности, т.е. межпоколенной согласованности (абсолютной передачи) или избирательности (относительной передачи) результата передачи. Абсолютная передача означает, что оба поколения имеют один уровень ценностей, т.е. содержание паттернов схожи. Относительная передача указывает на осуждение одним поколением идей другого, но в диадах отмечается согласованность, что демонстрирует положительную взаимосвязь между поколениями. Относительная передача позволяет описать процесс межпоколенческой передачи исходя из отношений, которые связывают одно поколение с другим.

В исследовании Хаутамяки продемонстрирована значимость роли бабушки в передаче типа привязанности (Hautamäki A., Hautamäki L. et al., 2010). Исследование показало, что в возрасте от года до трех лет прогнозируемое качество привязанности ребенка и его соответствие типу привязанности матери снижается, в то время как с

бабушкой возрастает. Так, связь между внуками и бабушками более значимы, нежели связь между соседними поколения (мать – ребенок).

Нами также было осуществлено исследование взаимосвязи качества привязанности близких взрослых (матери, бабушки) и привязанности ребенка к матери (Куфтяк Е.В., 2015). В нашей работе были проанализированы, во-первых, качество привязанности ребенка к матери в соответствии с «рабочими моделями привязанности» матери и бабушки, во-вторых, связь качества привязанности ребенка с показателями тревожности и избегания близости в отношениях близких взрослых. В исследовании приняли участие 30 триад «ребенок дошкольного возраста – мама – бабушка». Полученные данные свидетельствуют о том, что преемственность безопасного типа привязанности в трех поколениях семьи более стабильна, по сравнению с небезопасным. Интересным представляется результат о том, что демонстрация взрослыми (матерью, бабушкой) уверенности в надежности отношений близости способствуют формированию у ребенка доминанты, связанной с проявлением чуткости в поведении.

В настоящей статье представим результаты исследования межпоколенной передачи паттернов привязанности в трех поколениях женщин, принадлежащих к одной семье. Общий объем выборки составил 31 семью, 93 человека. Выборку составили женщины: старшего поколения (бабушки), год рождения –1936 – 1951 (средний возраст $M = 68,9$), пенсионерки, неработающие; среднего поколения (матери) – 1964 – 1974 годов (средний возраст $M = 43,7$), работающие. Представительницы младшего поколения (дочери) – 1988 – 1996 годов рождения (средний возраст $M = 20,5$), в основном студенты.

В процессе проведения полуструктурированного интервью в группе старшего поколения было установлено, что более половины женщин (51,7 %) в детстве пережили войну, у чуть менее трети женщин судьба семьи связана с голодом, раскулачиванием, репрессиями.

Использованные методики. Для исследования внутрисемейных интеракций использовали проективный ситуативный рисунок «*Bubbles*» (модификация Е.В. Куфтяк, 2013). Рисунок членов семьи – высокоинформативное средство познания семейных отношений, восприятия себя и других членов семьи. Участникам исследования в

визуальной форме был представлен на рассмотрение рисунок, изображающий ситуацию с участием членов семьи, принадлежим к разным поколениям, и попросили их дорисовать образы представителей поколения семьи, описать ситуацию, в которой взаимодействуют члены семьи и вписать реплики в пустые «пузыри bubble». В «пузырях» необходимо было написать, что думают, чувствуют и делают изображенные на рисунки люди. С помощью данной методики можно выделить преобладающие паттерны взаимодействия между поколениями в семье.

При исследовании взрослых представителей использовались следующие методики: «Самооценка генерализованного типа привязанности» (RQ; K. Bartholomew, L. Horowitz, 1998; адаптация Т.В. Казанцевой, 2011), изучающая типы генерализованной привязанности; опросник «Опыт близких отношений» (ECR-R; R.C. Fraley, N.G. Waller & K.A. Brennan, 2000; адаптация Т.В. Казанцевой, 2008), направленная на изучение тревожности и избегания близости в отношениях привязанности.

Результаты и их обсуждение. Анализ рисунков позволил нам выделить четыре типа межпоколенного взаимодействия: активный – беспомощный, заботливый – игнорирующий. Активный тип взаимодействия включает такие поведенческие паттерны как: независимость, умение настоять на своем, деятельность, энергичность. В общении с членом семьи ясно заявляет свою позицию («*Завтра нужно сделать ...*», «*Нам нужна дача*») и инициирует активность у партнера по ситуации («*Что приготовить на ужин?*», «*Сначала надо выполнить...*»). Как правило, член семьи концентрируется на работе, выполнении семейных дел (ведение домашнего хозяйства) и решении общесемейных вопросов (покупка жилья, дачи и др.).

Заботливый тип ориентирован на постоянную поддержку другого («*Хочу помочь тебе советом*»), член семьи проявляет заинтересованность его делами («*Как ваши дела?*», «*Звонила она?*», «*Будет волнение*»). Забота о близких является важной сферой в его жизни.

При игнорирующем типе взаимодействия собеседник или партнер по ситуации остается без внимания, доминирует концентрация на решении собственных вопросов. Член семьи, демонстрирующий игнорирование, отказывает другим в помощи. В общении он не поддерживает собеседника, отрицает его точку зрения («*Я не буду этого*

делать», «Да ну! Потом!»), стремится найти понимание собственных проблем («Я так решила», «Так модно, ты не понимаешь»), принижает значимость партнера («Ты еще маленькая»).

Беспомощный тип взаимодействия связан с пассивным поведением человека и невозможностью контроля ситуации. Член семьи, демонстрирующий этот тип, просит помощи и поддержки у других («Помоги мне», «Хожу и выпрашиваю»).

Рассмотрим особенности взаимодействия изображенных на рисунке членов семьи (принадлежащим к разным поколениям) (Табл. 1).

Таблица 1

Типы межличностного взаимодействия поколений внутри семьи (на основе самооценочных показателей), %

Тип взаимодействия	Старшее поколение, бабушки (n = 27)	Среднее поколение, мамы (n = 27)	Младшее поколение, внучки (n = 27)
Активный	22,2	48,1	25,9
Беспомощный	14,8	7,4	7,4
Заботливый	40,7	33,3	40,7
Игнорирующий	22,2	11,1	25,9

Полученные данные свидетельствуют о том, что в большинстве рисунков доминирует заботливый тип взаимодействия между поколениями: встречается у более 1/3 женщин старшего и среднего поколений (40,7 % соответственно) и трети представительниц младшего поколения (33,3 %). Сравнивая различия в преобладании типа взаимодействия у поколений женщин можно сделать вывод о том, что заботливый тип сохраняет тенденцию к доминированию среди женщин, и даже к росту его преобладания во взаимодействии от старшего поколения к младшему. Следует отметить, что в рисунках у половины женщин среднего поколения наиболее часто изображается

активный тип взаимодействия. Во всех поколениях редко встречается беспомощный и игнорирующий типы.

Далее обратимся к данным полученным в результате качественной обработки рисунков (Табл. 2).

Таблица 2

Распределение признаков в рисунке «*Bubbles*», %

Тип взаимодействия / Признаки рисунка	Старшее поколение, бабушки (n = 27)	Среднее поколение, мамы (n = 27)	Младшее поколение, внучки (n = 27)
Активный тип взаимодействия			
идентификация	66,7	69,2	85,7
самоконтроль	-	-	100
сложности в общении	83,3	84,6	-
женственность	66,7	-	-
Заботливый тип взаимодействия			
идентификация	72,7	55,5	-
внутренний конфликт	45,4	-	-
сложности в общении	100	66,7	81,8
дистанция/конфликт	-	-	63,6
запрет на выражение эмоций	54,5	-	-
уверенность	-	66,7	-
женственность	-	-	54,5

Беспомощный тип взаимодействия			
сложности в общении	100	100	100
дистанция/конфликт	-	50	-
запрет на выражение эмоций	75	-	-
Игнорирующий тип взаимодействия			
сложности в общении	83,3	-	-
уверенность	-	-	71,4
демонстративность	-	-	57,1

У старшего поколения независимо от демонстрируемого взаимодействия, а также представителей среднего и младшего поколений с типами заботливого и беспомощного взаимодействия в рисунках часто встречаются непрорисованные кисти и пальцы, а также ступни ног у человечков, либо очертания кистей нарисованы расплывчато. Данный признак усиливается в сочетании с наличием между фигурами предметов, например, сумки, телефона. Данные признаки обычно рассматриваются как недостаточная компетентность в социальных контактах и неумелость в социальных отношениях, что, несомненно, свидетельствует о сложностях в межличностном общении между поколениями. В группе испытуемых с игнорирующим типом взаимодействия (среднего, младшего поколений) и младшего поколения с активным типом взаимодействия подобные признаки не встречаются.

У половины женщин старшего поколения с заботливым типом взаимодействия преобладают в изображении человеческих фигур подчеркивание, выделение, зачернение либо фигура человека в рисунке остается непрорисованной (пустой), что может интерпретироваться как напряжение, тревожность, наличие внутриличностного конфликта. Чуть более половины женщин в рисунках отмечается запрет на выражение эмоций, подавление и сдерживание аффектов.

В группе женщин с активным типом взаимодействия отмечен ряд интересных, на наш взгляд, признаков: однотипная одежда, схожие прически и позы, выражение лица, аналогичные детали и цвета в презентации фигур. Эти признаки можно интерпретировать, как показывающие стремление быть похожим друг на друга, идентификация между поколениями, хорошие эмоциональные контакты. Эти качества также присущи женщинам старшего и среднего поколений демонстрирующих заботливый тип взаимодействия. В рисунках младшего поколения с активным типом взаимодействия в персонажах ситуации прорисована шея. Отмеченный признак символизирует связь между сферой контроля (головой) и сферой влечения (телом), способность к рациональному самоконтролю.

Анализ распространенности типов генерализованной привязанности позволил установить (табл. 3), что несмотря на то, что выборка в целом отвечает принципу репрезентативности, качество привязанности сместилось в сторону типа А (надежный / безопасный): наиболее выражен тип в группе старшего поколения (41,9 %) и младшего (64,5 %). В группе женщин относящихся к среднему поколению чаще встречается тип В (тревожно-противоречивый).

Таблица 3.

Различия в выраженности типов привязанности в трех группах поколений

Показатели	Старшее поколение, бабушки. Группа А. (n = 31)	Среднее поколение, мамы. Группа В. (n = 31)	Младшее поколение, внучки. Группа С. (n = 31)	Н-критерий, р-уровень
Тип А (надежный)	7,16 (3,4)	6,5 (3,4)	8,4 (3,3)	5,732 p=0,057
Тип В (тревожно-противоречивый)	6,03 (2,9)	6,93 (3,2)	7,1 (2,4)	

)				
Тип C (отстраненно-избегающий)	6,4 (2,6)	5,8 (3,2)	4,5 (2,1)	8,004 p=0,018
Тип D (боязливый)	3,8 (3,04)	3,45 (2,8)	3,9 (3,2)	

С помощью методики «Опыт близких отношений» проведено оценивание типа привязанности и уровней тревожности и избегания в близких отношениях. Так, женщины из трех групп имеют высокие оценки по шкале тревожности и одновременно низкие по шкале избегания близости, что свидетельствует о зависимом типе привязанности. При привязанности зависимого типа все мысли подчинены объекту привязанности, остро переживается отсутствие партнера, ощущается собственная незащищенность, чаще не решаются на разрыв отношений (даже в кризисной ситуации).

Таблица 4.

Различия в выраженности тревожности и избегания в близких отношениях в трех группах поколений

	Старшее поколение, бабушки (n = 31)	Среднее поколение, мамы (n = 31)	Младшее поколение, внучки (n = 31)	Н-критерий, p-уровень
Избегание близости в отношениях привязанности	3,56 (2,1)	4,13 (2,4)	4,5 (2,45)	-
Тревожность в отношениях привязанности	5,5 (1,9)	7,3 (2,1)	7,4 (2,2)	16,196 p=0,000

Первый показатель описывает тревожность в близких отношениях, он наиболее выражен у среднего поколения женщин, по сравнению с женщинами старшего поколения. Так, женщины среднего поколения чаще переживают по поводу близких отношений, нуждаются в постоянной поддержке и внимании со стороны близких людей, испытывают страхи в связи с потерей близкого человека. По данным автора методики, для людей, переживающих тревогу в близких отношениях характерны такие характеристики как сензитивность, зависимость, эмпатия, эмоциональная незрелость.

Второй показатель – избегание близости не обнаружил существенных отличий между группами поколений, в трех группах поколений избегание близости в дружеских отношениях находится на низком уровне. С помощью шкалы избегания можно описать людей, которым свойственна эмоциональная сдержанность, осторожность, социальная пассивность, эгоцентричность, независимость в социальном поведении, что согласуется с представлениями об избегании близости. Полученные данные свидетельствуют о преобладании в поколении женщин зависимого типа привязанности.

Таким образом, выявленное сходство типов взаимодействия позволяет нам говорить о межпоколенной трансляции паттернов межличностного взаимодействия. Сознательное или бессознательное повторение и воспроизведение действий, проявлений, ситуаций, «выборов» может рассматриваться как демонстрация связи с предшествующими поколениями, связи передающейся в поколении, необходимой для построения и структурирования индивида.

Дальнейшей перспективой исследования является анализ взаимосвязей показателей привязанности для женщин разных поколений и выявление влияния старшего поколения на представительниц других поколений данной семьи. В целом, полученные данные расширяют знания о модели межпоколенной передачи привязанности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-0582)

Список литературы

1. Боулби Дж. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003.
2. Куницына В.Н., Казанцева Т.В. Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми // Вестник СПбУ. Серия 12 (Социология и Психология). Вып. 1. Ч. II. 2009. С. 3–8.
3. Куфтяк Е. В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1 (86). С. 78–83.
4. Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2007.
5. Fraley C. Attachment stability from infancy to adulthood: Meta-analysis and dynamic modeling of developmental mechanisms // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. P. 123-151.
6. Hašto J. Vzťahová väzba, pripútavacie správanie a psychi-atria-psychoterapia // Psychiatrie. 2006. Vol. 10(1). P. 36–40.
7. Hautamäki A., Hautamäki L., Neuvonen L., Maliniemi-Piispanen S. Transmission of attachment across three generations: continuity and reversal // Clinical Child Psychology and Psychiatry. 2010. Vol. 5(3). P. 347–354.
8. Shaver PhR., Mikulincer M. An Overview of Adult Attach-ment Theory. In: Obegi JH, Berant E, editors. Attachment Theory and Research in Clinical Work with Adults. New York, London: The Guilford Press, 2009. p. 17–45.
9. Trommsdorff G. Intergenerational relations and cultural transmission // Cultural transmission. Psychological, developmental, social, and methodological aspects. New York: Cambridge University Press, 2009. pp. 126-160.

Ценностно-мотивационная сфера целеполагания студентов в зависимости от согласования/рассогласования образов родителей

Литвинова А.В.

ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет»

Представлены результаты эмпирического исследования ценностно-мотивационной сферы целеполагания студентов, в зависимости от согласования/рассогласования образов родителей как семейной детерминанты развития личности. Рассогласование образов родителей рассматривается как представление ребенка о различиях в проявлениях у отца и матери переживаний, эмоций, ценностей, отношений к окружающим, к способам взаимодействия с ними. Целеполагание понимается как инициативная ориентировка субъекта в жизненной ситуации.

Формирование личности, становление ее смыслов, мотивов, стремлений и целей начинается в семье через сложившуюся систему мифов, ценностей, культуру взаимоотношений. Рассматривая семью как психологическое пространство формирования личности, мы исходим из представления Л.С. Выготского о социальной ситуации развития, роли взрослого в ее организации (Выготский Л.С., 1983) и положения теории формирования функциональных систем В.К. Шабельникова о семье, как детерминирующей системе формирования личности, необходимости напряжений в семье, стремление к снятию которых является механизмом развития личности (Шабельников В.К., 1986, 2007, 2015). Напряжения в отношениях с родителями, вызванные рассогласованием их образов, являются исходными и для развертывания целеполагания как инициативной ориентировки субъекта в сложившейся ситуации. Схемы целеполагания, обеспечивающие организацию жизнедеятельности закладываются в семье. Мы предполагаем, что рассогласование образов родителей

влияет на характер сформированности компонентов ценностно-мотивационной сферы целеполагания студентов.

Логика эмпирического анализа строится на исследовании особенностей ценностных ориентаций студентов, поскольку ценностные ориентации личности - это духовное начало, определяющее у каждого человека понимание мира и являющееся частью общего человеческого духа». Общественная и индивидуальная жизнь структурированы на основе системы ценностей, как «смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества» (Франкл В., 1990). Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу её отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самому, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и «философии жизни». Ценности формируются в процессе жизнедеятельности в результате функционирования и развития потребностей личности, способов их удовлетворения, приобретая затем самостоятельное значение ориентиров деятельности и внутренних духовных сил личности. Выступая в качестве единого совокупного субъекта, ценности, преломляясь в индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей.

Ключевые ценности или жизненные смыслы, как общества, так и личности характеризуются как цели, которые в данной системе не являются средствами, а выполняют функцию конечного выбора тех средств и способов, которые становятся самоценными, функционально не заменимыми конечными «целевыми» ценностями. Другой тип ценностей - инструментальные, выступают как средства для реализации целей - ценностей и как их конкретизация.

Для выявления степени напряжения, которая выражает согласование/рассогласование образов родителей, использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича (Психологические тесты, 2000). Испытуемому предъявляется список ценностей, в котором он присваивает каждой ценности ранговый номер в соответствии со шкалами: шкала «порядок значимости ценностей для меня», шкала «порядок значимости ценностей, которые воспитывал во мне отец», шкала «порядок значимости ценностей, которые воспитывала во мне мать». Затем вычислялась

разность рангов по шкалам «порядок значимости ценностей для меня» и «порядок значимости ценностей, которые воспитывал во мне отец» (разность 1), «порядок значимости ценностей для меня» и «порядок значимости ценностей, которые воспитывала во мне мать» (разность 2). По каждой разнице отдельно подсчитывается сумма, позволяющая анализировать диапазон согласования/рассогласования образа родителей с ценностными ориентациями испытуемых. Значение суммы разностей рангов позволяет отнести испытуемого к группе с относительно согласованным образом родителей (в случае, если полученные разности равны) или к группе с относительно рассогласованным образом родителей (в случае, если полученные разности различаются).

Если ценности ориентируют субъекта во внешнем мире, определяя ожидаемое и одобряемое окружающими поведение, то мотивация ориентирует его внутренние побуждения и стремления, направленные на снятие напряжений объективных ситуаций. Для изучения мотивации использовался опросник «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана (Мильман В.Э., 1990) и Шкала академической мотивации (Гордеева Т.О., Сычев О. А., Осин Е. Н., 2014).

Опросник «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана позволяет выявить шкалы (жизнеобеспечение, комфорт, общение, общая активность, творческая активность и социальная полезность) мотивационного профиля и подшкалы (общежитейская учебная мотивация). Шкала академической мотивации (сокр. ШАМ, англ. The Academic Motivation Scale, сокр. AMS) разработан Т.О. Гордеевой, О.А. Сычевым и Е.Н. Осиным в 2014 году на основе Шкалы академической мотивации Валлеранда, измеряет выраженности и тип мотивации к учебной деятельности.

В эмпирическом исследовании принимали участие 47 студентов, средний возраст – 19,1 лет, из них 18,4% (от общего числа испытуемых) студенты с выраженным согласованием образов родителей и 81,64% (от общего числа испытуемых) студенты с выраженным рассогласованием образов родителей. Проведенные ранее исследования роли согласования/рассогласования образов родителей, показывает снижение с возрастом процента, испытуемых с более выраженным согласованием образов родителей: младшие подростки - 70% согласование образов родителей, 30%

рассогласование образов родителей; средние подростки - 60% согласование образов родителей, 40% рассогласование образов родителей и старшие подростки - 40% согласование образов родителей, 60% рассогласование образов родителей (Литвинова А.В., 2007, 2015). Представленные результаты демонстрируют, что к юношескому возрасту наблюдается увеличение группы с рассогласованием образов родителей, что свидетельствует о стремлении их к самоопределению в организации жизнедеятельности.

В группе студентов с выраженным согласованием образов родителей выявлены следующие приоритетные цели-ценности профессиональной самореализации: «развитие», «интересная работа» и «активная деятельная жизнь», цели-ценности личной жизни: «счастливая семейная жизнь», «любовь» и «наличие хороших друзей», конкретная цель-ценность: «здоровье» и абстрактные цели-ценности: «счастье других», «красота природы и искусства». Для студентов с выраженным рассогласованием образов родителей характерны цели-ценности профессиональной самореализации: «развитие», «активная деятельная жизнь» и «продуктивная жизнь», цели-ценности личной жизни: «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших друзей» и «свобода», конкретная цель-ценность: «здоровье» и абстрактные цели-ценности: «уверенность в себе».

Выявлено, что у студентов изучаемых групп общей является конкретная цель-ценность: «здоровье». По другим группам целей-ценностей они отличаются. Так, студенты с выраженным согласованием образов родителей отличаются целями-ценностями «интересная работа», «любовь», «счастье других», «красота природы и искусства», раскрывающие их социальную направленность. Студентам с выраженным рассогласованием образов родителей свойственны «продуктивная жизнь», «свобода» и «уверенность в себе», отражающие их индивидуалистическую направленность на саморазвитие.

У студентов с выраженным согласованием образов родителей выявлены такие приоритетные этические ценности-средства как «ответственность» и «самоконтроль», ценности-средства дела: «аккуратность», «образованность», «твердая воля», конформистские ценности-средства: «воспитанность», «самоконтроль» и альтруистические ценности-средства: «терпимость» и «чуткость». Студенты с выраженным рассогласованием образов родителей демонстрируют приоритетные

этические ценности-средства: «ответственность» и «самоконтроль», ценности-средства общения: «жизнерадостность» и «честность», ценности-средство дела «образованность», индивидуалистические ценности-средства: «смелость в отстаивании своего мнения» и «твердая воля», конформистскую ценность-средство «самоконтроль» и альтруистическую – «чуткость».

Необходимо отметить общие для студентов ценности-средства самоутверждения «образованность», «твердая воля», у студентов с выраженным рассогласованием образов родителей присутствует «смелость в отстаивании своего мнения». Общими ценностями-средствами принятия других людей выступают «самоконтроль» и «чуткость», студентов с согласованием образов родителей отличает «терпимость», студентов с выраженным рассогласованием образов – «честность». В каких же системных взаимосвязях находятся приоритетные ценностные ориентации и мотивация студентов с ценностями-целями и ценностями-средствами, которые воспитывали их отец и мать? Для ответа на этот вопрос был проведен факторный анализ (Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.), его результаты обрабатывались и интерпретировались в каждой из выявленных групп.

По результатам факторного анализа у студентов с выраженным согласованием образов родителей выявлены 7 факторов, 2 из них несут основную дисперсионную нагрузку (Табл. 1).

Таблица 1.

Результаты факторного анализа в группе студентов с согласованием образов родителей

1		2	
интроецированная мотивация	-,927	образованность (мать)	,943
(отец) смелость	,927	счастливая семейная жизнь (мать)	-,923
непримиримость (мать)	-,926	(отец) исполнительность	,907

интересная работа	,913	твердая воля (мать)	-,858
познавательная мотивация	-,889	(отец) счастливая семейная жизнь	-,841
смелость (мать)	,880	исполнительность (мать)	,793
эффективность (мать)	-,877	продуктивная жизнь (мать)	,770
(отец) эффективность	-,831	мотивация саморазвития	,724
самоконтроль	,814	(отец) чуткость	-,689
жизненная мудрость (мать)	,813	воспитанность	,651
мотивация самоуважения	-,811	(отец) любовь	-,639
(отец) материально обеспеченная жизнь	,795	любовь (мать)	-,574
(отец) интересная работа	,793	(отец) независимость	,517
самоконтроль (мать)	,758		
(отец) самоконтроль	,731		
(отец) широта взглядов	-,720		
общежитейская направленность	,712		
общение	,706		
интересная работа (мать)	,702		
жизненная мудрость	,673		
честность	-,632		
рабочая направленность	,627		
общая активность	,624		
(отец) непримиримость	-,622		
смелость	,621		
комфорт	,611		
мотивация достижения	-,581		
социальный статус	,578		
свобода	-,574		

Негативный полюс первого фактора включает академическую мотивацию: интроецированная, познавательная мотивация, мотивация самоуважения и достижения, а так же ценность-цель «свобода» и ценность-средство «честность». Ценности-средства, которые воспитывали отец и мать - «эффективность» и «непримиримость», отец – «широта взглядов». Позитивный полюс составили общежитейская направленность мотивации, общение, деловая направленность, общая активность, комфорт, социальный статус. Ценности-средства, которые воспитывали отец и мать – «смелость», «самоконтроль» и «интересная работа», мать – ценности-цели «жизненная мудрость», отец – «материально обеспеченная жизнь». Ценности-цели - «интересная работа», «жизненная мудрость», ценность-средство «самоконтроль».

Позитивный полюс второго фактора представлен мотивацией саморазвития и ценностью-средством «воспитанность». Ценность-средство «образованность» и ценность-цель «продуктивная жизнь», которые воспитывала мать, ценности-средства «исполнительность», «независимость», которые воспитывал отец. Негативный полюс включает ценности-цели, которые воспитывали отец и мать – «счастливая семейная жизнь», «любовь», мать – «твердая воля», отец – «чуткость».

На наш взгляд, полученные результаты свидетельствуют о высокой степени влияния родителей на становление ценностно-мотивационной сферы студентов с выраженным согласованием образов родителей, поскольку преобладают связи мотивации с ценностями-целями и ценностями-средствами, которые воспитывали отец и мать. Ценностно-мотивационная сфера студентов данной группы в большей мере характеризуется общежитейской направленностью и негативной академической мотивацией.

Факторный анализ в группе у студентов с выраженным рассогласованием образов родителей раскрывает наличие 28 факторов, что значительно отличается от результатов предыдущей группы и демонстрирует дифференцированность изучаемых показателей (Табл. 2).

Результаты факторного анализа в группе студентов с расогласованием образов родителей

1		2		3	
жизнеобеспечение	0,797	познавательная мотивация	0,859	рабочая направленность	0,93
общежитейская направленность	0,755	мотивация достижения	0,858	социальная полезность	0,88
интроецированная мотивация	0,746	мотивация саморазвития	0,821	общая активность	0,793
экстернальная мотивация	0,649	(отец) уверенность в себе	0,504	творческая активность	0,654
комфорт	0,633			социальный статус	0,648
широта взглядов (мать)	-0,498				
честность	0,439				
активная деятельная жизнь	0,423				
амотивация	0,371				

Высоко значимые компоненты мотивационной структуры личности первого фактора «жизнеобеспечение», «общежитейская направленность», «комфорт», академической мотивации - «интроецированная», «экстернальная» мотивация, «амотивация», ценность-средство «честность» и ценность-цель «активная деятельная жизнь». Отрицательный компонент ценность-средство «широта взглядов» мать.

Второй фактор - академической мотивации, включающий «познавательную мотивацию», «мотивацию достижения» и «саморазвития» и ценность-цель «уверенность в себе» отец.

Третий фактор - «рабочей (учебной) направленности», содержит мотивацию «социальной полезности», «общей» и «творческой активности», «социального статуса».

По нашему мнению, полученные результаты раскрывают структурированность ценностно-мотивационной сферы целеполагания студентов с выраженным рассогласованием образов родителей и незначительное влияние родителей на ее становление, а также ориентацию студентов на собственные стремления в организации жизнедеятельности и учебной деятельности.

Итак, ценностно-мотивационная сфера целеполагания студентов характеризуется специфическими взаимосвязями в зависимости от согласования/рассогласования образов родителей. Полученные результаты демонстрируют, что студентам с выраженным согласованием образов родителей свойственна социальная направленность ценностей-целей, студентам с выраженным рассогласованием образов родителей - направленность на саморазвитие, что подтверждается результатами факторного анализа. Ценностно-мотивационная сфера целеполагания студентов с выраженным согласованием образов родителей в большей мере определяется ценностями-целями и ценностями-средствами, сформированными под влиянием родителей.

Знание специфики становления целеполагания под влиянием семейных детерминант способствует организации научно обоснованного процесса оказания адресной психологической помощи как студентам, так и их родителям, поскольку именно целеполагание обеспечивает процесс самореализации личности.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики/Под ред. А. М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. - 368 с.
2. Гордеева Т.О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. – С. 96-107.
3. Литвинова А.В. Роль образов родителей в становлении личности // Психология семейных отношений : монография / под ред. А.В. Литвиновой (коллективная монография). – М. : Флинта : Наука, 2015. – С.217-252.

4. Мильман В.Э. Метод изучения мотивационной сферы личности / Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М., 1990. – С.23-43.
5. Психологические тесты. / Под ред. А.А. Карелина. Т.1. – М., 2000. – С. 25 – 29.
6. Шабельников В.К., Литвинова, А.В. Формирование личности в условиях разных типов жизнедеятельности семьи // Семья в России №4, 2007. – С. 41-50
7. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. Ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Материальное положение семьи студента и его связь со структурой учебной мотивации и ориентиров будущей профессиональной деятельности

Немцов А.А.

РГГУ, Москва, Россия

E-mail: a.nemczow2014@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые теоретические и практические подходы к диагностике психолого-педагогических характеристик студентов. Излагаются результаты использования методик, созданных на основе опыта изучения студенческой молодёжи. Рассматриваются связи диагностических характеристик с материальным статусом родительских семей студентов.

Ключевые слова: установки к выбору вуза, отношение к учебному процессу, профессиональные ориентиры и приоритеты, материальный статус родительской семьи.

Период обучения в вузе рассматривается обществом как ключевой в процессе профессионального становления и личностного самоопределения будущего специалиста. Он может быть рассмотрен как модель жизненного выбора, характеризующегося тремя основными особенностями.

1. Личностно значимый – важный с точки зрения отдельного человека.
2. Общественно значимый – важный с точки зрения общества как целостной системы.
3. Массовый – осуществляющийся в массовом порядке и постоянно.

Профессиональное становление и личностное самоопределение специалиста-профессионала является, с нашей точки зрения, проявлением его общей стратегии проживания жизни. При этом, мы считаем возможным выделить три уровня анализа личности: поверхностный (поведение), промежуточный (мотивы, цели) и внутренний (ценности и смыслы) (Немцов А.А.2011).

Если говорить о поверхностном, поведенческом уровне личности студента, то преподаватель в непосредственной ситуации обучения оценивает его, как нам представляется, по трём основным параметрам: 1. Исполнительность; 2. Трудолюбие; 3. Обучаемость. (Немцов А.А. 2006).

Промежуточный уровень связан с выбором вуза и в конечном итоге направления будущей профессиональной деятельности. Этот выбор может быть рациональным, продуманным, закономерным или импульсивным, ситуативным, случайным. Кроме того, разделяя точку зрения ряда специалистов, мы считаем целесообразным выделить три группы мотивов получения высшего образования: любознательность (получение знаний), овладение профессией и получение диплома.

Наконец внутренний уровень, соответствующий ценностям и личностным смыслам, определяет в конечном итоге всю жизненную стратегию личности (Немцов А.А. 2007). Применительно к студенту это может выступать в форме его основных перспективных профессиональных ориентиров. Мы считаем целесообразным выделить 6 таких основных ориентиров: 1. Бизнес; 2. Преподавание; 3. Собственно профессиональная деятельность; 4. Служба, исполнительские функции; 5. Руководство; Управление; 6. Научно-исследовательская и изобретательская деятельность. Получение диплома об окончании высшего учебного заведения открывает перед выпускником эти 6 перспектив. Причём возможны самые разнообразные комбинации этих направлений с точки зрения степени их приоритетности для данной личности.

В целях реализации данного теоретического подхода нами было проведено

пилотажное исследование студентов, обучающихся на 2 курсе МГТУ им. Н.Э. Баумана по специальности «Радиоэлектроника и лазерная техника». В число диагностических методик входили «Изучение мотивации обучения в вузе» и «Оценка общей структуры профессиональных ожиданий и ориентиров студентов». Обе методики были созданы нами на основе изложенных выше теоретических представлений, а также обобщения опыта исследования студенческой молодёжи в течение ряда предшествующих лет. Характеристики обследованных групп можно объединить в 5 смысловых блоков:

1. Установки по отношению к выбору вуза и возможности обучаться в нём.
2. Основной смысл получения высшего образования.
3. Отношение студента к учебному процессу.
4. Вспомогательные оценочные показатели относительно достоверности полученных ответов.
5. Профессиональные ориентиры студента (Немцов А.А. 2015).

Наряду с двумя указанными выше методиками, в исследовательский блок входила небольшая анкета, которая позволяла выявить основные характеристики социальной ситуации развития студентов в тот период, когда они были детьми (т.е. находились в возрасте до 16 лет и испытывали на себе максимальное влияние родительской семьи). В число вопросов этой анкеты входил следующий: когда вы были ребёнком и подростком до 16 лет, то уровень материального благосостояния вашей семьи: а) оставался стабильным; б) резко изменялся в противоположных направлениях (то резко рос, то падал); в) улучшался; г) ухудшался.

Охарактеризуем каждую из выделенных групп. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что никто из обследованных студентов не охарактеризовал материальное положение своей семьи в тот период, когда он был ребёнком до 16 лет как ухудшающееся. Следовательно, у всех студентов имеет место оценка материального благосостояния семьи в период их детства либо как стабильное или улучшающееся, либо как нестабильное. Причём нестабильным оценили материальное благополучие своих семей только 12% студентов. Следовательно, у 88% студентов, согласно их внутреннему ощущению, материальное положение семьи либо оставалось стабильным (54%), либо улучшалось (34%). Обследованные нами в 2010 г. студенты родились в 1992 г. Возраста

16 лет они достигли в 2008 г., а сознательно помнить себя так, чтобы оценивать материальное состояние своей семьи должны были с 5-6 лет, т.е. фактически с момента дефолта 1998 г. Таким образом, можно констатировать, что мы имеем дело с весьма благополучной выборкой студентов, оценивавших материальное положение своих семей за период с 1998 по 2008 г. г. преимущественно как стабильное или улучшающееся.

Студенты, оценивающие материальное положение своих семей в период детства как стабильное.

1. Установки по отношению к выбору вуза и возможности обучаться в нём. Студенты, оценившие материальное положение своих семей в период детства как стабильное характеризуются средними показателями рациональности выбора вуза и высокими показателями ощущения правильности этого выбора. Следовательно, эти студенты умеренно серьёзно отнеслись к проблеме выбора вуза, и при этом ощущают высокий уровень удовлетворённости этим выбором.

2. Основным смыслом получения высшего образования для этих студентов является получение диплома. При этом значимость мотивов получения профессии и получения знаний, любознательность, находятся у этих студентов на среднем уровне.

3. Отношение к учебному процессу. Отношение к учёбе, определявшееся в процессе исследования, складывалось из исполнительности, трудолюбия и обучаемости. Студенты, материальное благополучие семей которых оставалось стабильным, характеризуются средними уровнями исполнительности, трудолюбия и средними самооценками обучаемости. Таким образом эти студенты представляют собой наиболее сбалансированную группу. Они умеренно готовы выполнять требования преподавателей и подчиняться правилам и дисциплине учебного процесса. Им присуща средняя степень готовности преодолевать препятствия, делать над собой усилия, затрачивать силы и время на выполнение учебных заданий. При этом они на среднем уровне оценивают свои интеллектуальные способности. Таким образом, этих студентов можно охарактеризовать как «средняков», которые в первую очередь ориентированы на получение в вузе диплома и сравнительно более других студентов удовлетворены сделанным выбором учебного заведения.

4. Анализ оценочных показателей свидетельствует о том, что студенты, охарактеризовавшие материальное положение своих семей в период своего детства как стабильное имеют наиболее высокие показатели правдивости и одновременно наиболее низкие показатели самоконтроля. По своим показателям неискренности они занимают промежуточное положение между студентами из семей с нестабильным и улучшающимся материальным положением. Можно предположить, что этим студентам в наибольшей степени присущи такие качества как непосредственность, открытость, доверчивость. Они весьма легко допускают других людей в свой внутренний мир, делятся с ними своими проблемами, ожидают участия и помощи. Это может свидетельствовать об определённой наивности, бесхитрости данной группы студентов. Они, скорее всего, не ожидают от окружающих непорядочного отношения к себе, поскольку привыкли доверять людям. В какой-то мере подобные качества могут говорить о личностной незрелости этих студентов.

5. Профессиональные ориентиры студентов, материальное положение семей которых было стабильным. Эти студенты демонстрируют низкий уровень дифференцированности профессиональной мотивации т.е. у них ещё не сформированы чёткие профессиональные приоритеты и они не готовы идентифицировать себя в качестве дипломированных специалистов. При этом они характеризуются высокими показателями общей мотивированности на профессиональную деятельность после вуза. Относительно более привлекательными для этих студентов являются научно-исследовательская и преподавательская деятельность. Средней привлекательностью для них обладают профессия в узком смысле и занятие бизнесом. Подобный характер мотивации, как нам представляется, свидетельствует об относительной несформированности профессиональных приоритетов у этих студентов. Можно предположить, что у них имеет место весьма поверхностное представление о том, чем они собираются заниматься, окончив вуз. С одной стороны, их так или иначе интересует всё. С другой стороны, есть основания думать, что они склонны к идеализации своих возможностей, надеются на доброжелательное отношение со стороны окружающих и благоприятные внешние условия, не готовы преодолевать трудности.

Студенты, материальное положение семей которых было нестабильным.

1. Установки по отношению к выбору вуза и возможности обучаться в нём. Студенты, материальный уровень семей которых был нестабильным, характеризуются высоким уровнем рациональности выбора вуза и средним уровнем оценки правильности этого выбора. Следовательно они наиболее ответственно по сравнению со всеми остальными студентами подошли к выбору вуза, однако выбор этот с их точки зрения был не вполне удачен. Можно ожидать, что эти студенты испытывают по этому поводу определённое разочарование и огорчение.

2. Смысловое наполнение процесса обучения выглядит у студентов, материальное положение семей которых было нестабильным, следующим образом. Они наиболее заинтересованы в получении профессии в вузе, и менее других студентов в получении диплома и удовлетворении своей любознательности. Таким образом видно, что эти студенты, чьё материальное положение в детстве было относительно неудовлетворительным, главный смысл своего поступления в вуз видят в приобретении профессии. Как уже отмечалось, они весьма тщательно и продуманно выбирали учебное заведение. Однако опыт обучения показывает им, что они в некоторой мере просчитались. С точки зрения этих студентов картина должна выглядеть так, что их профессиональное становление происходит не теми темпами или не в том направлении, которых они ожидали.

3. Отношение к учебному процессу. Студенты, материальное положение семей которых было нестабильным отличаются наиболее высокими показателями исполнительности и самыми низкими самооценками обучаемости. Вместе с тем они демонстрируют наиболее неоднородные оценки по трудолюбию. Относительно большинство оценивает уровень своего трудолюбия как наиболее высокий. Если сопоставить все три показателя, то выходит, что это наиболее исполнительные и трудолюбивые студенты с низкой самооценкой обучаемости, интеллектуальных способностей. Получается портрет типичного «ботаника», добросовестного, трудолюбивого, но не слишком сообразительного студента. Таким образом, среди этих студентов обнаруживается относительно наиболее многочисленная группа добросовестных, усердных студентов с низкой самооценкой. С другой стороны

обнаруживаются студенты с низким уровнем трудолюбия. Сочетание высокой исполнительности, низкого трудолюбия и низкой обучаемости даёт в результате портрет заурядного студента, весьма формально выполняющего требования преподавателей и скорее всего обнаруживающего при этом весьма посредственные результаты обучения. В любом случае, можно предположить, что обучение в данном вузе оказалось для этих студентов более трудной задачей, чем они первоначально ожидали. При этом относительно большая их часть продолжает усердно «грызть гранит науки», в то время как другая часть – лишь формально выполняет требования учебного процесса «по минимуму».

4. Анализ оценочных показателей свидетельствует о том, что студенты, материальное положение семей которых было нестабильным, характеризуются прежде всего высокими показателями неискренности и самоконтроля. Таким образом, эти студенты, детство которых проходило в относительно неблагоприятных материальных условиях, наименее готовы раскрываться перед окружающими людьми. Они склонны хитрить, скрывать свои проблемы от окружающих, не допускают их в свой внутренний мир. В этом отношении они представляют собой противоположность студентам, материальное положение семей которых оставалось стабильным. Видно также, что и уровень самооценки интеллектуальных способностей у них ниже. Можно предположить, что эти студенты несут в себе определённый «комплекс неполноценности» и соответственно имеют относительно низкие социальные притязания.

5. Профессиональные ориентиры студентов, материальное положение семей которых было нестабильным. Эти студенты демонстрируют низкий уровень мотивированности профессиональной деятельностью и средний уровень дифференцированности профессиональной мотивации. Таким образом, они относительно более чётко сформировали свои профессиональные приоритеты, но сама перспектива, открывающаяся перед ними после окончания вуза, не слишком их вдохновляет. Наиболее приоритетными для этих студентов является специфически профессиональная деятельность, а также исполнительская деятельность, подчинение, служба. Напротив, наименее привлекательными в их глазах выглядят руководство, преподавание и бизнес. Умеренную ориентацию эти студенты обнаруживают в

отношении научно-исследовательской деятельности. Следовательно, видно, что эти студенты видят себя в будущем в качестве квалифицированных исполнителей. Руководить людьми, брать на себя ответственность, рисковать они не хотят. Весьма скромная самооценка умственных способностей, вероятно, определяет и их нежелание заниматься преподавательской работой. Несколько более позитивно их отношение к научно-исследовательской и изобретательской работе. Тем не менее, в целом это скорее весьма пассивные студенты с низкой самооценкой, склонные следовать указаниям других людей и не брать на себя инициативу и ответственность. При этом, как уже отмечалось, они весьма лукавы, склонны скрывать от окружающих свои проблемы и вероятно не очень доверяют людям.

Студенты, материальное положение семей которых улучшалось.

1. Установки по отношению к выбору вуза и возможности обучаться в нём. Студенты, материальное положение семей которых улучшалось, характеризуются низкими уровнями как рациональности, так и ощущения правильности выбора вуза. Следовательно, эти студенты из относительно материально благополучных семей, весьма легкомысленно отнеслись к выбору вуза и, как и следовало ожидать, они чувствуют, что «не туда попали».

2. Основным смыслом получения высшего образования для этих студентов является, прежде всего, удовлетворение познавательных мотивов. На втором месте по значимости у них стоит получение диплома. На последнем месте – получение профессии. Таким образом, видно, что эти студенты являются практически антиподами тем, материальное положение которых было нестабильным. В отличие от них эти студенты не рассчитывают на практическую пользу от своего обучения в данном вузе. Тем не менее, как уже отмечалось, они наиболее разочарованы в своём выборе вуза. Можно предположить, что данное учебное заведение либо не соответствует их весьма высокому уровню притязаний, либо сам профиль вуза, как они обнаружили, не соответствует кругу их интересов.

3. Отношение к учебному процессу. Студенты, материальное положение семей которых улучшалось, наименее исполнительны и наиболее обучаемы. Таким образом,

они, как и по смыслу, обучения являются антиподами студентам, материальное положение которых в детстве было нестабильным. При этом они абсолютно не готовы формально выполнять требования преподавателей и правила учебного процесса. В этом смысле они склонны к наиболее неформальным, возможно богемным формам поведения. Кроме того, как уже отмечалось, они считают, что случайно попали в данный вуз и не ощущают удовлетворённости от своего выбора. Тем не менее, они склонны весьма высоко оценивать своё трудолюбие. Вероятно, эти оценки порой даже выше, чем у студентов из семей, уровень материального благосостояния которых был стабильным. Следовательно, в принципе, это достаточно волевые студенты, готовые к усилиям. Однако они скорее всего считают, что в данном случае у них нет оснований слишком напрягаться.

4. Анализ оценочных показателей свидетельствует о том, что студенты из семей, материальное положение которых улучшалось, характеризуются низкими показателями как правдивости, так и неискренности. Эти результаты содержат в себе определённый парадокс. Действительно, одновременно студенты обнаруживают достаточно разнонаправленные свойства. Однозначного объяснения данному факту сформулировать не представляется возможным. Тем не менее, можно высказать некоторые предположения. Вероятно, результаты могут быть связаны с характером задаваемых студентам вопросов. Как уже отмечалось, студенты из семей с увеличивающимся уровнем дохода характеризуются более высоким уровнем обучаемости и следовательно интеллекта. Противоположность им в этом отношении составляют как раз студенты из семей, материальное положение которых было подвержено сильным колебаниям. В результате, студенты их семей с увеличивающимся уровнем доходов проявляют своеобразную «уклончивость» в то время как студенты из семей с колебаниями благосостояния – напротив, высокую «непосредственность». Итогом этого оказалась одновременная низкая правдивость и неискренность первых и высокая правдивость и неискренность вторых. Правда всё же неискренность этих студентов превышала показатели их правдивости.

5. Профессиональные ориентиры студентов, материальное положение семей которых улучшалось. В целом эти студенты демонстрируют средний уровень

профессиональной мотивированности и дифференцированности профессиональной мотивации. Следовательно, они более мотивированы на профессиональную деятельность в широком смысле после окончания вуза, чем студенты, материальный уровень семей которых был нестабильным. Однако они уступают в этом отношении студентам из семей со стабильным уровнем благосостояния. В свою очередь дифференцированность профессиональной мотивации у них выше, чем у студентов из семей со стабильным материальным уровнем, но всё же ниже, чем у студентов из семей с материальным достатком, подвергавшимся сильным колебаниям. Таким образом, по показателям отношения к послевузовской карьере в целом, эти студенты представляют собой наиболее сбалансированную группу. Наиболее привлекательным для них является занятие бизнесом. Напротив, наименее ориентированы они на узко специализированную профессиональную деятельность и службу, на исполнительскую деятельность. По этим параметрам они представляют собой полную противоположность студентам, материальное положение которых было нестабильным. По своему отношению к преподаванию, руководству и научно-исследовательской деятельности эти студенты весьма сходны со студентами из семей со стабильным материальным уровнем. Правда, они всё же несколько менее ориентированы на эти виды деятельности.

Попытаемся теперь сопоставить приведённые характеристики и выявить некоторые общие тенденции.

1. Установки по отношению к выбору вуза обнаружили следующие тенденции. Студенты, уровень материального благосостояния семей которых был стабилен подошли к выбору вуза со средней степенью серьёзности. Для них главным является получение диплома, и они наиболее склонны оценивать выбор вуза как правильный. Студенты, материальное положение семей которых сильно колебалось, подошли к выбору вуза наиболее серьёзно и ожидают получить в нём профессию. Они уже не в такой мере удовлетворены сделанным выбором и сомневаются в его правильности. Студенты, материальное положение семей которых улучшалось, выбирали вуз весьма легкомысленно, прежде всего, стремясь удовлетворить в нём свою любознательность. Они сильнее других разочарованы и считают, что сделали ошибочный выбор. Таким

образом, чем лучше было материальное положение семьи студента, тем легкомысленнее он подходит к проблеме выбора вуза. Кроме того, чем меньше было периодов улучшения материального положения семьи студента, тем скорее он будет удовлетворён выбором своего вуза. Выходит, что чем в большей степени студент мог бы руководствоваться принципом «главное, чтобы не было хуже» (т. е. принцип выбора наименьшего из двух зол), тем более он склонен ощущать удовлетворённость выбором данного вуза, оценивать его как правильный.

2. Сравнение смыслов получения высшего образования. Сопоставление показателей любознательности в качестве мотива получения высшего образования даёт следующую картину. Имеет место нарастание любознательности в следующей последовательности. Колеблющийся уровень благосостояния – стабильный уровень благосостояния – увеличивающийся уровень благосостояния. Следовательно, чем стабильнее и лучше было материальное положение семьи студента в детстве, тем более выражена у него любознательность в качестве мотива получения высшего образования. Во всяком случае, студенты с нестабильным уровнем благосостояния чаще других характеризуются низким уровнем любознательности и реже других – её высоким уровнем. В отношении мотивации получения профессии в вузе в период обучения, можно констатировать тенденцию, прямо противоположную той, что была выявлена в отношении мотива любознательности. Чем хуже и менее стабильным было материальное положение семьи в детстве студента, тем более выражена у него потребность в получении профессии в качестве мотива обучения в вузе. Анализ динамики значимости мотива получения диплома позволяет констатировать, что любые изменения, даже позитивные, материального благосостояния семьи в период детства студента, негативно сказываются на его отношении к получению диплома. Особенно это относится к наличию периодов спада материального благополучия. Напротив, стабильность материального благосостояния семьи в детстве студента ассоциируется с высокой значимостью для него получения диплома. Таким образом, можно заключить, что основные смыслы получения высшего образования связаны с материальным положением семьи студента в период его детства следующим образом. Любознательность, стремление получить знания нарастает по мере улучшения

материального положения родительской семьи. Стремление получить профессию – напротив, увеличивается по мере ухудшения материального положения семьи студента. Значимость получения диплома увеличивается по мере увеличения стабильности, неизменности материального положения семьи студента в период его детства.

3. Отношение к учебному процессу. В целом видно, что студенты, наиболее серьёзно отнёсшиеся к выбору вуза и ориентированные на получение в нём профессии, являются наиболее исполнительными. Это как раз студенты из семей с нестабильным уровнем материального благополучия. Студенты, материальный уровень семьи которых оставался стабильным, характеризуются средним уровнем исполнительности. Эти студенты умеренно ответственно выбирали свой вуз и видят основной смысл своего пребывания в нём в возможности получить диплом. Студенты, материальный уровень семей которых улучшался характеризуются самой низкой исполнительностью. Выбор вуза они осуществили весьма импульсивно и легкомысленно, ориентируясь на возможность удовлетворить свою любознательность. Они наиболее разочарованы в своём выборе, считают его ошибочным. Соответственно низкий уровень исполнительности у этих студентов является вполне ожидаемым. Здесь весьма отчётливо проявилась тенденция прямой связи серьёзности, продуманности выбора студентом вуза и уровнем его исполнительности. Однако, при этом можно отметить тенденцию к последовательному увеличению показателей трудолюбия у студентов, материальный уровень семей которых улучшался. Студенты, материальное положение семей которых оставалось стабильным, характеризуются средним уровнем трудолюбия. Наиболее внутренне неоднородную группу в отношении трудолюбия представляют студенты, материальное положение семей которых было нестабильным. Таким образом, нестабильность материального положения семьи находит своё выражение в поляризации оценок трудолюбия. Возможным объяснением данного факта может быть то, что эти студенты весьма серьёзно рассчитывали получить в данном вузе профессию, и как уже отмечалось выше, не вполне удовлетворены сделанным выбором. В результате, они хотя и готовы выполнять указания преподавателей, не обнаруживают подобной готовности в отношении преодоления трудностей и длительного напряжения сил. Следовательно среди студентов, материальное положение семьи которых было нестабильно, можно

отчётливо выделить по крайней мере две группы. Более многочисленная – исполнительные и трудолюбивые. Менее многочисленная – исполнительные, но весьма ленивые. Таким образом большая часть этих студентов подходит к процессу обучения в вузе серьёзно и неформально, в то время как меньшая часть – скорее формально выполняют требования преподавателей и администрации вуза. Можно констатировать, что трудолюбие студентов не связано напрямую с серьёзностью отношения к выбору вуза и ощущением правильности этого выбора. В целом более трудолюбивыми выглядят студенты, материальное положение семей которых так или иначе менялось. Стабильность же материального положения семьи студента в наибольшей степени детерминирует средний уровень его трудолюбия.

Высокие показатели обучаемости ассоциируются с ростом материального благосостояния семьи. Таким образом, студенты, материальный уровень семей которых улучшался характеризуются высокими показателями обучаемости. Студенты, материальный уровень семей которых оставался стабильным, характеризуются средними показателями обучаемости. Студенты, материальный уровень семей которых был нестабильным характеризуются низким уровнем обучаемости. Можно также констатировать, что чем труднее и нестабильнее было материальное положение семьи, в которой студент провёл своё детство, тем ниже он оценивает уровень своей обучаемости.

При оценке правильности выбора вуза и исполнительности мы обнаружили, что чем более тяжёлыми и неблагоприятными были материальные условия семьи, в которой воспитывался студент, тем более он склонен проявлять исполнительность в вузе. Соответственно, чем более стабильными были материальные условия семьи, в которой студент провёл своё детство, тем скорее он воспринимает выбор вуза как правильный. Нестабильность (что интересно даже в сторону улучшения) материального положения, снижает чувство правильности выбора. Как уже отмечалось выше, не менее существенным, с нашей точки зрения, является то, насколько обдуманно и внутренне обоснованным был выбор вуза.

4. При оценке правдивости ответов студентов на вопросы анкет, были обнаружены следующие тенденции. Наиболее высокими показателями правдивости

характеризуются студенты из семей, материальный уровень которых оставался стабильным. Студенты, материальный уровень родительских семей которых колебался, характеризуются средними показателями правдивости. Наконец наиболее низкими показателями правдивости характеризуются студенты, материальное положение семей которых улучшалось. Интересно отметить, что данная конфигурация результатов практически точно совпадает с теми, которые были получены в отношении оценки студентами правильности своего выбора. Следовательно, наиболее правдивые студенты принадлежат к семьям со стабильным уровнем благосостояния и склонны наиболее высоко оценивать правильность выбора вуза. Умеренно правдивые студенты из семей с колебавшимся уровнем материального благополучия, оценивают правильность выбора вуза как среднюю. Наконец студенты из семей с увеличивавшимся достатком, будучи наименее правдивыми и выбор вуза чаще других оценивают как ошибочный.

Студенты, материальное благосостояние семей которых увеличивалось, менее других склонны к неискренности. Напротив, студенты, материальное положение семей которых было нестабильным в наибольшей степени склонны к неискренности. Сопоставление этих результатов с показателями правдивости указывает на некий парадокс. Хотя однозначного объяснения этому факту сформулировать не представляется возможным, тем не менее можно выдвинуть некоторые предположения. Как уже отмечалось, студенты из семей с увеличивавшимся уровнем дохода характеризуются более высоким уровнем обучаемости и следовательно интеллекта (по крайней мере если говорить о самооценке студента). Противоположность им в этом отношении составляют как раз студенты из семей, материальное положение которых было подвержено сильным колебаниям. Как нам представляется, студенты из семей с увеличивавшимся уровнем доходов способны проявлять своеобразную «уклончивость» и «дипломатичность», в то время как студенты из семей с колебаниями благосостояния – напротив, «непосредственность» и некоторую «примитивность». Обращает на себя внимание и тот факт, что общая конфигурация результатов по данному показателю практически повторяет результаты, полученные для ориентации студентов на службу, подчинение, исполнительскую деятельность. Таким образом, студентам из семей, материальное благополучие которых было нестабильным, высоко ориентированным на

исполнительскую деятельность, свойственно весьма примитивное лукавство, желание наивными методами улучшить свой образ в глазах окружающих.

Студенты материальное положение семей которых было нестабильным, характеризуются наиболее высокими показателями самоконтроля. Напротив, студенты материальное положение семей которых было стабильным, характеризуются наиболее низкими показателями самоконтроля. Промежуточную группу, всё же более близкую к студентам из семей со стабильным благосостоянием, образуют студенты из семей с увеличивавшимся благосостоянием. Следовательно, неблагоприятные материальные условия семьи, в которой прошло детство студента, ассоциируется с высокими показателями его самоконтроля. Как уже отмечалось, этот факт ассоциируется также с неискренностью студентов и ориентацией их на исполнительскую деятельность, и таким образом с относительно низкими социальными притязаниями.

5. Профессиональные ориентиры, общая мотивированность профессиональной деятельности и дифференцированность профессиональной мотивации. Можно констатировать, что чем менее стабильным было материальное положение семьи студента в период его детства, в особенности, если оно время от времени ухудшалось, тем менее мотивирован он в целом на профессиональную деятельность после вуза. Можно отметить также, что общая конфигурация результатов очень сходна с той, которая была получена для показателей ориентации студентов на руководящую должность. Таким образом, можно расширить границы сформулированного обобщения. Студенты, материальное положение семей которых в период их детства было стабильным в большей степени ориентированы на профессиональную карьеру в широком смысле после окончания вуза и для них в большей степени является привлекательной руководящая деятельность. Напротив, чем менее стабильным было материальное положение семьи студента в период его детства, в особенности если имели место его ухудшения, тем менее мотивирован в целом студент на профессиональную деятельность и на руководящую деятельность в частности. Тем скорее для него становится привлекательной исполнительская, служебная деятельность, роль подчинённого. Можно констатировать, что студенты материальное положение семей которых было стабильным характеризуются скорее низкими показателями

дифференцированности профессиональной деятельности. Напомним, что ведущим мотивом обучения у этих студентов является получение диплома. Студенты, материальное положение семей которых было нестабильным, представляют собой в этом отношении противоположную группу и характеризуются высокими показателями дифференцированности профессиональной мотивации. Напомним, что ведущим мотивом обучения в вузе у них является получение профессии и, кроме того, они наиболее ориентированы на собственно профессиональную деятельность в узком смысле слова после окончания вуза. Студенты, материальное положение родительских семей которых улучшалось, образуют в данном случае промежуточную группу. Ведущим мотивом их обучения в вузе является любознательность, они наиболее обучаемы и более других студентов ориентированы на занятие бизнесом. Таким образом, если выстроить последовательность студентов по степени их идентификации себя с будущим дипломированным специалистом и по чёткости профессиональных ориентиров, то картина будет следующая. Наиболее сформированными профессиональными ориентирами обладают студенты из семей с нестабильным материальным уровнем, наиболее заинтересованные также в получении в вузе конкретной профессии. Несколько более неопределённые профессиональные ориентиры у любознательных и ориентированных на бизнес студентов из семей с улучшившимся материальным положением. Наиболее туманные профессиональные ориентиры у студентов из семей со стабильным материальным положением, видящим главный смысл обучения в вузе в получении диплома. Интересно, что при этом они наиболее склонны расценивать сделанный ими выбор вуза как правильный.

Список литературы

1. Немцов А.А. Отличия в мотивации получения высшего образования и профессиональных приоритетов студентов, являющихся единственными, старшими и младшими детьми в семье (Электронный ресурс)//Прикладная психология и психоанализ: электронный научный журнал. 2015. №1.
[URL:http://ppip.idnc.ru](http://ppip.idnc.ru)

2. Немцов А.А. Психологические проблемы изучения студенчества. Всероссийский форум научной молодежи «Шаг в будущее» - М.: 2011 – ISBN 978-5-900025-64-3 - С.39-43.
3. Немцов А.А., Кансузьян Л.В. К проблеме оценки учебной деятельности студента. Объединённый научный журнал 2006 № 26 декабрь – ISSN 1729-3707 – С. 30-37.
4. Немцов А.А., Кансузьян Л.В. Особенности высшего образования как процесса трансляции культуры. Интеллигенция в диалоге культур. М.: 2007 – ISBN 978-5-89513-074-2 – С.199-207.

Категория семейной идентичности в психологии семьи

Строкова С.С.

Дергаевская средняя общеобразовательная школа № 23, Раменское, Россия

E-mail: strokovass@gmail.com

Ключевые слова: психология семьи, семья, семейная идентичность, жизненный мир

Семейная психология строит сейчас свои рассуждения таким образом: есть семья, есть человек. Семья включена в контекст общества. Человек включен в систему семьи. Все эти контексты взаимосвязаны, соответственно, задаваясь целью изучения человека, надо, прежде всего, изучать его культурно-исторический контекст. Такая логика предполагает системный подход, который широко развивается в семейной психологии и является на данный момент одним из наиболее развиваемых как в теоретическом аспекте, так и в практическом. Мы же предлагаем рассмотреть всю систему связей, учитывая некий, скорее, третий субъект, появляющийся от соприкосновения индивида с контекстом. Это и не отдельная личность, а человек в системе общественных, в частности, семейных связей. Соответственно, у данного субъекта появляется некая

идентичность, определяющая его переживание относительно себя как члена семьи. Такое переживание мы называем семейной идентичностью [3].

Таким образом, человек, включенный в систему, рассматривает эту систему изнутри, тем самым ментально не вынося себя за рамки рассматриваемого образования, но рассматривая себя внутри этой системы, во всей ее полноте и временной протяженности, рассматривает себя как результат и источник этой системы. Он как бы не крупным планом всматривается в свою семью, а рассматривает ее с дальнего плана, охватывая ее во всем ее многообразии и сложности, оценивает, осознает, вчувствуется в своей опыт нахождения в системе семьи. Безусловно, идея идентичности сама по себе не нова. Достаточно популярно она развивается в психологии личности, рассмотренная наиболее полно впервые Э. Эриксоном [4]. Она представляет собой идею о том, как представляет себя человек, учитывая весь контекст: пространственный и временной.

Мы же ставили себе скромную задачу: понаблюдать: как человек переживает свое нахождение в семье: насколько он, вообще, рассматривает этот вопрос, если рассматривает, то каким образом, с какой «удаленности» – если уж мы выбрали пространственную метафору. И проведя необходимое исследование, мы заметили, что переживание опыта семьи можно рассмотреть с позиции жизненных миров, о которых говорит Ф.Е. Василюк [2]. От инфантильного, эгоцентрического жизненного мира, который проявляется в основном у младших подростков, судя по первичной обработке данных исследования; до творческого жизненного мира, когда человек осмысляет весь контекст собственных переживаний, вписывает их в опыт переживания семейных отношений, понимает, почему ситуация сложилась так, а не иначе. Творческий жизненный мир определяется возможностью посмотреть на весь контекст жизненной ситуации человека с высоты птичьего полета: в его протяженности во времени и пространстве. Такая аналогия соотносится с предложенной нами ранее идеей об условном выделении статусов семейной идентичности, основываясь на дифференциации Дж. Марсиа статусов личностной идентичности [3].

Итак, инфантильный жизненный мир соответствует диффузному статусу семейной идентичности. Реалистический жизненный мир – принятому. Ценностный – статусу моратория. Творческий – достигнутой семейной идентичности. Но более

подробно и аргументированно мы рассмотрим эти соответствия позже, поскольку в данный момент необходимо вести еще одну категорию для более полного осмысления явления семейной идентичности. Мы рассматриваем 4 аспекта семейной идентичности: эмоциональный, поведенческий, ценностный, когнитивный [3].

Итак, представим в наглядном виде все рассматриваемые нами категории, чтобы затем описать их соотношение.

<i>Жизненный мир</i>	<i>Статус семейной идентичности</i>	<i>Аспект семейной идентичности</i>
инфантильный	диффузный	эмоциональный
реалистичный	принятый	поведенческий
ценностный	мораторий	ценностный
творческий	достигнутый	когнитивный

Таким образом, все эти три группы категорий увязываются в одну теорию, предполагающую их взаимное соответствие. Рассмотрим попеременно все 4 возможных соответствия.

Инфантильный жизненный мир, подробно описываемый в работе Ф.Е. Василюка [2], кратко можно определить как пассивное мировосприятие, простое, безынициативное «плавание по течению» обстоятельств. Такой жизненный мир соответствует диффузному статусу идентичности: восприятие ситуации идет изнутри, как она есть, не осмысляя ее. В этом случае не представлены сколько-нибудь полно такие аспекты семейной идентичности, как поведенческий, ценностный, а также когнитивный. Присутствует эмоциональный аспект как основной способ реагирования на ситуацию. Не осмысления ее, не изменения, но лишь эмоционального реагирования. Для такого жизненного мира характерно стремление к получению удовольствия: то есть ребенок, получающий от семьи все, что нужно, у которого все потребности удовлетворены, безоблачно счастлив. Но при неудовлетворении потребностей, он глубоко, полярно несчастлив, неутешен. Но, поскольку человек не может долго находиться в таком

состоянии беспробудного неудовольствия, он пытается избежать ситуации, которая так или иначе помещает его в это состояние, соответственно, он избегает разговоров о семье, упоминаний о семье. Эта тема для него болезненна, и он, как может, защищает себя на уровне инфантильного жизненного мира. Семья и весь окружающий мир представлен у такого субъекта слитно, образ семьи не дифференцирован, отрывочен, как бы намеками пока еще, не выходя целостно на сколько-нибудь осознаваемый уровень, человек не выделяет себя из семьи. Аспект семейной идентичности в таком случае предстает как основной способ переживания семейной ситуации. Здесь мы наблюдаем лишь эмоциональный аспект, выражаемый, в общем-то, оценочными категориями: «мне это нравится»/ «мне это не нравится». Кстати, это является достаточно популярным способом реагирования в сегодняшнем мире: «лайк» или «игнор», «удалить». Но природа такого дихотомического реагирования, его популярности в наши дни, воспитывающего простой, инфантильный, эгоцентрический способ переживания происходящего – не предмет нашего внимания сейчас. Возможно, многие и более взрослые люди ограничиваются таким способом реагирования, характерным для ребенка и большинства младших подростков – судя по первичной обработке данных нашего исследования.

Но мы рассмотрим другие, более сложные варианты реагирования, соответствующие другим введенным категориям. Ф.Е. Василюк описывает *реалистичный* жизненный мир как внешне трудный, но внутренне – простой, что значит присутствие у человека определенного представления о мире, способности реагировать на него не только выражением собственного удовольствия или неудовольствия, но не совсем осознанными, но уже действиями. Такое мироощущение соответствует статусу принятой идентичности, когда не было кризиса, не было осмысления ситуации в семье, собственного переживания семейного опыта, но данные внешним опытом представление о семье есть. Существуют поставленные, возможно, цели, существуют транслируемые обществом и другими членами семьи ценности и т.д. Однако не было их сколько-нибудь полного осмысления и личного принятия, скорее пере-нятие. Такой статус семейной идентичности мы узнаем в «поведенческом» описании семьи: семья представляется как «место, куда все приходят вечером», «работает, учится», «занимается спортом».

При принятом статусе семейной идентичности, при условии, что он сохраняется достаточно долгое время, человек пытается построить привычную для него систему отношений, которую он считает единственно верной, неоспоримой.

Ценностный жизненный мир характеризуется уже внутренней сложностью, но внешней простотой. В применении к семейной идентичности мы говорим о статусе моратория, когда идет борьба ценностей, борьба теорий и предположений относительно того, что есть семья, что есть семья для меня, как я себя в ней чувствую и т.д. В таком случае, мы говорим об основном затрагиваемом аспекте семейной идентичности – ценностном. Признается ценность семьи как таковая, однако нет еще осмысления, а в чем содержательно состоит ценность семьи для данного субъекта. При таком статусе в ответах испытуемых мы наблюдаем сложность, противоречивость образа семьи, однако, в отличие от описанных выше статусов, в этом случае идет активная работа по сопоставлению представленных в сознании ценностей, их компоновке, составлению иерархии, попытке понимания собственного места в семейной системе.

И, наконец, *творческий* жизненный мир, как мы уже описывали, характеризуются внешней трудностью и внутренней сложностью [2], что значит умение рассмотреть целостно переживание семейной ситуации, умение оперировать различными аспектами семейной идентичности, осознавать всю сложность семейной системы и своего положения в ней.

Таким образом, в контексте семьи как основной общественной единицы, в которой воспитывается ребенок, мы анализируем его переживание общения в целом, взаимодействия с внешним миром: от пассивной, принимающей, требующей позиции ребенка – к активной позиции строителя, создателя, творца. В таком случае мы уже говорим о межличностной идентичности, воспитываемой в семье. Семейная идентичность, таким образом, становится основой межличностной идентичности: «я для других» как в тесте «Я в трех проекциях»: как я переживаю себя в отношениях семейных. Говоря о статусе семейной идентичности, необходимо оговориться, что это не окончательное законсервировавшееся определение характера переживания человека, а скорее констатация того состояния, в котором он находился во время исследования его семейной идентичности. К примеру, взрослый сознательный человек, способный к

творческому мироощущению, может иногда находиться и в инфантильном жизненном мире, переживания непосредственно происходящее, не осмысляя, а как бы находясь в этом. повинуюсь происходящему. В другому возрастном периоде человек, наоборот, может быть способен лишь к одному уровню переживания семейной идентичности. Если он не способен пережить «навалившийся грузом» опыт: развод родителей, опыт «оставленности родителями» и другие травмирующие ситуации, он уходит от переживания, но не уходит от опыта: эмоции остаются, но не идет процесс по другим аспектам. Тогда травматический опыт, скорее всего, будет проигрываться, воспроизводиться, если он не осмысляется. И тогда мы видим замечаемую многими тенденцию дочерей-алкоголиков выбирать себе партнеров с зависимостями и младших сиблингов, ищущих партнеров, обладающими чертами старших сиблингов. Здесь наши рассуждения логично приходят к упоминанию позиции М. Боуэна относительно уровня дифференциации [1]. Разница данных размышлений с нашими – в их контекстуальном различии, а также в степени разграничения различных уровней дифференциации, что в нашем тексте мы описываем в частности в категории статуса семейной идентичности. Кроме того, в нашем понимании семейной идентичности нет однозначного оценивания статусов как хорошего или плохого, и что человек должен стремиться к более высокому статусу. Но при психотерапевтической помощи клиенту, к примеру, обладающему диффузным статусом идентичности, стоит попытаться помочь ему встретиться до конца, целостно с его переживанием семейной системы на эмоциональном уровне, затем в описании ситуации – на поведенческом уровне, затем – на ценностном уровне – помочь решить избегаемый до этого конфликт существующих ценностей, затем – осмыслить и принять на когнитивном уровне семейную ситуацию. В таком случае терапевт помогает клиенту постичь культуру переживания себя в семье, что обуславливает его активную позицию в построении дальнейших отношений.

Список литературы

1. Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна// Московский психотерапевтический журнал. 2005. №1. С. 137-146.

2. Василюк, Ф.Е. Психология переживания – М.: МГУ, 1984. – 240с.
3. Строкова С.С. Направления изучения семейной идентичности в психологии// Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т.22. №3. С.8–22.
4. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд., 1963. 200 с.

Субъектные характеристики студентов из разных типов семьи

Токарева И.Н.

Российский государственный гуманитарный университет,

Институт психологии им. Л.С. Выготского;

itokareva65@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы субъектности в психологии и результатов эмпирического исследования субъектности студентов вузов. В данной работе проанализированы особенности включения в учебно-профессиональную деятельность студентов из разных типов родительской семьи. В статье показано, что на форму проявления субъектности личности специфическим образом влияет тип родительской семьи: при увеличении показателей признаков нуклеарной семьи снижается направленность активности на свой субъективный мир, а также активность в выборе способов реализации субъектности.

Ключевые слова: организация субъектности, направленность активности, субъективный контроль, стратегии поведения.

В последние десятилетия в отечественной психологии существенно возрос интерес исследователей к проблеме субъектности личности. Актуальность исследований феномена субъектности обусловлена не только логикой развития самой науки, но и

значимостью, которую организация субъектности личности играет в решении жизненных задач в условиях макросоциальных изменений, которые наука отражает.

В многочисленных исследованиях, посвященных анализу феномена субъектности (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, В.А. Барабанщиков, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков и др.), подчеркивается его социо-культурная природа. Нами предпринята попытка конкретизировать представление о психологической организации субъектности на примере проявления субъектной активности студентов вузов в зависимости от типов родительской семьи (нуклеарной и расширенной), как первой социальной системы взаимоотношений, в которую ребенок включен с первых дней жизни.

В исследовании (Токарева, И.Н., 2014) за основу принимается представление о субъектности как о способности личности организовывать действие, процессы, в соответствии с определенной логикой (Барабанщиков, В.А. , 2002), (Гальперин, П.Я., 2003), (Леонтьев, А.Н., 1975), (Шабельников, В.К., 2004). Анализ специфики проявления субъектности личности и детальное рассмотрение основных подходов к изучению субъектности позволил нам определить параметры организации субъектности: - направленность активности на объекты внешнего мира или на свой внутренний мир; - субъективная интерпретация и осмысленность жизненных изменений, как личностный фактор контроля, регуляции и организации активности; - выбор способов реализации субъектности в поведении. Изучение организации субъектности студентов осуществлялось с помощью нескольких методик: «Опросник субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях», «Уровень субъективного контроля», «Психологическая автобиография», «Опросник стратегий поведения в значимых ситуациях». Для определения типа семьи использовалась модифицированная методика «Тип семьи».

Эмпирическое исследование направленности активности показало («Опросник субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях»), что у студентов из расширенной семьи сильнее проявляется общая направленность на свой внутренний мир ($,559^{**}$), сильнее выражено стремление к развитию и изменению при взаимодействии с жизненными ситуациями ($,773^{**}$). У них выражено стремление уделять

внимание своему внутреннему миру (579^{**}), сильнее выражена преобразовательная активность в жизненных ситуациях ($,613^{**}$). При этом, в нуклеарной семье, студенты проявляют большую активность в планировании своей жизни ($,482^{**}$). Рассмотрение проблемы взаимосвязи между типом семьи и типом субъект-объектных ориентаций с помощью критерия хи-квадрат показало, что в нуклеарной семье значимо чаще ($p < 0,05$) встречается тип «Пользователь жизненной ситуации». Представители данного типа это люди действия, ориентированные на достижение жизненного успеха. Стремление извлечь практическую пользу из тех или иных занятий отражает их трезвый взгляд на жизнь, определенную прагматичность. В расширенной семье значимо чаще ($p < 0,05$) встречается тип «Гармонизатор жизненной ситуации», характеризующий людей, открытых жизненному опыту, стремящихся согласовывать свои поступки с тем, что предлагает жизнь. Результаты исследования уровня субъективного контроля показали, что интернальность в разнообразных событиях своей жизни у студентов из нуклеарной семьи проявляется значительно слабее ($-,194^{**}$). В интерпретации успехов ($,112^*$) и неудач ($,212^{**}$), а также значимых событий в семье ($,276^{**}$) и на работе ($,118^*$) представители расширенной семьи чаще, чем представители нуклеарной семьи ориентируются на результаты собственных действий.

Анализ результатов исследования особенностей восприятия значимых жизненных ситуаций (отношения и осмысленность событий своей жизни), полученных по методике «Психологическая автобиография», показал, что у студентов из расширенной семьи сильнее выражено стремление воспроизводить образы своей жизни ($,123^*$), сильнее выражена глубина переживаний, связанных с образами значимых событий своей жизни ($,187^{**}$). В оценке жизненных перемен для представителей нуклеарной семьи по сравнению с представителями расширенной семьи менее значим прошлый опыт ($-,176^{**}$), ($-,169^{**}$). При этом у них менее выражено чувство беспокойства за будущее ($,158^{**}$). Что в целом отражает их ориентацию на текущие жизненные изменения.

Анализ результатов исследования организации поведенческой активности, полученных по методике «Опросник стратегий поведения в значимых ситуациях», показал, что активность в выборе способов реализации субъектности в поведении сильнее проявляется у студентов из расширенной семьи. В своей жизни они в большей

степени, чем представители нуклеарной семьи ориентируются на организацию межличностных взаимодействий (,114*), (,110*) и внепрофессиональную деятельность (,150*). Что свидетельствует о более разносторонней и многогранной реализации субъектности в жизненных ситуациях у представителей расширенной семьи. Результаты применения двухфакторного дисперсионного анализа показали, что различия в количестве воспроизведенных субъективных переживаний образов прошлого у мужчин из разного типа семей значимо более выражены, чем у женщин. Т. е. тип семьи в большей степени влияет на изменение организации субъектности у мужчин, чем у женщин. Мужчины из расширенной семьи в организации активности чаще обращаются к истокам, традициям, опыту поколений. Мужчины же из нуклеарной семьи, будучи менее обремененными родовыми связями, свободнее включаются в освоение профессии, быстрее абстрагируются от прошлого опыта. Тип семьи меньше влияет на организацию активности женщин, т. к. в любых условиях женщины не могут изменить свое главное предназначение – быть центром семейного очага, воспитывать детей, что предполагает более сильную зависимость женщин от семейных проблем, что даже в нуклеарных семьях влечет за собой обращение к опыту прошлого.

В целом, полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что субъектность у представителей расширенной семьи связана с более выраженной обращенностью к своему внутреннему миру, а представителей нуклеарной семьи – к внешним условиям жизни. Это связано с тем, что система межличностных отношений в расширенной семье находится в большем раскогласовании со студенческой деятельностью, чем в нуклеарной семье. Представители расширенной семьи более сложно включаются в деятельность за пределами семьи, что требует более активного включения ориентировки личности в организации собственной субъектности. Нуклеарные семьи, в большей степени вовлечены в современные общественные формы деятельности. Субъектность респондентов из нуклеарных семей более автоматизирована и не требует столь сложной ориентировки для своей организации, как у представителей расширенных семей.

Список литературы

1. Барабанщиков, В.А. Восприятие и событие / В.А. Барабанщиков. – СПб.: Алетейя, 2002. – 512 с.
2. Гальперин, П.Я. Психология как объективная наука: избранные психологические труды / П.Я. Гальперин; под ред. А.И. Подольского. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2003. – 480 с. – (Серия «Психологи России»).
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
4. Токарева, И.Н. Особенности проявления субъектности у студентов из разных типов родительской семьи: монография / И.Н. Токарева; под общ. ред. В.К. Шабельникова. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 108 с. ISBN 978-5-7017-2242-0.
5. Шабельников, В.К. Функциональная психология / В.К. Шабельников. – М.: Академический Проспект, 2004. – 592 с.

«Значимый другой – Ожидаемый другой» как модель воспитательных отношений в семье

Усольцева И.В.

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт изучения детства, семьи и воспитания российской академии образования»,
Москва, Россия
iv-usoltseva@yandex.ru*

Целью статьи является рассмотрение теоретической модели семейного воспитания как взаимоотношений между родителями как Значимыми другими и детьми как Ожидаемыми другими. Основное внимание уделяется рассмотрению факторов, которые влияют на эти отношения во время жизни семьи.

Ключевые слова: воспитание, семейное воспитание, родители, дети, ценности.

Для большинства психологов, педагогов, социологов очевидно, что развитие личности ребенка начинается в семье. Большинство исследователей к основным источникам, движущим силам развития ребенка в семейной системе относят отношения между членами семьи, но также и структурные факторы (размер семьи, ее тип, социально-экономические факторы и т.д.), опосредованно влияющие на отношения в семье.

Современная семья достаточно сильно отличается от традиционной семьи, существовавшей еще в начале прошлого века, и по своей структуре, и по своим функциям, и по характеру отношений между ее членами и т.д. Современная семья малодетна, чаще совместно проживает два, иногда три поколения семьи, роли отца и матери сильно трансформированы, а влияние расширенной семьи достаточно слабое. Многие варианты отношений между людьми, юридически пока не относящиеся к семье, фактически рассматриваются членами общества как варианты существования семьи (гомосексуальные, добрачные отношения, раздельное проживание и т.д.).

И хотя мы не в полной мере можем оценить и количественно зафиксировать влияние отношений с каждым из родителей и прародителей, с расширенной семьей, с предками ребенка в широком понимании этого слова, все же семья определяет многие черты личности ребенка, создает условия для освоения им социальных ролей, обретения ценностей и смыслов. И происходит это вне зависимости от типа семьи, исторического, культурного, социального и иного ее своеобразия.

И здесь мы сталкиваемся с острой научной проблемой: сосредотачиваясь только на межличностных отношениях в семье, психологи достаточно хорошо изучили их отдельные проявления (в первую очередь, из-за своих видимых негативных последствий для развития личности ребенка): стили семейного воспитания, детско-родительские отношения, супружеские конфликты и пр.

Однако что же такое семейное воспитание как особое явление, целостный психологический феномен известно существенно меньше. В этом смысле мы наблюдаем

определенный разрыв в научном познании семьи, когда изучением отношений в широком смысле слова занимаются психологи, а таким важнейшим аспектом отношений между членами семьи как воспитание – педагоги.

Существуют определенные проблемы с психологической трактовкой понятия «воспитание» в отечественной психологии, не только концептуально-понятийные, но и эмоционально-ценностные, вытекающие из необоснованного отождествления «воспитания» с наказанием и принуждением. «Исчезновение» воспитания как позитивно окрашенного явления из научных исследований своим следствием имеет и отказ от таких позитивных его коннотатов как «дисциплина», «уважение», «соблюдение правил». Не в этом ли одна из причин сложного состояния нравственности российского общества, зафиксированная в исследованиях ИП РАН (Юревич А. В., Юревич М. А., 2012)?

И для семейного воспитания утрата позитивного значения «воспитания» имеет особенно деструктивный характер с точки зрения пролонгированных социальных последствий. Связь воспитания с будущим составляет одну из смыслообразующих характеристик имплицитных концепций воспитания родителей и старшего поколения семьи. Согласно данным нашего исследования, в котором приняли участие 346 родителей и прародителей, более 65% всех опрошенных ассоциировали понятие «воспитания» с понятием «будущее».

Попытки подменить систематический, взвешенный, учитывающий и положительные и отрицательные моменты анализ семейного воспитания призывами психологов «любите ребенка таким, какой он есть!», на наш взгляд, есть следствие исчезновения категории «общественное» (сознание, действие и т.д.) из психологии.

Вытеснение проблематики воспитания, особенно семейного воспитания, приводит к сужению, редукции отношений «общество-взрослый-ребенок» до отношений «взрослый-ребенок». Как несложно заметить, исчезает общество – необходимая для существования человека и (в условиях современных рисков) всего человечества общность.

В этом случае ребенок будет восприниматься как инородное, можно даже сказать как чуждое и\или враждебное, обществу существо, то есть ребенок с этих

методологических и мировоззренческих позиций не обладает социальной, общественной природой.

Но ребенок, еще не родившись или даже не будучи зачатым, а еще в мыслях о нем и в отношении к нему его будущих родителей, уже член именно этого, а не какого-то другого общества, потому что на эти мысли и отношение к нему родителей общество влияет самым непосредственным образом, (экономическая ситуация, доступность и качество медицины и образования и т.д.). Ребенок принадлежит обществу, он – часть общества, а с исчезновением воспитания из научных исследований логично и закономерно исчезает и общественная (социальная) природа ребенка.

Приведем пример того, как эти методологические установки практически нашли свое отражение в государственном документе – в «Стратегии развития воспитания в РФ», в во второй версии которого можно было прочитать о том, что «воспитание – это деятельность, направленная на интеграцию ребенка в общество ...» (с. 4), «свободный ответственный гражданин» «должен искать свою нишу в условиях реального существования» (с. 7).

Такая позиция авторов документа, будучи редуccionистской по своей методологической природе, низводила все подрастающие поколения России к существованию животных, как раз и характеризуемому в биологии необходимостью адаптации, приспособления, нахождения (экологической) ниши для своего выживания и т.д.

В этой связи принцип субъектности воспитания, заявленный в этом варианте Стратегии (с. 2), оказывался декларативным и не мог быть использован принципиально, поскольку адаптация противоречит активности, приспособление – автономности, выживание – целостности. (Целостность, автономность и активность – системообразующие качества субъекта с точки зрения крупнейшего исследователя психологических проблем субъектности А.В. Брушлинского).

Проблемы собственно человеческого существования, специфики родовой человеческой сущности и проблемы обретения ребенком этой сущности в ходе взросления, которые могут быть отнесены к наиболее общим целям воспитания в любом обществе, в этом документе не ставились

Процитированная вторая версия Стратегии не была, к счастью, принята. Документ был существенно переработан, психологическая «окраска» документа была немного подправлена общественными поправками. Но для нас история этого документа – печальная реальность отечественной психологической науки в области воспитания. В качестве другого «крена» психологических исследований воспитания приведем еще один пример из первого варианта данной Стратегии, в котором цель воспитания была сформулирована как создание условий для личностного роста ребенка.

С методологической точки зрения все правильно: отношения «взрослый-ребенок», прочно ассоциированные в современной российской психологии с отношениями в семье, образовании и т.д., это отношения личности с личностью, которые существуют вне исторического времени, вне социального пространства. Вне общества. Понятие «личностного роста» выступает одним из аспектов общефилософской идеи прогресса, предполагающей, что развитие имеет только положительную динамику, поступательный характер. Идея личностного роста уже в самом названии как бы не допускает регресса, ретардации, акселерации, асинхронии, аномального течения и других вариантов развития личности. На умозрительный характер этой идеи указывают трудности с выделением критериев такого личностного роста, что является, с нашей точки зрения, весьма существенным препятствием для включения личностного роста в цель воспитания.

Развитие личности ребенка в этом случае видится исключительно положительным и управляемым, а реальная малая предсказуемость и часто существующие негативные результаты воспитания трактуются как побочные явления, не имеющие под собой сколько-нибудь серьезных оснований. Построенные на таких ожиданиях прогнозы о результатах воспитания часто демонстрируют свою прогностическую слабость и малую эффективность, поскольку негативные явления не предвидятся как возникающие закономерно и неотвратно, и не регулируются, так как попадают в категорию ошибки, просчета. По отношению к воспитанию такие представления о развитии личности оказываются особенно деструктивными, ведь негативные изменения в личности ребенка и подростка в свете таких представлений воспринимаются как провал воспитания, а не как закономерный процесс всестороннего, а не только поступательного развития.

Таким образом, возможности для беспристрастного психологического исследования воспитания и разработки практических рекомендаций оказываются в психологии нереализованными. И родители, профессиональные воспитатели остаются, по сути, один на один, с необходимостью корректировать свои воспитывающие отношения с учетом требований исторического времени, социального пространства, то есть требований современного общества.

Поэтому разработка теоретических моделей воспитания в психологии с учетом требований общества как полноправного компонента воспитания представляется нам чрезвычайно актуальной научной задачей. В своем докладе мы постараемся представить авторскую модель семейного воспитания как отношений между родителями как Значимыми другими и детьми как Ожидаемыми другими. В нашей модели видение ребенка как Ожидаемого другого и является попыткой интегрировать общество в психологические представления о семейном воспитании.

Наиболее общее представление о воспитании определяет его как целенаправленную (имеющую кем-то цель), сознательно реализуемую (идет от (со)знания и обращено к (со)знанию) и однонаправленную (от взрослого к ребенку) деятельности. ИмPLICITные теории семейного воспитания, высказываемые родителями, собственно и отражают этот его аспект: ради чего-то в будущем (называется цель: «чтобы был счастлив», «чтобы хорошо учился», «чтобы ладил с другими» и т.д.) необходимо постоянно, систематически (указываются как раз обращенные к сознанию действия: «объяснять», «заставлять», «повторять», «внушать» и т.д.) воздействовать на ребенка. Конечно же, есть и «другой» план воспитания, который реализуется родителями в непосредственном, спонтанном поведении, поступках, эмоциональных высказываниях и оценках. Этот воспитательный план родителями, как правило, не осознается, мало контролируется со стороны их воспитательных установок, но часто именно он оказывается более действенным в семейном воспитании.

Оба плана семейного воспитания предполагают отношения между родителями и детьми, результатом которых выступает личность ребенка как социально детерминированная сущность, в противовес биологической данности ребенка как организма. Характерно, что приставка «вос» («восходить») в слове (вос)питание, как и

приставка «up» (вверх) в английском слове «upbringing» отсылают нас к вершинной психологии по Л.С. Выготскому, охватывающей явления ценностно-смысловой природы, в противовес познавательным и даже социальным (отношениям между людьми) явлениям и процессам.

В литературе высказываются мнения, что именно близкие, эмоционально-ценностные отношения в семье выступают источником семейного воспитания, так как такой характер отношений мало присущ отношениям между субъектами воспитания в других институтах социализации. Однако отношения в семье отнюдь не всегда были и не всегда являются близкими или эмоционально-теплыми, не все отношения между членами семьи имеют воспитательную направленность и воспитывающий эффект. Функции современной семьи (а воспитание – только одна из функций семьи, хотя и выделяемая большинством исследователей) разнообразны, разнообразны и отношения, в которые вступают члены семьи для их реализации. Хотя все они в совокупности обеспечивают условия для реализации воспитательных усилий членов семьи, следует особо выделять те отношения, которые выступают источником, катализатором развития личности в процессе семейного воспитания.

В теоретическом плане нам представляется важным ввести в область психологии семейного воспитания понятие «Значимый другой», которое достаточно успешно используется для изучения и объяснения психологической реальности в других областях психологии. Понятие «Значимый другой» было введено Г. Салливаном для объяснения влияния отдельных личностей на других и в этом качестве прочно вошло в корпус социальной психологии, оказываясь сопряженным с понятиями «референтность», «авторитет», «лидер», «власть», и т.д., отражая различные аспекты межличностного влияния. В отечественной психологии категория «Значимый другой» разрабатывалась И. Г. Дубовым, В. Н. Князевым, А.А. Кроником, М. Ю. Кондратьевым, Ю. М. Кондратьевым, А.В. Петровским, В.А. Петровским, И.В. Усольцевой, Е.А. Хорошилово, Н. Б. Шкопоровым и другими в первую очередь с связи с проблематикой развития личности, особенно в подростковом и юношеском возрастах. Открытость глубинному диалогу с конкретным другим, допускающая возможность изменения личности в ходе этого диалога, обусловлена значимостью этого другого для личности, а само наличие

реальных изменений может служить критерием этой значимости (Леонтьев Д.А., 2003, С. 21). Вместе с тем, эмпирические исследования (Дубов И.Г., 1991, Кондратьев М. Ю., 1994, Князев В. Н., 1983, Хорошилова Е.А., 1984, Шкопоров Н. Б, 1980 и др..) показывают ограниченность круга значимых других, способных оказать на личность воздействие, выходящее за пределы актуального взаимодействия и выражающееся в перестройке ее смысловых структур. В литературе выявляются заметные расхождения при определении средних показателей числа значимых других. Круг значимых других, по данным разных авторов, составляет 5,0 - 7,45 человек (от 5,5 до 8,7 - для женщин и от 5,0 до 7,4 - для мужчин). С нашей точки зрения, характерной особенностью взаимоотношений внутри семьи является то, что каждый из субъектов этих взаимоотношений является для другого личностно значимым, в противном случае при формальном взаимодействии, направленном на решение только режимно-обучающих задач в семье, собственно воспитания не происходит. Исходя из этого понимания связи семейных отношений и семейного воспитания, суть семейного воспитания видится нам в системе отношений «значимый другой – ожидаемый другой».

Личность взрослого входит в круг «значимых других», что означает, что такой взрослый и способен оказать реальное влияние на формирование личности ребенка, (вос)питать в нем социально приемлемую индивидуальность и психологически необходимую стабильность. Изначально это вхождение связано с биологической несамостоятельностью родившегося ребенка, тотальной зависимостью его выживания («питания») от другого. На более поздних этапах возрастного развития круг значимых других расширяется, включая тех, кто обеспечивает ребенку, говоря метафорически, его «питание» новыми мотивами, ценностями и смыслами, реализует его воспитание. Для того, чтобы взрослый стал значимым для формирования личности другим, должен соблюдаться ряд условий: чем младше ребенок, тем выше требования к пространственно-временной близости взрослого и ребенка, чем старше – тем выше требования к содержательной наполненности их отношений, способности взрослого к самораскрытию, готовности к диалогу на равных.

Социальная детерминированность воспитания и находит свое воплощение в понятии «ожидаемый другой». Ожидаемый другой – это идеальный образ, более или

менее осознанный, имеющийся у взрослого, с которым сравнивается ребенок. Этот идеальный образ отражает представления взрослого о том, что ждет общество от ребенка, чтобы ребенок был этим обществом принят. И в этом идеале есть и нереализованные желания родителей, и их представления о счастье, успешности ребенка, и их представления о том, каковы средства достижения этого счастья в условиях жизни данного общества. Именно этот образ ожидаемого другого выступает для родителей стимулом для применения тех или иных воспитательных воздействий, совпадение с ними результатов их воспитания, выраженных в качествах характера ребенка, его школьной и позже - социальной успешности, вызывает удовлетворенность своей воспитательной миссией, рассогласование – недовольство и т.д.

В диаде «значимый другой – ожидаемый другой» не обязательно, чтобы значимым другим выступал взрослый, а ожидаемым другим – ребенок. Конечно, семейные, особенно воспитывающие отношения, ассиметричны – взрослый человек ближе к обществу и его требованиям, но если ребенок – не значимый другой для родителя, воспитание превращается в муштру или осуществляется только на публике.

Но и взрослые для ребенка – ожидаемые другие в области воспитания. Их осознаваемые ожидания более материальны (купят-не купят, отпустят- не отпустят), но есть и менее сознательная жажда видеть, слышать, чувствовать от родителя ожидания в отношении себя, жажда узнать своей идеальный образ, имеющийся у родителей. Именно эта потребность стоит за бесконечными детскими вопросами, обращенными к родителям, о том, ждали ли они девочку или мальчика, хотели ли именно такого, как он, она, являются ли они хорошими с точки зрения родителей и так далее.

С течением времени отношения между детьми и родителями меняются, повзрослевшие дети сами становятся воспитателями и не только для своих детей, но и для своих состарившихся родителей. Наступает новый виток развития в системе отношений «значимый другой – ожидаемый другой» в семье. Взрослые дети ожидают от родителей определенного поведения (заботы о своем здоровье, заботы о своих внуках, их детях, освоения технических новинок и т.д.) и для их достижения они используют разные воспитывающие родителей способы воздействия.

Еще одной характерной чертой семейного воспитания как системы отношений «значимый другой – ожидаемый другой» является воспитательный плюрализм: в семье идеалов достаточно много, ребенок оказывается разным ожидаемым другим для разных членов семьи. Необходимость примирять внутри себя разные требования к себе, разное отношение к себе составляет необходимое условие взросления и обретения автономии подрастающих детей. Существуют трудности в семейном воспитании, обусловленные полярностью отношений значимых других и ожидаемых других. Среди них можно назвать следующие:

- в образе ожидаемого другого не учитываются требования общества, что служит основой для девиаций,

- ожидаемый другой является знаемым, но реально не принимаемым взрослыми идеалом, что ведет к слабости, декларативности воспитательных воздействий,

- отсутствие переживания детьми личностной значимости взрослого, он «должный», а не значимый другой, любые воспитательные воздействия выполняются лишь формально, не приводя к структурным преобразованиям в личности воспитываемого. В литературе, в первую очередь психологической, достаточно часто высказывается мнение, что родительские ожидания являются одним из факторов невротизации ребенка из-за расхождения у родителя образа «ожидаемого другого» и реального ребенка. Но сложно себе представить, что было бы с семьей, обществом, самим ребенком, если бы родители не воспитывают своего ребенка, исходя из своих идеальных (а не идеализированных) представлений о ребенке. Идеальный характер ожидаемого другого является отражением существовавших во все времена моделей должного, определяющих допустимое сочетание требований общества и требований природы человека. Этот образ аккумулирует значимые для семейного воспитания оппозиции «долг-свобода», «обособление-принадлежность», которые обеспечивают семейную целостность и силу эмоциональной привлекательности значимых других в семье. В этих идеальных представлениях, обозначенных нами как «ожидаемый другой», с необходимостью должен существовать «зазор» между реальным ребенком и его идеальным образом, без такого «зазора» ребенку некуда, да и незачем было бы развиваться. Благодаря этому расхождению между реальным ребенком, с его конкретно-

ситуативным уровнем овладения своим телом, обусловленным возрастом, индивидуально-психологическими особенностями, и его идеальным, ожидаемым в будущем, образом другого, задающего ценностно-нормативную стабильность поступков, отношений с собой, миром и другими, поддерживается необходимостью воспитывать, возводить ребенка к этому идеальному образу через преодоление сиюминутных, временных потребностей и желаний. Можно только предположить, что часть затруднений в воспитании связана с тем, что родителей недостаточно учат воспитывать своих детей: ставить реалистичные воспитательные цели, осознавать разницу в требованиях общества и возможностях ребенка и т.д. Ведь основной инструмент семейного воспитания – это личность родителя как воспитателя, его сформированные воспитательные компетенции (знание механизмов воспитания, учет возрастных, индивидуально-психологических особенностей своих детей), осознание и принятие своей воспитательной миссии, наполнение ее эмоционально-ценностным содержанием, систематичность и непротиворечивость своих воспитательных воздействий и т.д. При исследовании семейного воспитания особенно актуален вопрос о видах и формах таких отношений между личностью и другим, которые позволили бы другому выступить для личности условием и источником ее развития, то есть стать личностно значимым, в противном случае развитие личности может и не состояться. Согласно нашим представлениям, механизмом развития личности, связанным с системой отношений «значимый другой – ожидаемый другой», выступает идентификация - самопознание через определение своего места среди значимых других, самопринятие, обретение своих ценностей и смыслов, способность самому производить личностные смыслы, занимая другую позицию в семейной системе. В условиях нарушения взаимодействия в системе отношений «значимый другой – ожидаемый другой» механизмом развития личности в процессе семейного воспитания выступает интроекция - некритическое принятие норм и ценностей других людей, отказ от поиска, а затем и самостоятельного производства ценностей и смыслов. В этом случае выросший ребенок оказывается неспособен перейти из роли ожидаемого другого в категорию значимого другого, оказывается неспособен предложить уже своим детям ориентиры для их развития в конкретном обществе и реализовать их в семейном воспитании. Метафорически можно сказать, что такой

Ожидаемый другой оказывается «ожидающим» другим, отчетливо проявляя слабость социальной позиции «воспитателя» в семье и в обществе.

Таким образом, согласно нашим теоретическим представлениям, в процессе семейного воспитания взрослый выступает в качестве значимого другого для воспитываемого, а воспитанник является ожидаемым другим для самого взрослого. Ожидания взрослого, формирующие ребенка, являются опосредованием требований общества к своим членам. Взаимодействие Значимым другим и Ожидаемым другим выступает в качестве одного из условий и одновременно движущих сил развития личности обоих «участников» этого процесса, обеспечивая воспитание в семье, существующей в историческом времени и социальном пространстве конкретного общества.

Список литературы

1. Дубов И. Г. Проблема «значимого другого»: терминологический аспект // Индивидуальность педагога и формирование личности школьников. Даугавпилс, 1988.
2. Дубов И.Г., Смирнов Л.М. Особенности восприятия значимых других старшеклассниками. // Вопросы психологии. 1991. № 3. С. 30-36.
3. Кондратьев М. Ю. Подросток в системе межличностных отношений закрытого воспитательного учреждения. - М.: ФИСО, 1994.
4. Князев В. Н. Психологические особенности понимания личности значимого другого как субъекта общения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 1983.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла. - М., 2003.
6. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности. // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17-30.
7. Усольцева И.В. Теоретические основы понимания воспитания как отношений между «значимым другим» и «ожидаемым другим» // Мир психологии № 4. 2011.- С. 173-181.
8. Хорошилова Е.А. Феномен субъективной значимости другого человека: Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1984.

9. Шкопоров Н. Б. Феноменология, динамика и психологические механизмы субъективной значимости другого человека для старших подростков в условиях школы-интерната: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 1980.

10. Юревич А. В., Юревич М. А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 21-41.

Образ семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса

Шведовская А.А., Загвоздкина Т.Ю.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский городской психолого-педагогический университет», Москва, Россия

Ключевые слова: образ семьи, социально-экономический статус, субъективное благополучие, детско-родительские отношения.

Согласно современным представлениям о роли и значении семьи как институте социализации ребенка, семья удовлетворяет потребность ребенка в принятии, признании, защите, эмоциональной поддержке, уважении [2; 3; 8; 10; 11 и др.]. В семье ребенок приобретает первый опыт социального и эмоционального взаимодействия с социальным окружением. Специфика сотрудничества со взрослым состоит, в том числе, в познании и оценке других, а через других – в самопознании и самооценке [2; 8; 11; 18]. Продуктами взаимодействия со взрослым являются образ себя и другого, а также образ взаимоотношений, возникающих в процессе коммуникации [1; 2; 8; 11; 12]. Содержанием образа семьи в данном контексте является субъективная репрезентация части образа мира, а именно – системы значимых отношений в семье,

характеризующейся определенными связями ее членов. Образ семьи представляет собой результат отражения в индивидуальном сознании реального опыта семейного взаимодействия. [7; 8; 9; 14; 16; 17]. Образ семьи у ребенка носит регулирующий, направляющий, контролирующий характер и определяет тактику взаимодействия с родителями и другими членами семьи. Образ семьи передает субъективный, активный и целостный характер переживаний ребенком особенностей внутрисемейных отношений. При этом важно учитывать, что семья включается в более широкий контекст – социальный, экономический, культурный, политический, расово-этнический [4; 5; 13; 14; 19-22]. Зарубежные исследования показывают, что существующие в современном обществе варианты социального неравенства – гендерные, образовательные, расово-этнические, материально-имущественные, территориальные и пр., оказывают существенное влияние на реализацию семьей своих функций [19-22 и др.]. При этом социально-экономический статус семьи взаимосвязан с особенностями внутрисемейных отношений и находит свое отражение в образе семьи у ребенка. Под социально-экономическим статусом семьи понимается общее положение семьи в системе социальной стратификации, определяемое уровнем и структурой среднедушевых доходов и расходов семьи, а также отношениями членов семьи к своему материальному положению (переживанием субъективного экономического благополучия) [15]. Проблема изучения образа семьи у ребенка в современных условиях приобретает особую актуальность по ряду причин. В условиях отмечаемой в обществе тенденции к смене традиционных семейных ценностей, детско–родительских, полорольевых, супружеских ролей, формирование образа семьи у ребенка требует отдельного анализа [6]. Исследования показывают, что в современной семье наблюдаются такие кризисные явления как снижение относительной доли пар, вступающих в брачные отношения, рост числа разводов, количества неполных или альтернативных семей, низкий уровень рождаемости, дисгармония в сфере супружеских, детско–родительских отношений [1]. В настоящее время представляется недостаточно изученной проблема формирования у ребенка образа семьи и соотнесения особенностей образа семьи с социально-экономическими условиями жизни семьи.

Наше исследование посвящено изучению взаимосвязи образа семьи ребенка

старшего дошкольного возраста с социально – экономическим статусом его семьи. Образ семьи – это целостное интегрированное образование, динамически изменяющееся в онтогенезе, а также в связи с изменениями актуальной семейной ситуации. Образ семьи включает в себя два компонента: когнитивно-деятельностный и эмоциональный. Его эмоциональный компонент связан с отношением (оценкой или самооценкой), а когнитивно-деятельностный – с установками и представлениями о себе как о члене семьи, о других членах семьи, а также о семье в целом. Содержанием образа семьи является субъективная репрезентация части образа мира, а именно – системы значимых отношений в семье как первичной малой группе, характеризующейся определенными связями ее членов. Образ семьи у ребенка носит регулирующий, направляющий, контролирующий характер относительно построения взаимодействия с членами семьи. Образ семьи передает субъективный, активный и целостный характер переживаний ребенком особенностей внутрисемейных отношений. Под социально-экономическим статусом семьи понимается общее положение семьи в системе социальной стратификации, определяемое уровнем и структурой среднедушевых доходов и расходов семьи, а также отношениями членов семьи к своему материальному положению (переживанием субъективного экономического благополучия). Говоря о наличии взаимосвязи между материальным благополучием и внутрисемейными отношениями, необходимо отметить, что уровень доходов определяет различия в жизненных стандартах семей – количестве и качестве потребляемых товаров и услуг, удобстве и комфорте микросреды обитания, возможности проведения совместного досуга детей и родителей, приобретении качественного образования и т.д. Различия в жизненных условиях формируют неравные возможности адаптации, способности справляться с физическими и эмоциональными нагрузками. Исследования показывают, что низкое социально-экономическое положение вызывает у людей субъективное восприятие «неравного» положения в обществе и связанные с этим оценки, отношения, переживания. Низкий социально-экономический статус способствует появлению состояния страха, неуверенности, низкой самооценке, социальной изоляции, сложностей в принятии решений и возможностей контроля. Неравенство в жизненных стандартах определяет неравенство возможностей в использовании эффективных мер и способов в

борьбе с возникающими жизненными проблемами [19-22]. Понятия «образ семьи» и «социально-экономический статус семьи» недостаточно операционализированы в отечественных исследованиях. Малоизученными остаются отдельные характеристики образа семьи, его структура и функции, а также особенности в старшем дошкольном возрасте. Поэтому особенно важной и актуальной видится необходимость изучения этих понятий, а также их взаимосвязи в контексте современной психологии развития. Таким образом, *проблема* исследования заключается в недостаточной изученности взаимосвязи психического развития ребенка и условий жизни его семьи, в том числе в необходимости операционализации психологического содержания понятия образа семьи ребенка. Исследование особенностей образа семьи, складывающегося у ребенка старшего дошкольного возраста, во взаимосвязи с социально-экономическим статусом семьи, определяет актуальность заявленной темы.

Цель исследования: выявление психологических особенностей образа семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях с различным социально-экономическим статусом.

Объект исследования: образ семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса.

Предмет исследования: взаимосвязь образа семьи у детей старшего дошкольного возраста и социально-экономического статуса семей, в которых они воспитываются.

Гипотеза исследования: образ семьи у ребенка старшего дошкольного возраста определяется характером отношения ребенка к социально-экономическому статусу его семьи.

Частная гипотеза: существуют типологические особенности образа семьи у детей старшего дошкольного возраста, обусловленные опытом переживания внутрисемейного взаимодействия.

Задачи исследования:

1. Теоретический анализ психологического содержания образа семьи у детей, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса. Выделение компонентов и параметров оценки образа семьи у ребенка.

2. Изучение особенностей объективной и субъективной составляющих социально-экономического статуса в семьях с детьми старшего дошкольного возраста.
3. Исследование особенностей образа семьи у детей старшего дошкольного возраста из семей с различным социально-экономическим статусом.
4. Построение эмпирической типологии образа семьи у детей старшего дошкольного возраста.
5. Выявление взаимосвязи между особенностями образа семьи и показателями субъективного экономического благополучия у детей старшего дошкольного возраста из семей различного социально-экономического статуса.

Методы исследования:

- методы теоретического анализа и обобщения подходов к проблеме исследования;

- методы эмпирического исследования:

для детей: методика «Рисунок семьи»; методика «семейная доска» (автор К. Людевиг); методика «Межличностные отношения ребенка» (автор Р. Жиль); методика «Сюжетно-ролевая игра в семью» (модификация А.А. Шведовской); опросник субъективного экономического благополучия (модификация методики В.А. Хашенко) для детей. Для родителей: Анкета для определения социально-экономического статуса семьи; опросник субъективного экономического благополучия (В.А. Хашенко)

- методы качественно–количественной обработки и интерпретации данных;

- методы статистической обработки данных. На основе теоретического анализа проблемы взаимосвязи образа семьи у ребенка с социально-экономическим статусом его семьи, был разработан *план эмпирического исследования*, включающий три этапа, каждый из которых был направлен на решение соответствующих задач:

1 этап. *Исследование социально-экономического статуса семьи.*

Определение социально–экономического статуса семьи ребенка: измерение субъективной и объективной составляющих социально-экономического статуса.

2 этап. *Исследование образа семьи у ребенка старшего дошкольного возраста.*

Всестороннее исследование образа семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса. Поиск взаимосвязей образа семьи у ребенка с социо-экономическими показателями жизни их семей.

3 этап. Описательно-интерпретационный.

Анализ взаимосвязи образа семьи у ребенка старшего дошкольного возраста с социально-экономическим статусом его семьи.

Результаты 1 этапа исследования. Определение социально-экономического статуса семьи ребенка.

На первом этапе исследования были сформированы 3 группы выборки: 30 семей с низким социально-экономическим статусом (СЭС), и по 30 семей со средним и высоким СЭС. Формирование групп происходило на основании анализа 2 компонентов социально-экономического статуса: объективного и субъективного.

По результатам опроса детей и родителей, выделены объективные показатели СЭС, а также средние показатели по шкалам субъективного экономического благополучия в каждой из групп выборки. Затем проводился корреляционный анализ и попарные сравнения средних значений выборок по шкалам субъективного экономического благополучия: индекс экономического оптимизма и уверенности; индекс субъективной адекватности дохода запросам и потребностям личности; индекс текущего благосостояния семьи; индекс финансовой депривированности; индекс экономического беспокойства и тревожности; общий индекс субъективного экономического благополучия. По всем группам выборки по всем шкалам получены значимые различия ($p < 0,01$). Таким образом, между субъективным и объективным компонентами социально-экономического статуса показана статистически значимая взаимосвязь. Выборки, сформированные на основании объективного и субъективного компонентов, значимо различаются по уровню социально-экономического статуса.

Результаты 2 этапа исследования. Исследование образа семьи у детей старшего дошкольного возраста.

На втором этапе исследования были обследованы дети из 3 групп семей (высокий, средний и низкий СЭС) по всем компонентам образа семьи при помощи выбранных

методик. Корреляционный анализ, сравнение средних показателей, попарное сравнение групп показали наличие значимой взаимосвязи между СЭС семей и компонентами образа семьи у ребенка. В частности, по параметрам методики «*семейная доска*» (автор К. Людевиг) существует значимая взаимосвязь между СЭС и: показателями по шкале «Пространственное отдаление фигур», по параметру пространственное отдаление фигурки отца (значимость на уровне $p \leq 0,05$); по шкале «состав фигур в расстановке» при соотнесении выбранного количества фигур с реальным составом семьи – включение посторонних (значимость на уровне $p \leq 0,01$); по шкале «направление взгляда фигур» при оценке направления взгляда (значимость на уровне $p \leq 0,01$). По методике «*Межличностные отношения ребенка*» (автор Р. Жиль) отмечается увеличение положительных выборов по всем шкалам, характеризующим конкретно-личностные взаимоотношения ребенка (кроме шкалы «отношение к другу/подруге») с увеличением уровня социально-экономического статуса семьи. При сравнении *игры в семью* (модификация А.А. Шведовской) детей из семей низкого социально-экономического статуса с игрой детей из высокого социально-экономического статуса, в образе семьи у детей из первой группы обнаружены признаки неблагополучия во взаимоотношениях с отцом, а также проигрывание сцен, в которых один из членов семьи подвергается унижению. Анализируя эмоциональный и когнитивно-деятельностный компоненты образа семьи у детей из семей с низким СЭС по результатам методик «игра в семью» и «*рисунок семьи*», можно сделать вывод о выборочном предпочтении ребенка в общении с конкретными членами семьи, при этом другие родственники избегаются. В игре это выражается в инициировании окончания, а при проигрывании основного сюжета члены семьи не взаимодействуют друг с другом. При сравнении игры детей из семей среднего социально-экономического статуса с игрой детей из высокого социально-экономического статуса, у детей из семей среднего СЭС отмечается более частое расширение реального состава семьи за счет включения в игру не связанных с ней людей (знакомых, друзей, учителя, няни). Интересно, что по результатам анализа рисунков семьи у детей из данной группы обнаружены сходные тенденции.

Исходя из проведенного анализа, в образе семьи у ребенка нашли свое отражение более гармоничные, положительно эмоционально окрашенные взаимоотношения детей

из семей среднего и высокого социально-экономического статуса со своим семейным окружением, а также со значимым взрослым (учителем, другом семьи и пр.). Анализ данных по всем методикам позволяет сделать выводы об особенностях эмоциональных отношений ребенка с родителями и другими членами семьи, о стратегиях поведения в конфликтных и фрустрирующих ситуациях и переживании благополучия в ситуациях семейного общения. Наиболее напряженной сферой внутрисемейного взаимодействия в группе семей низкого СЭС являются взаимоотношения ребенка с отцом, а также взаимоотношения с другими членами семьи, проживающими с ребенком. Также, в образе семьи у детей данной группы семей находит свое отражение недостаток эмоционально теплого общения всех членов семьи, нехватка совместно проводимого времени, отмечаются признаки тревожности, фрустрации и стресса в ситуациях взаимодействия с членами семьи. *В семьях низкого социально-экономического статуса дети старшего дошкольного возраста часто демонстрируют в образе семьи наибольшее неблагополучие по сравнению с детьми из семей среднего и высокого социально-экономического статуса.*

Результаты 3 этапа исследования. Анализ взаимосвязи образа семьи ребенка дошкольного возраста с социально-экономическим статусом его семьи.

На третьем этапе для достижения поставленных в нашем исследовании задач, а также проверки наших предположений, из всей совокупности полученных данных мы выделили типы образов семьи у ребенка старшего дошкольного возраста.

Для этого проведено следующее:

1. Выделение ключевых параметров использованных в исследовании методик;
2. Проведение кластерного анализа на основе ключевых параметров;
3. Описание эмпирической типологии образа семьи

Итак, из всей совокупности данных по методикам, ключевые параметры для кластерного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Ключевые параметры для кластерного анализа по всем методикам

	Методика	Ключевые параметры
1	Методика «Рисунок семьи»	Общий показатель неблагополучия по данной методике
2	Методика «Игра в семью»	Общий показатель неблагополучия по данной методике
3	«Межличностные отношения ребенка» Рене Жиля	Отношение к матери; отношение к отцу; отношение к матери и отцу как родительской чете; отношение к братьям и сестрам; отношение к бабушке и дедушке
4	Методика «семейная доска» К. Людевига	Пространственное отдаление фигур; состав фигур в расстановке; направление взгляда

Выделение типов образа семьи у ребенка произведено на основании ключевых показателей по методикам, диагностирующим следующие показатели в образе семьи у ребенка:

- особенности эмоциональных отношений ребенка с родителями и другими членами семьи (дистанция, интенсивность, эмоциональная окраска),
- характер переживаний в ситуациях семейного общения (общий, интегрированный показатель благополучия),
- стратегии поведения в конфликтных и фрустрирующих ситуациях (выраженность агрессивно–наступательных или защитных тенденций при общении с близкими).

По результатам кластерного анализа было выделено 5 кластеров, которым соответствуют 5 типов образа семьи ребенка старшего дошкольного возраста:

1. тип - благополучный образ семьи «*Благополучная семья*»
2. тип – образ семьи с элементами неблагополучия «*Неустойчивая семья*»
3. тип – дистантный образ семьи «*Дистантная семья*»
4. тип – конфликтный образ семьи «*Конфликтная семья*»
5. тип – неблагополучный образ семьи «*Неблагополучная семья*»

На Рисунке 1 представлено количество семей каждого социально-экономического статуса в соответствии с типами образов семьи у ребенка.

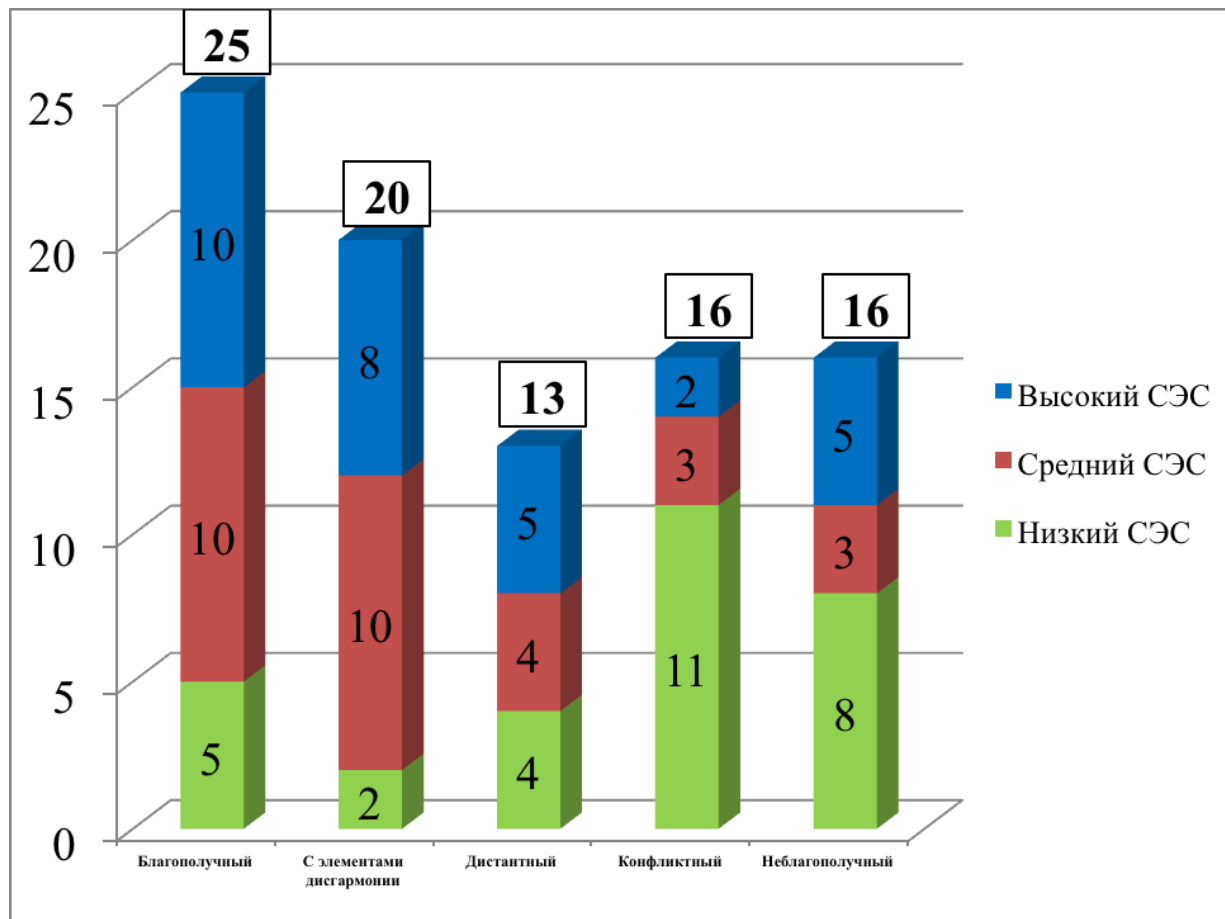

Рис. 1. Количество семей в соответствии с типами образа семьи и в соответствии с уровнем социально-экономического статуса

Процентное соотношение семей в соответствии с типами образа семьи у ребенка представлены на Рисунке 2.

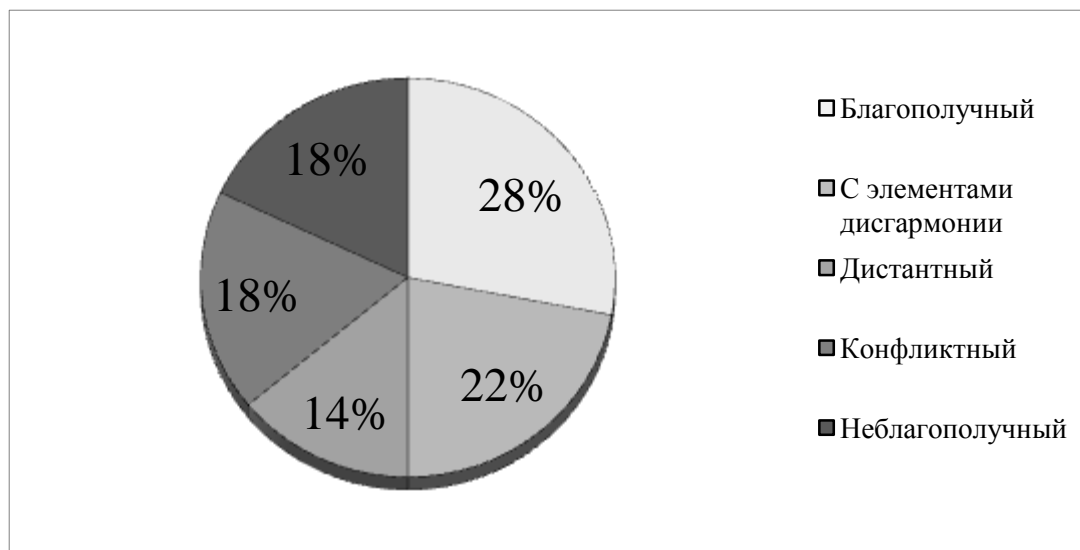

Рис. 2. Процентное распределение семей в соответствии с типом образа семьи у ребенка

На основании статистической обработки данных по средним значениям по всем методикам в каждом из кластеров, а также их попарного сравнения при помощи U-критерия Манна-Уитни, проведено содержательное описание полученных типов образа семьи у ребенка старшего дошкольного возраста.

Выводы. 1. Образ семьи - это целостное интегрированное образование, динамически изменяющееся в онтогенезе, а также в связи с изменениями актуальной семейной ситуации. Содержанием образа семьи является субъективная репрезентация части образа мира, а именно – системы значимых отношений в семье как первичной малой группе, характеризующейся определенными связями ее членов. Образ семьи носит субъективный и целостный характер и отражает переживания ребенком особенностей внутрисемейных отношений. Образ семьи включает в себя когнитивно-деятельностный и эмоциональный компоненты. Социально-экономический статус семьи включает в себя объективный и субъективный компоненты. Объективный компонент социально-экономического статуса – это источники доходов семьи, структура расходов, уровень денежных доходов. Субъективный компонент определяется как субъективное экономическое благополучие и включает в себя: оптимистическую или

пессимистическую оценку внешних и внутренних условий изменений материального благополучия, оценку адекватности дохода запросам и потребностям, субъективную оценки материального положения семьи в целом, степень достатка или недостатка финансовых средств, отсутствие или наличие и определенная степень выраженности финансового стресса. 2. В исследовании проведена апробация диагностических методик, направленных на выявление особенностей компонентов социально-экономического статуса его семьи: опросник субъективного экономического благополучия (В.А. Хашенко) – варианты для родителей и для детей (модификация автора), анкета определения социально-экономического статуса семьи. А также подобран комплекс диагностических методик для выявления особенностей образа семьи глазами ребенка в дошкольном возрасте: «Рисунок семьи»; «Семейная доска» (автор К. Людевиг); методика «Межличностные отношения ребенка» (автор Рене Жиль); методика «Сюжетно-ролевая игра в семью». 3. Субъективный и объективный компоненты социально-экономического статуса статистически значимо взаимосвязаны как у детей, так и у взрослых. В семьях низкого социально-экономического статуса преобладают пессимистические оценки внешних и внутренних условий изменений материального благополучия; доход, по мнению испытуемых, не соответствует запросам и потребностям их семей; они низко оценивают материальное положение своих семей в целом; ощущают острую нехватку денежных средств; при этом имеют сильную степень выраженности финансового стресса. В семьях среднего социально-экономического статуса преобладают средние показатели по шкале экономического оптимизма и уверенности; испытуемые средне или выше среднего оценивают текущее благосостояние своей семьи, по показателям финансовой депривированности не ощущают острого недостатка финансовых средств, однако хотели бы улучшить свое финансовое положение; не имеют крайних проявлений финансового стресса. В семьях высокого социально-экономического статуса продемонстрированы преимущественно высокие значения по шкале экономического оптимизма, испытуемые оценивают внешние и внутренние условия изменений материального благополучия своей семьи как позитивные; доход полностью соответствует потребностям и ожиданиям их семей; текущее благосостояние своей семьи оценивается как хорошее; признаков финансовой

депривированности испытуемые не имеют, также как и признаков беспокойства и тревожности. 4. На основе полученных данных выявлена общая тенденция: чем ниже социально – экономический статус семьи, тем более выражено неблагополучие в образе семьи у ребенка. Таким образом, гипотеза о том, что образ семьи у ребенка дошкольного возраста определяется характером отношения ребенка к социально-экономическому статусу его семьи образ семьи, нашла свое подтверждение. 5. Типы образа семьи у детей из семей среднего и высокого социально-экономического статуса, статистически чаще относятся к более благополучным («Благополучная семья», «Неустойчивая семья»), чем у детей из семей низкого социально-экономического статуса. Таким образом, гипотеза о том, что существуют типологические особенности образа семьи у детей старшего дошкольного возраста обусловленные опытом переживания внутрисемейного взаимодействия, нашла свое подтверждение. 6. На основе предложенной модели, эмпирически выделены пять типов образа семьи ребенка старшего дошкольного возраста, такие как благополучный («Благополучная семья»), с элементами дисгармонии («Неустойчивая семья»), дистантный («Дистантная семья»), конфликтный («Конфликтная семья»), и неблагополучный («Неблагополучная семья»). Типы образов семьи у ребенка различаются общим уровнем благополучия переживания семейной ситуации и характером переживания ребенком семейной ситуации, социальной и эмоциональной дистанцией между членами семьи, эмоциональным отношением ребенка к членам семьи, наличием у ребенка тревоги, фрустрации и стресса при общении с членами семьи. Таким образом, нашла подтверждение гипотеза нашего исследования о том, что существуют типологические особенности образа семьи у детей старшего дошкольного возраста обусловленные опытом переживания внутрисемейного взаимодействия. 7. Тип «Благополучная семья» характеризуется тем, что переживания ребенка отражают чувство семейной целостности и сплоченности. Ребенок ориентируется на поддержку и помощь со стороны семейного окружения в случае необходимости. Испытуемые с благополучным образом семьи открыты для взаимодействия с окружающими, так как имеют адекватную самооценку и чувствуют себя компетентными в ситуациях межличностного общения. В образе семьи у ребенка взаимоотношения с родителями эмоционально насыщены, позитивно эмоционально

окрашены для ребенка. Ребенок ощущает небольшую социальную дистанцию с близкими, обусловленную распределением ролей в семье. При этом, в образе семьи, ребенок чувствует себя полноценным участником общения, свободно выражает свои мысли и эмоции, так как воспринимает родителей принимающими, дарящими заботу. Дети с данным типом образа семьи не испытывают тревоги и страха в ситуациях семейного общения, в ситуациях столкновения интересов с кем – либо из членов семьи находят способы позитивного выхода из них. Тип «Неустойчивая семья» характеризуется тем, что дети могут эпизодически переживать стремление к большей устойчивости семейной системы. На фоне общего эмоционального благополучия, дети в данной группе в образе семьи обнаруживают признаки периодически испытываемого дискомфорта и стресса в ситуациях семейного общения. Эмоциональная и социальная дистанция с родителями является небольшой, однако стабильно интенсивных, положительно эмоционально окрашенных взаимоотношений с родными не отмечается. Испытуемые данной группы могут испытывать беспокойство при общении с кем-либо из членов семьи (чаще с отцом), ощущать давление и неприятие. Тип «Дистантная семья» характеризуется тем, что ребенок испытывает недостаток эмоциональной поддержки и отвержение со стороны родителей, испытывает чувство незначительности в ситуациях семейного общения. В образе семьи у ребенка внутрисемейная ситуация не является позитивной. Ребенок испытывает нехватку постоянного, близкого общения с родителями. Большую часть времени в семье он чувствует себя одиноким. Дети из данной группы испытывают слабое сопереживание своим проблемам. Социальная и эмоциональная дистанция между собой и близкими воспринимается ребенком как очень большая, поэтому он вынужден удовлетворять свои потребности в любви и принятии в ситуациях внесемейного общения. Тип «Конфликтная семья» характеризуется тем, что дети переживают негативно эмоционально окрашенное взаимодействие с членами семьи, в образе семьи у ребенка наблюдаются признаки тревоги и стресса. Обнаружены признаки взаимного (с различными членами семьи) недовольства и раздражения, неспособности эффективно взаимодействовать с семейным окружением. Ребенок не воспринимает свою семью как целое, часто ассоциируя ее с противостоянием и конфликтами. Несмотря на переживаемую ребенком небольшую социальную дистанцию

между собой и родственниками, он зачастую стремится ее увеличить, чтобы избежать психотравмирующего воздействия с их стороны. Дети из данной группы не владеют способами позитивных выходов из конфликтов, часто реагируют на них подавленностью, плачем. Тип «Неблагополучная семья» характеризуется тем, что в образе семьи у ребенка обнаружены признаки того, что ребенок чувствует неполноценность в ситуации семейного общения, а защитные механизмы находят свое отражение в тенденциях к избеганию общения, проявлению самоагрессии, а также в агрессивных проявлениях. Переживания тревоги и стресса, страха перед родными носят постоянный характер и накладывают отпечаток на поведение ребенка в целом – близкие взрослые не принимаются ребенком как авторитетные лица, ребенок старается скрывать свои переживания от них.

Список литературы

1. Богомолова, Т.Ю., Тапилина, В.С. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерение [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина // Социологические исследования. – 1997. – № 9. – С. 28–40.
2. Божович, Л.И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности [Текст] / Л.И. Божович; под ред. Д.И. Фельдштейн. – М.: Междунар. Пед. Акад., 1995. – 207 с.
3. Боулби, Дж. Привязанность. [Текст] / Дж. Боулби. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
4. Галущинская, Ю.О. Воспитание ценностного отношения к старости у детей дошкольного возраста [Текст]: автореф. Дис. ... канд. пед. наук. / Ю.О. Галущинская. – Екатеринбург, 1998. – 24 с.
5. Грабаровская, Л.В. Педагогические условия развития образа «Я» ребенка старшего дошкольного возраста [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. Наук / Л.В. Грабаровская. – Ростов-н/Д, 1996.
6. Грин, В. Терапевтическая работа по созданию у родителей нового образа ребенка [Текст] / В. Грин // Работа с родителями: психоаналитическая психотерапия с

детьми и подростками / под ред. Дж. Циантиса, С.Б. Ботиуса, Б. Холлерфорс и др. – М.: Когито-Центр, 2006. – С. 43–63.

7. Демидова, Н.И. Формирование образа семьи у старших дошкольников [Текст]: дис. канд. пед. Наук / Н.И. Демидова. – М., 2003.

8. Карабанова, О.А. Социальная ситуация развития ребенка (структура, динамика, принципы коррекции) [Текст]: дисс. ... докт. психол. наук / О.А. Карабанова. – М., 2002.

9. Кулиш, О.Г. Взаимосвязь образа семьи и развития самосознания у детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возрастов [Текст]: ис. ... канд. психол. наук / О.Г. Кулиш. – М., 2005.

10. Леонтьев, А.Н. Психология образа [Текст] / А.Н. Леонтьев // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1979. – №2. – С. 37–46.

11. Лисина, М.И. Формирование личности ребенка в общении [Текст] / М.И. Лисина. – М., 2009.

12. Маценова, Е.Б. Представления о семье в разных группах старшеклассников и студентов [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.Б. Маценова. – М., 2001.

13. Насонова, Е.Б. Влияние внутрисемейных отношений на эмоциональное поведение младших школьников [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.Б. Насонова. – Киев, 1990. – 16 с.

14. Рыжкова, А.В. «Образ семьи» у детей дошкольного возраста и их родителей [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / А.В. Рыжкова. – Москва, 2009.

15. Хащенко, В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация [Текст] / В.А. Хащенко // Экспериментальная психология. – 2011. – Т. 4. – № 1. – С. 106–127.

16. Шведовская, А.А., Загвоздкина, Т.Ю. Диагностика образа семьи у детей дошкольного возраста с помощью методики "Семейная доска" [Текст] // Вопросы психологии. 2014. Т. 2. С. 117-124.

17. Шведовская, А.А., Загвоздкина, Т.Ю. Социально-экономический статус семьи и психическое развитие ребенка: зарубежный опыт исследования [Текст] // Психологическая наука и образование. 2013. №1. С.65–76.
18. Шведовская, А.А. Специфика позиции родителей при различных типах взаимодействия с детьми дошкольного и младшего школьного возраста [Текст] // Психологическая наука и образование. 2006. №1. С.69–84.
19. Amato, P.R. Rural poverty, urban poverty, and psychological well-being [Text] / P.R. Amato, J. Zuo // Socil.Q. – 1992. – Vol. 33. – P. 229–240.
20. Baldwin, M. W. Relational schemas and the processing of social information [Text] / M.W. Baldwin // Psychological Bulletin, 1992. – Vol. 12. – P. 461–484.
21. Bornstein Marc H., C.-S. Hahn, J.T.D. Suwalsky, O.M. Haynes Socioeconomic Status, parenting and child development: the Hollingshead four-factor index of social status and the socioeconomic index of occupations [Text]// Marc H. Bornstein, Robert H. Bradley Socioeconomic Status, parenting and child development. – Taylor & Francis, 2010.
22. Kohn, M.L Class and conformity: a study in values [Text] / M.L. Kohn. – Chicago: University of Chicago Press, 1997.

**Ценность семьи как регулятор личностного адаптационного потенциала
курсанта-летчика**

Щербакова Е.А.

Краснодарский филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил

«Военно-воздушная академия», Краснодар, Россия

E-mail: leliyaom@yandex.ru

Тема профессиональной надежности военного летчика продолжает оставаться актуальной и в условиях современного развития и технического переоснащения военной авиации. Успешность развития авиации определяется не только достижениями технического прогресса, но и возможностями человека, эксплуатирующего эту технику.

В концепции профессионального психологического отбора военных летчиков, разработанной в 80-х годах прошлого века В.А. Пономаренко, Д.В. Гандером и др., определена структура профессионально важных качеств (ПВК) военного летчика-истребителя, в том числе, личностная группа ПВК, куда входят адаптивные способности.

Как и когда начинает формироваться адаптационный потенциал человека, избравшего этот вид профессиональной деятельности? Конечно первое место в ряду факторов, влияющих на формирование базовых адаптационных механизмов личности занимает семья. Семья является одним из институтов первичной социализации человека [4, с.14-23], которая откладывает отпечаток на его личность [1], формируя ее «особенной» – пригодной для профессионального становления и выполнения выбранной профессиональной деятельности [5].

В исследованиях М.Г. Лукиновой установлено, что семья как ценность в общей иерархии ценностей курсантов находится в числе приоритетных [3]. Вместе с тем, отношение к семье и родителям у курсантов с разным уровнем развития личностного адаптационного потенциала (ЛАП) разное [6]. Уточненные М.В. Забоевой профессионально важные качества (ПВК) личностной группы современного военного летчика, такие как уровень притязаний, самооценка, мотивация к успеху, мотивация к избеганию неудач, уровень субъективного контроля, нормативность поведения, ответственность [3] и другие личностные особенности имеют начало своего развития в семье.

В настоящем исследовании в фокусе внимания находится адаптационный потенциал личности в соотнесении с теми представлениями о родителях (матери и отце), которые существуют в сознании курсантов и влияют на учебно-профессиональное бытие в военном вузе.

Исследование личностного адаптационного потенциала (ЛАП) осуществлялось с использованием методики «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина. Исследование системы отношений курсанта в значимых областях его жизни (семья, самовосприятие) осуществлялось с использованием теста «Завершение предложений Сакса». Содержательная

интерпретация теста «Завершение предложений Сакса» осуществлялась на основе теста М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?».

Выборка курсантов была составлена из общего числа первокурсников: курсантов ($n=21$) с высоким и хорошим уровнем развития ЛАП ($m=8\pm 1,38$) и курсантов ($n=24$) со сниженным уровнем ЛАП ($m=5,8\pm 0,29$) (группа 1 и группа 2 соответственно). Все респонденты мужчины, возраст 17 – 20 лет. Исследование проводилось на базе Краснодарского филиала ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина».

Представим полученные результаты.

Выявлено идеализированное отношение курсантов 1 группы к родителям. В группе 2 курсанты идеализировали только образ матери, образ отца представлен в их сознании как отчужденный. Факт наличия семьи имеет большое значение для обеих групп респондентов. Чувство вины у курсантов 1 группы ниже, чем у курсантов 2 группы.

Проведенный корреляционный анализ между показателями методик МЛО и «Завершение предложений Сакса» показал наличие достоверных связей между ЛАП курсантов, их отношением к отцу, матери, семье, чувством вины и др.

Так курсанты с высоким и хорошим уровнем ЛАП отношение к семье выражают через отношение к отцу и матери. Идеализированное отношение к родителям [6] дает основание предполагать о наличии неудовлетворенности курсантов в сфере семейных отношений, что подтверждают выявленные обратные корреляционные связи между диадами: отношение к отцу – чувство вины ($r = -0,57$) и отношение к матери – ЛАП ($r = -0,54$). В свою очередь, отношение к отцу и отношение к матери, между которыми выявлена прямая корреляционная связь ($r = 0,49$), прямо коррелируют с отношением к семье.

В предыдущих исследованиях установлено, что курсанты воспитывались в семьях с доминированием одного из родителей, чаще всего – матери [7, с. 301-305]. Этот вид воспитательного взаимодействия формирует личность невротического типа [2]. Объективизация отношения курсантов к родителям, с одной стороны, повлечет за собой изменения в уровне их чувства вины и ЛАП, с другой стороны, изменит отношение к

семье в целом. Повышение личностного адаптационного потенциала также будет способствовать объективизации представления о родителях, вместе с тем, снижению ценности семьи и повышению чувства вины. Обнаруживается внутрисемейный конфликт, показывающий, что отношения между родителями идеализированы курсантами не случайно. Курсант, имеющий личность невротического типа пытается поддержать в своем сознании иллюзию благополучных отношений между родителями для того, чтобы не соприкоснуться с травмирующим его чувством вины. Становится понятным, что чувство вины у курсантов 1 группы является неким внутренним регулятором его психоэмоциональных процессов, касающихся взаимоотношений между родителями.

У курсантов 2 группы отношение к семье выражено через отношение к матери (0,45). Причем, ЛАП отрицательно связан с идеализированным отношением к матери ($r = -0,44$): объективизация отношения к матери снизит уровень ЛАП. Отношение к отцу прямо связано с отношением к своим способностям ($r = 0,45$); отношение к отцу и матери между собой не связаны. Чувство вины у курсантов 2 группы прямо коррелирует с отношением к начальникам ($r = 0,43$) и не имеет достоверно значимых корреляционных связей ни с одним из интересующих нас факторов, хотя прослеживается схожая с первой группой тенденция. Повышение ЛАП у курсантов 2 группы влечет за собой снижение ценности семьи и матери, как ее представителя, не влияя на отношение к отцу и способностям. Но, при схожей тенденции с 1 группой, повышение ЛАП может повысить у них чувство вины.

Таким образом, ценность семьи у курсантов с высоким и хорошим уровнем личностного адаптационного потенциала выступает его регулятором, а чувство вины является регулятором внутриличностного конфликта, связанного с неудовлетворенностью отношениями между родителями. У курсантов со сниженным уровнем личностного адаптационного потенциала ценность семьи также является его регулятором, а чувство вины делает их особенно зависимыми от начальников (проекция отца).

С целью повышения профессиональной надежности будущих специалистов с курсантами необходимо проводить психокоррекционную работу, направленную на формирование у них внутреннего локуса контроля и переводение чувства вины в

ответственность, изменение отношения к родителям, и в целом – на изменение отношения к себе. Содержательные и структурные изменения профессионально важных качеств личностной группы будут способствовать объективизации отношения к себе, семье, родителям, повышая при этом личностный адаптационный потенциал курсанта.

Список литературы

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды. - М.; Воронеж, 1995.
2. Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия. Серия: Психология ребенка.
3. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Личность курсанта: психологические особенности бытия». – Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА» (филиал), 2014.
4. Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под общ. ред. Н.Н. Посысоева. – М.: Изд-во ВЛАДОС ПРЕСС, 2004, с.14-23.
5. Сиваш О.Н. Личностно-ориентированная экспертиза профессиональной пригодности летчиков. Автореферат, 2009.
6. Щербакова Е.А. «Связь образа родителей с адаптивностью личности». Автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук, Краснодар, 2011.
7. Щербакова Е.А. Профессионально нормативное поведение как социально-психологический статус личности курсанта-летчика. Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014.